АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК
В. А. ОБРУЧЕВ

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОТАНИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для широкого круга читателей большой интерес представляет жизнь Г. Н. Потанина — выдающегося исследователя стран и народов Внутренней Азии, культурного деятеля, много способствовавшего просвещению Сибири до Великой Октябрьской революции.

Григорий Николаевич Потанин организовал изучение быта и эпоса бурят и других сибирских народов, устраивал музеи и выставки, хлопотал об открытии новых отделов Географического общества, был в числе учредителей первых высших женских курсов в Томске и общества вспомоществования их учащимся; организовал в Томске Общество изучения Сибири и раздобыл ему средства для отправки экспедиции в Монголию по изучению русской торговли; принимал живое участие в сибирской передовой периодической печати. По окончании путешествий он занялся также обработкой собранных материалов по верованиям и сказаниям тюркских и монгольских народов и пришел к интересным выводам о связи между восточными и западными легендами относительно сына божьего, изложенным в нескольких трудах.

- Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ (1835 -1846)
  - Глава II. В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ (1846—1852)
  - Глава III. КАЗАЧЬЯ СЛУЖБА И ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ (1852—1859)
  - Глава IV. С КАЗАЧЬЕГО СЕДЛА В УНИВЕРСИТЕТ (1859—1862)
  - Глава V. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (1862—1864)
  - Глава VI. СЛУЖБА И ЗАНЯТИЯ В ТОМСКЕ. АРЕСТ И ТЮРЬМА (1864—1868)
  - Глава VII. НА КАТОРГЕ И В ССЫЛКЕ (1868—1874)
  - Глава VIII. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОНГОЛИИ (1876—1877)
  - Глава IX. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. МОНГОЛИЯ И УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ (1879—1880)
  - Глава X. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. ОТ ПЕКИНА ДО ГОРОДА ЛАНЬ-ЧЖОУ ЧЕРЕЗ СТРАНУ ОРДОС (1884—1886)
  - Глава XI. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. ПО ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ТИБЕТА (1884—1886)

- Глава XII. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. НАНЬ-ШАНЬ И ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЦЕНТРАЛЬНУЮ МОНГОЛИЮ (1885—1886)
- Глава XIII. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ И НА ОКРАИНУ ТИБЕТА (1892—1893)
- Глава XIV. ПУТЕШЕСТВИЕ К БОЛЬШОМУ ХИНГАНУ И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1899—1920)
- Глава XV. СОТРУДНИКИ Г. Н. ПОТАНИНА В ПУТЕШЕСТВИЯХ
- Глава XVI. Г. Н. ПОТАНИН КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЗИИ
- ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ, В КОТОРЫХ ОПИСАНЫ ПУТЕШЕСТВИЯ Г. Н. ПОТАНИНА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга знакомит читателя с жизнью и путешествиями Григория Николаевича Потанина, отважного исследователя природы и населения Внутренней Азии, а также Алтая и Киргизской степи — северной части современного Казахстана. Всем известно имя Н. М. Пржевальского, знаменитого русского путешественника, который первый проник в глубь Внутренней Азии, описал страну Ордос, снеговые цепи Нань-шаня, берега озера Куку-нор, пробирался в глубь Тибета, открыл озеро Лобнор и пустыню Такла-макан. Он положил начало русским исследованиям, которые за последнюю четверть XIX в. изучали обширные пустыни, многочисленные горные цепи, реки, озера Внутренней Азии и нанесли их на карту, познакомили нас с жизнью и нравами народностей, населяющих эти края.

Гораздо меньше известно широким кругам советских читателей имя Г. Н. Потанина, изучавшего Внутреннюю Азию в те же годы и совершившего пять путешествий по Монголии, Китаю и восточной окраине Тибета. По исследованию природы Монголии и Китая он сделал гораздо больше, чем Пржевальский, а в отношении монгольских и тюркских народностей Азии, их быта, обычаев, верований, сказаний, всей жизни собрал несравненно больше сведений. Он путешествовал без военного конвоя, жил подолгу в селениях, городах и монастырях. Потанин входил в тесное общение с населением, чему много способствовала жена, сопровождавшая Григория Николаевича в путешествиях (кроме последнего), подчеркивавшая своим присутствием их мирный характер и имевшая доступ в семейную жизнь, закрытую для постороннего мужчины.

Сын казачьего офицера на пограничной линии в Западной Сибири, Г. Н. Потанин уже в детстве видел приезжавших на линию кочевников Киргизской степи, слышал об их нравах и жизни. В кадетском корпусе в Омске, где он учился, рассказы товарищей, таких же детей пограничников, зародили в нем интерес к путешествиям. В качестве офицера он принял участие в военном походе в Среднюю Азию до подножия Заилийского Алатау, видел вечноснеговые горы, посетил китайский город Кульджу и потом служил некоторое время на Алтае. В 1863 г. он участвовал в экспедиции астронома Струве, изучавшей хребет Тарбагатай, пограничный с китайской Джунгарией, берега озер Зайсан и Марка-куль и составил подробное описание этих мест. В качестве исследователя Азии он начал работать раньше Пржевальского.

Но затем его научная деятельность была прервана надолго по политическим причинам. За пропаганду передовых идей и агитацию в пользу учреждения в Сибири университета для подготовки местных культурных работников Г. Н. Потанин был арестован, обвинен в «сибирском сепаратизме» и присужден, к каторжным работам. Он пробыл больше трех лет во время следствия в омской тюрьме, затем отбывал три года каторгу в Свеаборге и четыре года — ссылку в Вологодской губ. Только после этого перерыва он мог подготовиться к путешествию по Монголии.

Как культурный деятель Г. Н. Потанин работал позже в качестве правителя дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества в Иркутске, в промежутке между путешествиями, и последние двадцать лет своей жизни — в Красноярске и Томске. Он организовал изучение быта и эпоса бурят и других сибирских народов, устраивал музеи и выставки, хлопотал об открытии новых отделов Географического общества, был в числе учредителей первых высших женских курсов в Томске и общества вспомоществования их учащимся; организовал в Томске Общество изучения Сибири и раздобыл ему средства для отправки экспедиции в Монголию по изучению русской торговли; принимал живое участие в сибирской передовой периодической печати.

По окончании путешествий он занялся также обработкой собранных материалов по верованиям и сказаниям тюркских и монгольских народов и пришел к интересным выводам о связи между восточными и западными легендами относительно сына божьего, изложенным в нескольких трудах.

Для широкого круга читателей большой интерес представляет жизнь Г. Н. Потанина — выдающегося исследователя стран и народов Внутренней Азии, культурного деятеля, много способствовавшего просвещению Сибири до Великой Октябрьской революции.

Автор

Глава I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ (1835 -1846)

Родители Г. Н. Потанина. Казачьи станицы на пограничных линиях. Детство в Ямышеве, Семиярской и Пресновской. В отцовской избе и в доме полковника Эллизена. Рабыни-калманки. Цветники Эллизена

Григорий Николаевич Потанин, известный исследователь природы и населения Монголии, Китая и окраины Тибета, этнограф и сибирский общественный деятель второй половины XIX и начала XX века, родился 22 сентября 1835 г. в пос. Ямышевском на Иртыше, в Западной Сибири. Его отец, Николай Ильич Потанин, был хорунжим Сибирского казачьего войска из редута Островного Петропавловского уезда.

Сибирское казачье войско до половины XIX века несло охрану государственной границы на всем протяжении от Урала до Алтая. В Западной Сибири эта граница в середине XVIII века тянулась от крепости Звериноголовокой у восточного подножия Урала на восток до Омска и здесь поворачивала вдоль Иртыша на юго-восток через Семипалатинск до Усть-Каменогорска, отделяя Алтай с его серебряными рудниками, составлявшими собственность царской семьи, от Киргизской степи[1] населенной кочевниками, еще не подчиненными русской власти. Для охраны Алтая и его русского населения от набегов кочевников казачьи посты и остроги были сначала основаны вдоль всей иртышской линии от Омска до Усть-Каменогорска, а в 1755 г., для защиты южной части Тобольской губернии от набегов, правительство решило заселить казаками границу от Омска до Звериноголовской, создав новую казачью линию, получившую название Горькой. Был сделан клич по городам Тюмени, Тобольску, Таре и другим с вызовом желающих из числа городовых (т. е. живших в городах) казаков переселиться на новую линию.

Три казака братья Потанины согласились на переселение; двое поселились в редуте Островном около станицы Пресновской. Один из них, Андрей, был прадедом путешественника Потанина. Его сын Илья, дослужившийся до чина сотника, приобрел большое богатство; у него были огромные табуны лошадей и несметное число баранов, которые были рассеяны по всей степи. Когда он умер и три сына стали делить его скот, то коров и баранов пригнали в Островное и заняли ими обширный двор

Ильи и два соседних, а табуны лошадей даже не пригоняли, а делили в степи.

Один из этих сыновей, Николай Ильич, отец путешественника, был выдающимся офицером в Сибирском казачьем войске. Он учился в только что открытом войсковом училище в Омске, основанном для казачьих детей; в 1816 г.. окончив его, получил назначение в конно-артиллерийскую бригаду, где выдвинулся по своим способностям. Командующий войсками Западной Сибири давал ему особые поручения. Так, в 1829 г. ему поручили сопровождать во главе конвоя возвращавшееся из С.-Петербурга посольство кокандского хана до г. Коканда в Средней Азии. Перед отправлением в Коканд Николая Ильича научили маршрутной съемке, он вел ее во все время путешествия и привез Главному штабу в Омске маршрутную карту и дневник, а путешествие описал в записке, которая была напечатана в 1830 г. в «Военном журнале». Затем Николая Ильича послали проводить в Петербург новый состав посольства Кокандского ханства. Оно вело в дар русскому императору слона.

В 1834 г., при введении нового административного устройства, Киргизская степь была разделена на несколько округов, и во главе каждого был поставлен русский чиновник. Николай Ильич был назначен начальником Баян- аульского округа. Позже он принимал участие в нескольких походах против киргизских султанов (так назывались крупные киргизские баи), поднимавших восстания, доходил до кокандских городов Сузака и Чимкента и сделал маршрутную съемку по реке Сары-су.

Приезжая в Баян-аул в 1834 г., Николай Ильич в Ямышевском поселке женился на дочери капитана-артиллериста Трунина, Варваре Филипповне, и через год привез ее в Ямышево, чтобы доставить ее родителям удовольствие лелеять первые дни их внука.

Ямышево является одним из первых русских поселений на Иртыше; вблизи его находится богатое хорошей солью озеро; сюда уже с начала XVII века ездили русские из Тобольского края за солью. Это послужило поводом для организации в Ямышеве ярмарки; для торговли с кочевниками на ярмарку из разных мест стали приезжать тортовые люди. В 1714 г. сибирский наместник князь Гагарин обратился к правительству с предложением завладеть Иртышом, чтобы иметь свободный доступ к золотым россыпям у Эркети (Яркенда). Петр I написал на его донесении: «Построить город у Ямышева озера и итти далее до г. Эркети и оным искать овладеть».

Нужно заметить, что и Гагарин, и Петр I имели, очевидно,

смутное представление о географии Внутренней Азии, о расстояниях, естественных препятствиях на пути к Яркенду и политическом устройстве обширной области. На основании приказа Петра в 1715 г. из Тобольска был отправлен отряд в 3000 человек под командой полковника

Бухгольца на 32 дощаниках[2] и 27 лодках. В октябре отряд дошел до Ямышева и построил здесь крепость (острог).

Но весной следующего года джунгарские калмыки осадили крепость, и отряд вынужден был отступить. Все постройки были уничтожены. В том же году новая экспедиция восстановила крепость, укрепила ее и оставила сильный гарнизон. В следующем году были основаны крепости Семипалатинск и Усть-Каменогорск; Ямышево вошло в цепь укреплений по Иртышу.

Первоначально в них жили солдаты и драгун[3], но с 1725 г. к ним были приписаны казаки, отслужившие в крепостях свой срок; многие оставались и после службы и составили в этих укреплениях первых колонистов. В 1771 г.. Ямышево посетил и описал академик Паллас; возле крепости было уже предместье из 80 дворов с двумя сторожевыми башнями; внутри крепости жили военные, в хороших домах и казармах.

В конце XVIII века Ямышево представляло важный административный и торговый пункт, важнее Омска, так как в нем жил начальник всей военной линии по Иртышу и стоял крупный гарнизон; этот начальник был генерал- губернатором Киргизской степи и держал в руках сношения с независимыми кочевниками — киргизами и калмыками[4], земли которых были расположены на левом берегу Иртыша. В Ямышеве был гостиный двор, мусульманская мечеть; сюда за солью приезжали купцы из Тобольска, Томска и Алтая, а купцы из Кашгара, Яркенда и других мест Туркестана привозили свои товары. Но по мере развития Омска значение Ямышева падало, и в 1835 г., в год рождения Потанина, в поселке жило только около 300 человек.

Г. Н. Потанин провел свои детские годы сначала в Ямышеве, а потом в станицах Пресновской и Семиярской и чуть не погиб во время своего первого путешествия. Его отец повез свою жену и полугодовалого сына из Ямышева, где жена гостила у родителей, в Пресновск. Это было зимой, и поехали в кошеве—больших открытых санях, обитых рогожей. Ребенок был привязан к подушке. Ночью родители заснули. Ямщик вдруг остановил лошадей, разбудил отца и сказал, что у них с воза как будто что-то упало. Осмотрелись — подушки с ребенком не было. Испуганные родители побежали назад и на порядочном расстоянии нашли подушку с ребенком, который продолжал спокойно спать. К его счастию, подушка упала так, что он остался

на ней, а не под ней, иначе успел бы задохнуться, пока его искали.

В Пресновске Н. И. Потанин жил в собственном домике вместе со своей сестрой Меланьей, бывшей замужем за казачьим фельдшером. Николай Ильич за служебное столкновение в бытность его начальником отряда в Баян-ауле долгое время был под судом, сидел даже в тюрьме и, наконец, был разжалован в простые казаки. Он истратил все табуны и стада, унаследованные от отца, на взятки судьям, но без успеха, и окончательно обеднел. Семья жила очень скромно. О первых годах жизни в Пресновске его сын Гриша помнил очень мало. Большую часть времени он проводил в избе на полатях, наблюдая, как муж тетки Меланьи — фельдшер сам тачал сапоги у окна. Днем Гриша бегал по улице и играл с казачатами в бабки. В Пресновске стояла пехотная часть, и Гриша помнил, как казачата днем, когда солдаты были на занятиях, лазили в пустые казармы, а вечером боялись их и далеко обходили. Он помнил также солдата с висящим на животе турецким барабаном; проворные казачата пролезали под барабан и стучали по нему; помнил кадки с тестом, которое солдаты месили ногами.

Пяти лет Гриша лишился матери, которая умерла, когда отец сидел в тюрьме. Его воспитанием занялась двоюродная сестра, младшая дочь тетки. Она заменила ему мать. Он ее очень любил и возненавидел ее жениха, пехотного поручика Ваныкина, за то, что тот постоянно дразнил его, угрожая отнять у него эту маму. Однажды Ваныкин стал расспрашивать Гришу, во что он ценит своих родных — отца, тетку, бабушку, маму. Гриша долго соображал, во что оценить маму, чтобы поручик не мог взять ее, и, наконец, объявил: «две оловянные рыбки»; он был уверен, что Ваныкин не сможет достать их. Но на следующий день поручик принес ему двух блестящих рыбок, взял маму за руки и повел. Гриша закричал и вцепился в него зубами. В другой раз он подкараулил его в воротах и ударил изо всех сил палкой по спине. И все-таки его маму жених, наконец, увез.

Жизнь Гриши в эти годы не отличалась от жизни простых казачат; днем он бегал по улице и играл с ними в бабки или проводил время на полатях в избе тетки. Два раза в день со двора выгоняли 10—12 лошадей на водопой и Гришу часто сажали верхом на одну из них как будущего казака.

Когда Николай Ильич обеднел и был разжалован, он отвез мальчика к своему брату Дмитрию, жившему в станице Семиярской на Иртыше и имевшему до 10 000 лошадей. Дядя нашел учителя, который обучил Гришу азбуке, а затем, за отсутствием в то время детских книжек для начального чтения,

дал ему руководство по фортификации. Гриша водил указкой по строчкам, правильно разбирал слова, но удивлялся, что ничего не понимает.

В доме дяди мальчик жил на положении барчонка вместе со своей двоюродной сестрой Леной, которая была на год старше. Дядя был женат на дочери золотопромышленника, которая гнушалась родственников своего мужа, и Гриша чувствовал это. Лена, напроказив или разбив что-нибудь, всегда сваливала вину на него, и тетка наказывала его. Он убегал в конюшню к конюху, который его утешал, гладил по голове и вытирал слезы. Изредка ему удавалось вырваться из дома, и он убегал с казачатами в поле, где дети копали коренья кандыка[5] как лакомство. Но через два года дядя умер, тетка отказалась держать племянника, и ему пришлось вернуться в Пресновск.

В это время Пресновск был штабквартирой полка и бригады. Бригадный командир Эллизен хорошо относился к разжалованному Николаю Ильичу, поручил ему надзор за своим большим огородом и постройкой новой церкви, а Гришу взял к себе, чтобы учить его вместе со своим сыном и двумя дочерьми. Он пригласил казачьего учителя, который обучал детей русскому языку, арифметике и географии. Кроме школьных были и внешкольные занятия. Жена Эллизена выписывала ежемесячный детский журнал «Звездочка», и, когда с почты получалась новая книжка, для детей был праздник: полковница, как Гриша называл жену Эллизена, собирала детей вокруг своей кровати, на которой любила проводить послеобеденное время, лежа на мягком пуховике, и кто-нибудь из детей читал вслух рассказы из журнала.

Полковница как-то привезла из Омска партию новых книг и потом собирала у себя маленькое общество из офицерских жен и читала их им; дети также присутствовала на этих чтениях.

Позже Гриша узнал, что это были «Ревизор» и «Мертвые души». Они не произвели на него большого впечатления. Но восьми лет он прочитал «Робинзона Крузо». Первые же страницы этой книги захватили его. В доме были гости, прислуга была занята в кухне и в столовой, а в девичьей, где горела свеча, было пусто. Гриша забрался туда с книгой и не мог оторваться от нее, пока не кончился ужин, не пришла горничная и не погнала его спать. С тех пор он стал мечтать о морских путешествиях.

В отцовский дом Гриша возвращался только в субботу вечером на воскресенье, и тетка потчевала его вкусными шаньгами[6], блинами и оладьями. В воскресенье вечером его уводили назад в дом Эллизена.

В отцовском доме Гришу баловали, но о развитии его ума не

заботились. Отец не интересовался литературой и даже о Пушкине не имел представления. Бабушка рассказывала о времени Пугачева и об армейских полках, которые до 1812 г. стояли в Сибири и оставили по себе тяжелую память насилиями над населением. Один из полков назывался Ширванским, по имени кавказского города Ширвань, но сибирские крестьяне переделали это название в «уши-рванские» и распространили эту кличку на все армейские полки.

В отцовском доме в качестве прислуги жили две девушки-киргизки, купленные дедом Гриши как рабыни. Во время большого неурожая в степи, когда люди, особенно дети, умирали от голода, киргизы приезжали в казачьи станицы и выменивали своих детей на муку. Киргизы делали также набеги на соседних с ними калмыков, уводили в плен их детей и продавали русским на казачьей линии; таких рабов называли «калманками». Это рабство было уничтожено Сперанским в 20-х годах XIX века, но в доме Николая Ильича «калманки» Авдотья и Вера остались по наследству от деда, и Гриша видел, как его тетка постоянно истязала принадлежавшую ей Авдотью. Последняя часто ходила с разбитым в кровь лицом, тело ее было в коростах, на голове под волосами были везде ссадины и кровоподтеки.

Полковник Эллизен был большой любитель цветов и разводил их возле своего дома в большом количестве. Его третникам Гриша обязан своими наклонностями к ботанике; его поражало разнообразие форм растительного царства, и он занимался сравнением разных плодов и семян.

Степи, окружавшие станицу Пресновскую, были ровные и утомляли своим однообразием. Их несколько оживляли только березовые рощицы — «колки». Пресновск был расположен на казачьей линии, которая называлась Горькой потому, что проходила по длинной цепи горько-соленых озер. Между реками Ишимом и Тоболом, на пространстве около 250 километров, проточной воды нет, и воду брали из колодцев и редких пресных озер, которые назывались «питными». Пресновск стоял на берегу небольшого питного озера, но неподалеку от него находилось несколько горько-соленых озер. С их поверхности выделялся сероводород, образовавшийся при гниении растительных и животных остатков на дне их, в слое ила. При ветре, когда волны мелких озер взмучивали этот ил, в Пресновске некуда было спрятаться от его удушливаго запаха.

Глава II. В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ (1846—1852)

Казачье училище и кадетский корпус. Их обстановка. Учителя. Кадеты эскадрона и роты и рознь между ними. У влечение морскими путешествиями. Кадет-киргиз Чокан. Репутация линейных казаков

В доме Эллизена Гриша провел три года. Позже, вспоминая это время, он говорил, что своей любовью к науке и литературе он обязан влиянию жены Эллизена, которую считал своей духовной матерью. В 1846 г., когда семья Эллизен уехала в Петербург, чтобы поместить старшую дочь в Смольный институт, в котором воспитывались дочери высших офицеров и знати, отец свез Гришу в Омск, где отдал его в войсковое казачье училище, которое преобразовалось в Сибирский кадетский корпус. Оно было основано и содержалось на средства Сибирского казачьего войска. Однако в нем воспитывались не только сыновья казачьих офицеров и рядовых казаков, но также и сыновья пехотных офицеров и чиновников.

Учителями в старших классах были казачьи офицеры, в младших — урядники. Внешняя обстановка училища была бедная, нравы грубоватые, требования к учащимся ограниченные.

Переход от жизни в семье Эллизен к жизни в закрытом учебном заведении Гриша пережил тяжело. Первые ночи он, оставшись среди чужих мальчиков, плакал, спрятавшись с головой под одеяло.

В этом училище порядок жизни был таков. Утром детей будили до рассвета. Накинув серые шинели, они строились во фронт и пели утреннюю молитву; затем их вели через двор в столовую, где они получали по куску серой булки. Каждая круглая булка была надрезана на 4 части крест-накрест, служитель несший десяток таких булок на левой руке в виде колонны, донимавшейся до его лба, бежал вдоль столов, за которыми сидели мальчики, и правой рукой разбрасывал их по столам. Мальчики подхватывали булки, разрывали их на четыре части и ели. Четвертушка серой булки и составляла весь завтрак, после которого дети шли в классы, где занимались три часа с одним перерывом. Потом обедали в столовой. Обед составляли ежедневно одни и те же два блюда — щи из кислой капусты и

каша с маслом. То и другое подавали в оловянных мисках. После обеда еще три часа шли занятия. День кончался ужином из каши с маслом и кружки кваса.

Как уже упоминалось, кроме казачьих сыновей в училище учились дети чиновников и пехотных офицеров, гак как в Омске не было других учебных заведений; затраты на их содержание и учение производились из средств Сибирского казачьего войска, что вызывало недовольство казаков. При преобразовании училища в кадетский корпус — а это произошло в начале второго года поступления Гриши в училище — воспитанников разделили на две части — роту и эскадрон. В роту были выделены дети чиновников и пехотных офицеров; в эскадрон — казачьи дети; первых было около двухсот, последних — 50. Деление это было проведено и в классах, н в спальнях; только обедали в общей столовой. Роту поместили в бельэтаже, эскадрон — в нижнем этаже. Рота и эскадрон получили разные формы и оружие. Ротные получили двубортные сюртуки с металлическими пуговицами, каски с белыми султанами и ранцы; казаки — казакины на крючках, кивера с помпонами[7], шпоры и шашки. В роту были присланы офицеры из столичных корпусов; им было поручено установить в роте порядки столичных корпусов и уничтожить в ней «казачий дух». Обращение к кадетам стало более мягким, им говорили «вы». В эскадроне остались казачьи офицеры, лучшие из прежнего состава; им было приказано присматриваться к порядкам бельэтажа и переносить их в камеры эскадрона.

Все это усиливало рознь между ротой и эскадроном. Рота чувствовала себя привилегированной частью корпуса, к тому же ротные состояли преимущественно из дворян; в роте заводились столичные манеры обращения, которые, впрочем, позже, привились и в эскадроне. Последний чувствовал себя демократией корпуса. Все казачата помнили детские годы, проведенные на полатях изб, на улицах станиц в играх в бабки, в мячик или в клюшки на льду реки. Тип этих казачат описал украинский литератор казак Железнов. Рота состояла из уроженцев разных губерний, многие до корпуса жили за Уралом. Эскадрон состоял исключительно из уроженцев казачьих станиц Горькой и Иртышской линий. Бельэтаж чувствовал себя «Европой», нижний этаж — «Азией». В первом учили танцам и немецкому языку, казачат в те же часы — верховой езде и татарскому языку. Если в корпус отдавали киргизских мальчиков, они попадали к казакам.

Эскадронные кадеты представляли более дружную, сплоченную семью, чем ротные. Их было гораздо меньше, их состав был однороднее. Среди эскадронных кадетов было много

родственников, соседей, товарищей по детским играм. К тому же в то время уровень образования казачьих офицеров мало отличался от уровня образования простых казаков, а жизненная обстановка у всех казаков на Иртышской и Горькой линиях была более или менее одинаковая. Поэтому только Гриша, благодаря воспитанию в доме Эллизена, и немногие другие выделялись в эскадроне из общей массы казачат.

Обособленность ротных и эскадронных кадет сказалась и в их играх. Во время перемен их выпускали на двор, где они играли в городки, лапту, завари-кашу и другие игры. Играли также в войну русских с киргизами, причем роль киргизов доставалась, конечно, казачатам. Противники ходили друг на друга, стена на стену, хватали пленных и уводили в укромное место, в уборную, где держали под стражей до конца игры.

Учебную часть, после реформы в корпусе, организовал офицер Ждан-Пушкин. Русский язык, историю литературы, географию, всеобщую историю преподавали хорошие учителя. Из учителей войскового училища были оставлены лучшие: Старков, преподававший географию, Костылецкий — русский язык, теорию словесности и историю литературы, и Кучковский — геометрию. Уроки последнего отличались изящным и ясным изложением, и даже тупицы усваивали предмет хорошо. Костылецкий познакомил кадет с сочинениями Пушкина, Лермонтова и Гоголя; свой курс русской литературы он составил по критическим статьям Белинского, но имени последнего ни разу перед учениками не произнес. Этим он спасал свой курс от запрета со стороны учебного начальства, так как Белинский в годы царствования Николая I считался в официальных кругах вредным писателем.

В конце учения Ждан-Пушкин предложил учителю Старкову читать эскадронным кадетам более подробно географию Киргизской степи. Он знал, что казачьим офицерам предстояло ходить с отрядами в степь, нести там кордонную службу[8] и участвовать в военных экспедициях, доходивших на юге до границы независимого Туркестана. Старков выполнил распоряжение Ждан-Пушкина, и кадеты эскадрона вышли из корпуса с такими сведениями о Киргизской степи, каких не имели ни о какой другой стране.

Для усовершенствования кадет в фронтовой службе были присланы офицеры из столицы; среди них выделялся Музеус, образцовый фронтовик, высокий, вытянутый в струну, с громким голосом, гроза для неисправных и нерасторопных. Он задавал тон и остальным учителям.

Военный дух в кадетах старались поднять и в обстановке

спален; на их стенах повесили портреты героев Отечественной войны 1812 г.; в одной из камер эскадрона висела картина, изображавшая гибель Ермака, покорителя Сибири, в волнах Иртыша. В спальнях были библиотеки для внешкольного чтения, с книгами военного содержания, в частности — посвященные истории Отечественной войны, «История Государства Российского» Карамзина, исторические мемуары, а также описания морских путешествий. Последние особенно заинтересовали Гришу, помнившего еще приключения Робинзона Крузо. Он прочитал записки Броневского о плавании в Ионическом архипелаге и путешествие Дюмон-Дюрвиля, усвоил всю корабельную терминологию и морские команды, с увлечением читал описания Канарских островов, Мадагаскара, Полинезии и стал мечтать о морских путешествиях, хотя понимал, что для казачьего офицера такие мечты несбыточны. Но ему нравилась и история Карамзина, особенно примечания, которые он перечитывал по нескольку раз, делая из них длинные выписки. В мальчике обнаружилась склонность к кропотливой работе, характеризовавшая и его позднейшую литературную деятельность.

Кадеты, родители или родственники которых жили в Омске, на воскресный день отпускались домой; они уходи ли из корпуса в субботу вечером и возвращались в воскресенье вечером. Этим создавалось общение кадет с городским обществом; главным образом в связи с этими воскресными отпусками проникали в среду кадет новые идеи, новые книги, интерес к политике. Общение детей казаков со своими семьями в этом отношении имело мало значения; через ротных кадетов в корпус проникли сочинения Сю, Александра Дюма и Диккенса. Гриша зачитывался ими.

Однако социалистические идеи в корпус не проникали. Даже о восстании декабристов и о развернувшемся в стране движении за отмену крепостного права кадеты, судя по воспоминаниям Потанина, не имели представления.

Среди кадетов-казачат выделялся Чокан Валиханов. Это был киргиз, сын султана. На него смотрели, как на будущего путешественника в Туркестан или Китай. Он был очень талантлив и много рассказывал о киргизском быте. Его рассказы так увлекли Гришу, что он начал их записывать, и вскоре из рассказов составилась толстая тетрадь. Этим он положил начало своим этнографическим записям, которыми так много занимался во время путешествий. Чокан в это время еще плохо говорил по-русски, и сам не мог записывать, но он хорошо рисовал и иллюстрировал тетрадь Гриши изображениями киргизского

оружия, охотничьих снарядов, утвари и пр.

К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к своей будущей миссии, о которой говорили ему учителя; он читал описания путешествий по Киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока. Ему доставляли для чтения интересные книги по Востоку, и он делился ими с Гришей. Оба мальчика прочитали описание путешествия Палласа в русском переводе, и Гриша увлекся им. Со страниц этой книги на него пахнуло ароматом полыни и степных цветов уральских степей; ему казалось, что он слышит крики летающих над рекой Яиком чаек, уток и гусей. Его мечта о путешествиях приняла новую форму. Книга Палласа приблизила мечты к той стране, в которой должна была проходить жизнь и служба Гриши.

Повести Гоголя, которые превосходно читал в отрывках кадетам-казачатам учитель Костылецкий, особенно «Тарас Бульба», будили в них демократические настроения. Казачата увидели нечто общее между собой и героями Гоголя, почувствовали себя сродни запорожским республиканцам, избиравшим кошевого атамана; они распределили между собой имена героев повести Гоголя. Среди них появились Тарас, Остап, Андрий. Позже некоторые из них заинтересовались историей Украины и южнорусского казачества, и в кадетской среде появились имена Наливайко, Сагайдачный, Дорошенко.

В последний год учения, когда кадеты слушали фортификацию, их заставляли летом, в лагере, строить люнет. Казаки работали отдельно от ротных, на особом участке, и, соревнуясь с ними, выполняли работу дружнее и раньше, чем ротные. Лихой казак, удалой казак стал идеалом.

Хотя корпус был закрытым учебным заведением, но, как упоминалось, сношения с внешним миром у кадет были. Поэтому на них все же сказалось влияние передовой части русской интеллигенции. А к тому же до них докатились отголоски революционных событий 1848 г. Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест против вопиющего факта пребывания в крепостной кабале русского крестьянства и против колониальной политики русского царизма в Сибири, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами». Еще в корпусе Гриша задумывался над тем, что огромные табуны и стада деда Ильи не были нажиты им честным трудом или куплены на скудное офицерское жалованье, а были им приобретены посредством хищнической торговли с киргизами, что все хозяйство деда Ильи держалось на эксплоатации труда разоренных пастухов — киргизских бедняков. Почти у каждого казака во дворе стояла юрта семьи «джатаков» — киргизов, не

имевших собственого скота. Эти бедняки за право додаивать выдоенных коров и другие подачки выполняли в хозяйстве казака разные работы — пасли скот, рубили дрова, носили воду из реки, ездили в лес за дровами, — словом, играли роль дворовых крепостных.

Глава III. КАЗАЧЬЯ СЛУЖБА И ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ (1852—1859)

Поход в Копал и в Заилийский край. Стычки с киргизами. Тяжелая зимовка. Поездка в Кульджу. Служба в Семипалатинске и на Алтае. Перевод в Омск. Работа в архиве и мечты об университете

Потанин окончил кадетский корпус в 1852 г., 17 лет, и записался в 8-й казачий полк, стоявший в Семипалатинске. Он хорошо помнил по детским впечатлениям однообразие природы Горькой и Иртышской линий и выбирал место службы, стремясь попасть поближе к Алтаю, о красотах которого он слышал от кадет, уроженцев Бийской линии.

В Семипалатинске служебные обязанности Григория Николаевича были несложны. Изредка его призывали в манеж учиться верховой езде. Весной 1853 г. Григорий Николаевич получил назначение в отряд, который должен был итти в г. Копал в Семиречье, а потом дальше до Тянь-шаня. Поход до Копала (700 верст) имел характер прогулки. С каждым переходом к югу степь становилась все типичнее. Миновали живописные горы Аркат и горы Арганаты, с вершин которых вдали видно озеро Балхаш. На всем пути была только одна бедная казачья станица на реке Аягуз. Ночевали обычно у колодцев, вода которых часто была горькой или протухшей. На берегу реки Лепсы устроили стоянку в лесу из деревьев джигды[9], почти не дающих тени. Далее встречались реки, текущие из цепи Джунгарского Алатау, на северном склоне которого расположен Копал. К Копалу отряд поднялся по крутому ущелью.

Горы со снежными вершинами, бурные потоки с водопадами, скалистые склоны, ущелья, теплый климат — все это было ново и интересно для Григория Николаевича, жившего так долго в скучном Пресновске и в Омске, среди равнин. Потанину казалось, что он попал в обстановку, похожую на страны Кавказа, описанные Пушкиным и Лермонтовым.

В Копале отряд простоял целый месяц в ожидании приезда генерал-губернатора Гасфорда, который произвел смотр и поручил Перемышльскому, приставу при Большой орде киргизов[10], жившему в Копале, вести отряд дальше и занять Заилийский край.

До реки Или шли через западные предгория Джунгарского Алатау; большой киргизский аул встретили только на реке Каратал; эти киргизы, принадлежавшие к Большой орде, отнеслись к русским дружелюбно и дали им проводником Булека, который затем, по поручению Перемышльского, вел от имени отряда переговоры с населением. Через реку Или переправились на привезенных с собою лодках, пушки перевезли на построенном пароме, лошади перебрались вплавь. Берега реки были безлесны и пустынны; от Или до подножия Тянь-шаня тянулась равнина, гладкая, как скатерть; над ней крутой стеной поднималась первая цепь гор с вечноснеговыми вершинами.

Отряд остановился у выхода реки Алма-ата из гор, а немного западнее собрались заилийские киргизы на народное вече, которое должно было решить вопрос о мире или войне с русскими, вторгшимися в чужую страну. Собрание разделилось на две партии; одна во главе с Таучубеком советовала прогнать русских обратно за Или, как годом раньше был прогнан отряд Гудковского; другая партия, которую возглавлял Диканбай, склонялась к миру с русскими. Два или три дня спорили; партия мира взяла верх, и Таучубек вынужден был удалиться со своими сторонниками за первый хребет в долину реки Чу. В лагерь отряда стали приходить киргизы с верблюдами, навьюченными бурдюками — кожаными мешками с кумысом для угощения казаков. Кумыса было так много, что каждому досталось по чашке.

Отряд выбрал для зимней стоянки долину реки Иссык, к востоку от Алма-ата; навозили бревен из гор и построили два домика — под лазарет и квартиру начальника; для остальных офицеров и казаков вырыли землянки. До зимы было еще далеко, и люди отдыхали, наслаждаясь теплом и картинами природы. Вокруг стоянки зрели дикие яблоки, на склонах ущелья Иссык росли абрикосовые деревья. Потанин сделал экскурсию вверх по этому ущелью, заросшему густым еловым лесом, к водопаду, который падает с гор белой завесой, напоминающей дверь в юрту; отсюда и название реки: иссык — по-киргизски — дверь. Выше водопада, в долине, Потанин увидел два озера с изумрудной водой. Вечные снега на горах, зеленые альпийские озера, дикорастущие фруктовые деревья, густые травы, в которых путаются ноги лошадей, теплые ночи — все это произвело на сибиряка, выросшего на равнинах Пресновска и Омска, чарующее впечатление, возбуждая в его памяти кавказские поэмы и стихи Лермонтова.

Служба на стоянке была легкая и оставляла много свободного времени. Григорий Николаевич подружился с Бардашевым,

переводчиком отряда, и через него доставал книжки журнала «Современник»,[11] который выписывал Перемышльский. Впечатления от пережитого в походе, от живописной природы и чтения передового журнала пробудили в друзьях мысль издавать при отряде рукописный журнал; привлекли еще одного офицера. В журнале были помещены рассказы, исторические и военные статьи, юмористика с карикатурами.

Выбор местности под зимовку оказался неудачным. У подножия Тянь-шаня выпал глубокий снег, и отряд очутился в безвыходном положении. Лошадей не отогнали своевременно к р. Или, где снега почти нет и животные могут пастись зимой в степи. В Иссыке они не могли добывать траву из-под глубокого снега, и к весне половина табуна пала от голода. Отряд не мог получать продовольствия с базы; не доставлялась даже легкая почта. В отряде вышли мука и соль, не было мяса; осталась только ячменная крупа, из которой варили кашу и пекли хлеб без соли. Вместо чая варили корни шиповника, которые добывали на склонах гор. К счастью, зима в этой стране кончается рано; уже в начале марта появились первые цветы.

Когда подошва гор очистилась от снега и зацвели яблони, Перемышльский перевел отряд обратно на реку Алма-ата. Здесь он начал строить укрепление, позже названное «Верным» и превратившееся в город.[12] На этой стоянке отряд начали беспокоить киргизы партии Таучубека; они пытались угнать лошадей отряда. Чтобы угнать чужой табун, киргизы обычно поступали так: несколько всадников с криками «ай гай» скакали через табун, а лошади бросались вслед за ними. Однако всякий раз, когда киргизы Таучубека делали это с табуном отряда, часовые стреляли, и табун останавливался. Почти каждую ночь тревога поднимала людей, раздавались выстрелы, крики, бил барабан, около пушек загорались фитили. Смельчаки дошли до того, что однажды вечером, когда в лагере никто еще не спал, унесли весь ужин из кухни начальника.

Перемышльский через агентов узнал, что Таучубек замышляет большой набег на русских, и решил предупредить его. Он взял сотню казаков и ракетную батарею и отправился в долину реки Чу. Потанин участвовал в этом походе; шли по ночам, а днем укрывались в глубоких оврагах. Но днем, под лучами солнца, было трудно заснуть, и люди во время ночных переходов дремали в седлах. Лошади в оврагах плохо кормились и также уставали. Перед последним ночным переходом Перемышльский сказал казакам речь, в которой разъяснил им, что отряду предстоит напасть на аул Таучубека, захватить его табуны и стада, взять в плен его самого и его семью, причем не

следует убивать людей и оскорблять женщин; сопротивляющихся надо лишь связывать по рукам и ногам.

Набег удался не вполне. Хотя в ауле все еще спали, но Таучубек успел вместе с женами вскочить на лошадей и ускакать; захватили только младшего сына с женами (старший был в отсутствии), табун лошадей до 700 голов и огромное стадо баранов; последних, впрочем, пришлось оставить, так как они слишком задержали бы отряд.

Потанин, которого Перемышльский оставил с 10 казаками в арьергарде, следуя за отрядом, подбирал отсталых казаков и падавших от усталости лошадей, подвергая нападению группы киргизов, которые сбрасывали камни со склонов гор на казаков и стреляли из-за скал. Двух отставших казаков киргизы взяли в плен.

Выйдя из гор, отряд пошел назад, к р. Алма-ата; шли теперь днем, а ночью спали. Табун двигался в середине отряда, казаки и офицеры составляли вокруг него кольцо; каждый держал свою лошадь на поводу, на длинном аркане, чтобы она могла щипать траву; в случае тревоги все могли быстро вскочить на коней. Когда до р. Алма-ата оставалось сделать один переход, встретили нескольких киргизов, которые, перебивая свою речь возгласами «джан, джан!» (война), сообщили, что, пока отряд ходил к аулу Таучубека, его старший сын с джигитами напал на оставшихся на стоянке казаков, бывших на сенокосе, и четырех из них убил. На обратном пути с набега он, по их рассказам, неожиданно заметив авангард возвращавшегося отряда Перемышльского, скрылся в горах. Перемышльский вызвал охотников преследовать его. Десяток казаков и Потанин вышли на вызов; однако на своих усталых лошадях

они не смогли догнать джигитов. Подъезжая к Алма-ате, отряд увидел у самой дороги четыре шеста, воткнутых в землю, и на них четыре казачьи головы — трофеи джигитов Таучубека.

Спустя некоторое время Таучубек прислал послов с мирными предложениями. Он обещал прекратить враждебные действия и возвратил двух пленных казаков. Перемышльский освободил его младшего сына с женами.

Вскоре Потанин получил распоряжение от Перемышльского проводить в Копал гурт ротных быков и отданного под суд солдата.

В Копале Григорий Николаевич встретил двух своих товарищей по корпусу. Здесь, вместе с ними, Потанин усердно читал «Современник».

Впервые он прочитал в этом журнале «Записки охотника» и «Асю» Тургенева, «Детство и отрочество» Толстого. Статья

Кавелина[13] в «Современнике» укрепила в нем любовь к этнографии, которая пробудилась в нем еще во время записи рассказов Чокана о киргизском быте и поддерживалась наблюдениями во время похода на р. Алма-ата.

Начальником копальского отряда был казачий полковник Абакумов. Он стрелял мелких птиц, приготовлял шкурки их и отправлял в Академию Наук. Список этих птиц потом использовал Чокан Валиханов, включив его в свой отчет Географическому обществу о поездке в Джунгарию.

Полковнику Абакумову поручено было отправлять время от времени серебро русскому консулу в Кульджу, для выплаты жалования сотрудникам консульства. Оно доставлялось в виде слитков, величиной с кусок туалетного мыла. Серебро отвозили казачьи офицеры копальского гарнизона. Однако, имея свои дома и хозяйства в Копале, они неохотно исполняли это поручение. Потанин предложил свои услуги и получил командировку в Кульджу. Два лета, проведенные в Семиречьи, уже познакомили его с природой центральноазиатских степей, с панорамами снежных хребтов, с бытом кочевников. Ему захотелось увидеть жизнь большого китайского города.

Григорий Николаевич отправился в декабре 1853 г. с двумя казаками и одним купцом, имевшим дела в Кульдже. Ехали девять дней на сменных лошадях, которых брали в киргизских табунах. С утра поймав и оседлав лошадей, ехали весь день до сумерек, а ночевали в ауле или в коше[14] пастухов. Киргизы-спутники были очень опытны в поисках ночлега. Впереди ничего не было видно кроме снега в долинах и на горах, а проводники уже намечали направление на какое-нибудь ущелье. Они замечали, откуда пахнет дымом. Подъехав ближе, начинали выть по-волчьи; из ущелья раздавался лай собак, и через полчаса путники сидели уже в коше, у костра.

На перевале через хребет Алтын-имель Потанина поразила разница ландшафтов по обеим сторонам хребта. Сзади лежала равнина, покрытая глубоким снегом, а впереди расстилалась желтая степь, почти без снега. Когда спустились с перевала, солнце стало так припекать, что пришлось снять шубы; в голубом небе заливался жаворонок. Контраст был так велик, что Потанину казалось, будто он въехал в другой мир. Позади осталась холодная Сибирь; он очутился в стране тепла и света; впереди тянулась более низкая горная цепь, и за ней — не то облака, не то бесконечная даль. Григорию Николаевичу представлялось, что он видит всю поверхность Китайской империи вплоть до Тихого океана.

Здание русского консульства в Кульдже стояло недалеко от

города и было построено в китайском стиле, с загнутыми вверх краями крыши. Чтобы попасть в дом консула, нужно было пройти три двора, в которых помещались фанзы конвоя, прислуги и конюшни. Так строились дома китайских мандаринов. В третьем дворе находился дом консула и несколько флигелей с квартирами секретаря и помещениями для приезжих купцов.

Потанина поместили рядом с квартирой секретаря. Он прожил здесь неделю в ожидании почты для отправки в Россию. Консул Захаров снабдил его книгами. Это был ученый, впоследствии занявший кафедру манчжурского языка в университете.

Григорий Николаевич, впервые встретившийся с ученым, каждый день ходил к нему обедать и беседовать. После обеда они вдвоем совершали прогулку по дороге на запад. Консул всегда выбирал ее потому, что она на несколько минут приближала его к родине.

Китайский город, расположенный недалеко, беспокоил и привлекал своим шумом, доносившимся в консульство. С утра до вечера тысячи голосов гудели на разные лады, и Потанину очень хотелось знать, что там творится. Но самого города не было видно. Из консульства видны были только высокие зубчатые стены с башнями, окружавшие город. Григорий Николаевич, проводник и секретарь консульства отправились верхом в город. Через огромные ворота в одной из башен с тяжелыми, обитыми железом створами они въехали в узкую, пустынную улицу, шедшую зигзагами между глинобитными стенками, в которых кое- где были запертые ворота или калитки. Эта улица вывела всадников на центральную улицу, переполненную народом; по ее глубоким колеям, выбитым колесами, двигались два ряда двухколесных крытых повозок, один другому навстречу. Промежуток между колеями, возвышавшийся чуть ли не на целый аршин, был сплошь установлен столиками торговцев. Остальное пространство между стенами улицы и повозками было занято зеваками и покупателями, которые теснились вокруг разносчиков; последние несли разные товары на коромыслах и оглашали улицу криками, называя свой товар. На чашах коромысел видны были картофель, лук, капуста и другие овощи, глиняная посуда, куски угля; это были крестьяне из соседних деревень, продававшие свои продукты.

На столиках торговцев лежали груды мануфактуры, башмаки, разная галантерея, фрукты. К стенам были пристроены навесы и фанзы, в которых помещались лавки с теми же товарами, мастерские ремесленников, кухни; оттуда раздавался стук молотков по металлу, и доносились запахи угля, жарящегося сала

и мяса.

Одежда китайцев, головные уборы с картонными, опушенными мехом чехлами на ушах у купцов, оригинальные повозки, где кучера сидели боком на оглобле у хвоста лошади или мула и понукали животное криками «тр, тр» или «и-и-и»,— все это было ново для Григория Николаевича. Кричавшая и движущаяся толпа была так густа, что всадники с трудом пробирались сквозь нее. Одна из лошадей задела лоток с яблоками, и фрукты посыпались на землю. Тотчас же несколько комков глины полетели в спины всадников, которые поспешили уехать, чтобы не вызвать осложнений.

Вскоре по возвращении из Кульджи в Копал Потанину пришлось ехать в Семипалатинск, куда его потребовал полковой командир Мессарош, назначивший Григория Николаевича полковым казначеем.

Мессарош был известен жестоким обращением с казаками. Григория Николаевича возмущало поведение Мессароша в полку, но он был еще недостаточно смел, чтобы заявить свой протест.

Не решаясь нарушить режим, установленный Мессарошем, он совершил ошибку, о которой потом жалел всю жизнь. Он приговорил двух казаков к телесному наказанию: слесаря мастерских, находившихся под его начальством, за постоянное пьянство он приговорил по просьбе его жены к 25 ударам розгами, а писаря канцелярии за неисполнение приказания — даже к 100 ударам.

Потанин присутствовал при экзекуции, которая произвела на него такое тяжелое впечатление, что он решил переменить место службы и поссорился с Мессарошем.

Атаман Сибирского казачьего войска перевел Потанина в полк, станицы которого были расположены в долинах

Алтая от Усть-Каменогорска до Бийска. Сначала он жил. в станице Антоньевской, где была главная квартира полка, которым командовал Романовский, украинец, большой добряк. В жаркие летние дни он призывал музыкантскую команду, по окончании упражнений на трубах, к себе на двор. Здесь ставили стол, покрытый скатертью, приносили миску с квасом, и полковник собственноручно готовил ботвинью и угощал музыкантов. Он простирал свою любовь и на животных: у него был ручной соболь, который ел из его рук и спал в шубе за спиной полковника, когда тот писал или читал за столом.

Григорию Николаевичу жилось в Антоньевке, конечно, несравненно лучше, чем под властью Мессароша. Он часто обедал у полковника, и они беседовали о событиях Севастопольской кампании. Неудачи под Севастополем приводили его в отчаяние.

Романовский отдал под команду Потанина сотню полка, стоявшую в станице Чарышской, куда Григорию Николаевичу пришлось переехать. Казаки этого полка представляли большой контраст с казаками Иртышской линии. Последние жили по соседству с киргизами, многие из станиц совсем не занимались хлебопашеством; главное занятие их была торговля с киргизами, у которых они скупали для перепродажи скот, шкуры, меха, войлок. Все они хорошо говорили по-киргизски, славились большими табунами.

Казаки Бийской линии по долинам Алтая занимались земледелием, были хорошими сельскими хозяевами, славились пасеками в сотни ульев. Они были добродушнее, ласковее, менее стяжательны, чем иртышские казаки, и менее, чем последние, переняли особенности быта киргизов. Иртышские казаки пили кобылье молоко и ели конину, чего не делали алтайские казаки. Отношения между офицерами и казаками у алтайских казаков носили отпечаток патриархальности; они не соблюдали строгостей армейской субординации. Офицеры выходили из той же казачьей среди и были связаны родством с простыми казаками. Например, дядя — простой казак, а племянник — есаул; дядя говорил племяннику «ты», а племянник дяде-казаку — «вы».

В Чарышской станице Потанин поселился в доме казака Иванова, к которому имел рекомендательное письмо от его племянника, бригадного командира. В этом доме Григория Николаевича приняли, как родного; старик Иванов говорил ему «ты». Он много рассказывал об алтайской жизни, о пашне и покосах, о зимнем промысле соболей ловушками (куемками) на алтайских «белках», т. е. высоких горах, долго покрытых снегом, вблизи верхней границы лесов. Там летом строили избушку так, чтобы не замерзающий зимой горный ручей проходил через нее. На промысел шли зимой на лыжах по глубокому снегу, припасы тащили с собой. Чтобы попасть в избушку, вырывали над нею в снегу глубокий колодец и ставили в него бревно с зарубками вместо лестницы; по зарубкам спускались в избушку и поднимались из нее. Избушка была без окон, так как должна была находиться под глубоким снегом. Куемки ставили в обе стороны от нее длинным фронтом; каждый день двое охотников осматривали их — не попался ли соболь: один шел вправо, другой влево; третий оставался в избушке кашеваром. Через неделю его сменяли. Мяса с собой не брали, рассчитывая на охоту на маралов (оленей). Рассказы Иванова дали Григорию Николаевичу материал для очерка «Полгода на Алтае», напечатанного в журнале «Русское слово» в 1859 г.

Алтай произвел на Потанина чарующее впечатление. Горизонт ограничивали высокие горы, «белки». Склоны гор были покрыты густыми лесами лиственницы, выше которых тянулись альпийские луга с разнообразными цветами. Столь же богаты цветами весной и летом были луга на дне долин; обилие и разнообразие цветов восхищали путешественника. Прозрачные горные реки в больших долинах, окаймленные лесами и лугами, бурные ручьи, сливающиеся каскадами по валунам в боковых долинах и ущельях, дополняли очарование. Дороги извивались то по прозрачной чаще лесов, то по лугам или пашням, распаханным на прогалинах. Станицы с хорошими домами, с резными наличниками, с цветами в окнах, с палисадниками, огородами оживляли по временам пейзаж. Население жило в довольстве, но богачей, подобных иртышским, не было.

За первые два-три года своей службы Потанин хорошо познакомился с двумя типами казаков — иртышским и ал тайским. С первыми юн знакомился у походного костра или в табуне, проводя недели в одной юрте с казаками- табунщиками, ночуя рядом с ними на тоненьком войлоке, ожидая у костра, когда сварится каша, слушая сказочника, рассказывавшего о царь-девице. С алтайскими казаками он сблизился несравненно теснее, проведя полгода в семье казака Иванова в качестве его домочадца, подчиняясь его авторитету. Григорий Николаевич чувствовал, что патриархальные черты алтайских казаков, наравне с другими, ближе его духовному складу, начавшему постепенно обогащаться демократическими настроениями.

Через полгода адъютант атамана, покровительствовавший Потанину, устроил ему перевод в Омск, в контрольное отделение войскового правления, для проверки разных шнуровых книг. Жаль было расставаться с прекрасным Алтаем и его милым людом. Но Омск манил возможностью общения с интеллигенцией, чтения, обогащения своих знаний, недостаточность которых молодой офицер вполне сознавал.

В Омске он застал своего друга, киргиза Чокана Валиханова, и других товарищей по корпусу. Чокан служил в штабе генерал-губернатора, вращался в высших кругах общества, жил богато; он был, как мы уже упоминали, сын киргизского султана и даже внук последнего киргизского хана, киргизский аристократ. К демократическим наклонностям Потанина более подходили другие товарищи по корпусу, простые казачьи офицеры, жившие очень скромно. Они нашли ему комнату у казака, в казачьем форштадте. Комната была обставлена хозяйскими сундуками, покрытыми тюменскими полозами (коврами без ворсы). Кровать, стол и 2—3 стула дополняли обстановку. За комнату и стол,— а

последний состоял из чая с хлебом в виде сибирских шанег,— Потанин платил 3 рубля в месяц.

Скучную работу проверки шнуровых книг Г. Н. Потанин разнообразил, делая по поручению Чокана выписки из областного архива. Чокан не имел ни времени, ни склонности к этой кропотливой работе. В архиве, акты которого начинались с половины XVII века, было много интересных сведений о сношениях русских с главами киргизских родов и с князьями соседнего Джунгарского ханства до последних дней его существования, а также о торговле Сибири с городами Туркестана. Выписки Потанин передавал Чокану.

Среди приятелей Потанина выделялся офицер Копейкин, бывший топограф, выполнивший съемку огромного Васюганского болота между Иртышом и Обью и так картинно рассказывавший о природе этой страны, что Григорий Николаевич составил из его рассказов статью, напечатанную в «Тобольских губернских ведомостях». Он же дал Потанину письма своего друга, содержавшие описание плавания последнего на пароходе по Волге. Читая эти письма, Копейкин и Потанин с восхищением отдавали предпочтение оживленной Волге перед Иртышом, по которому только раз за лето проползала медленно, подобно черепахе, коноводка (баржа с лошадиной тягой), нагруженная ямышевской солью. Григорий Николаевич увлекался также чтением книги Семашко «Фауна России». Он напечатал в тех же «Тобольских губернских ведомостях» несколько написанных им по рассказам отца статеек о диком осле кулане[15], о раках, которых в сибирских реках старались разводить исправники, о слоне, приведенном из Ташкента в Омск кокандским посольством, которое сопровождал его отец.

Потанин все больше и больше формировался как натуралист. Он любил составлять гербарии, читать книги по естественной истории. Григорий Николаевич собрал коллекцию полевых мышей, которые однажды сделали нашествие на деревни вокруг Омска и в поисках пищи бегали по улицам и забирались в дома, не боясь людей. Целыми десятками они прятались под скирдами хлеба. О них Потанин тоже напечатал в газете короткую заметку.

В Омске изменились политические взгляды Потанина. Хотя и до своего приезда в Омск он знал о развивавшемся в стране движении за отмену крепостного права, но еще не имел вполне ясного представления о силе этого движения и не знал о жестокостях, с которыми правительство царя подавляло бунты крестьян, требовавших своего освобождения. Да и о самих ужасах крепостничества он еще не имел вполне ясного представления. Ведь в Сибири крепостного сословия не было, не было в

сибирских казачьих станицах и сосланных крепостных крестьян, от которых он мог бы услышать подробные рассказы об этих ужасах.

Тем сильнее он был потрясен, когда, приехав в Омск, он узнал как от друзей, так и из журналов, которые после смерти царя Николая стали подвергаться менее жестокой цензуре, горькую правду о гнете помещичьего землевладения, о том, что царь и его правительство сами являются помещиками-крепостниками и защищают интересы помещиков против крестьян, подавляя огнем и мечом бунты последних.

Потанин понял, что в свое время он не сумел оценить полностью обличительный характер «Записок охотника» Тургенева. Стремясь расширить политический кругозор Потанина, Чокан познакомил его с сочинениями Гейне — «барабанщика революции 1848 года». Чокан познакомил его также с петрашевцем[16] Дуровым, отбывавшим в Омске ссылку.

До знакомства с Дуровым Потанин преклонялся перед царем Николаем, и в бытность свою в Антоньевке даже заплакал, узнав о его смерти. Чокан, который раньше пытался пробудить в нем отрицательное отношение к Николаю и критическое отношение к царизму вообще, не имел в этом успеха. Свидание с Дуровым в один вечер сделало то, чего раньше так долго не мог добиться Чокан. Дуров рассказал Потанину о судьбе своего товарища Григорьева, который в числе пяти петрашевцев был приговорен к расстрелу. Когда Григорьев стоял с завязанными глазами перед взводом солдат, повязка с его глаз упала, и он увидел, что солдаты, которые должны были дать по нему залп, взяты из его роты и что командует ими фельдфебель, которого Григорьев очень любил. Это так подействовало на Григорьева, что он тут же сошел с ума. Приговор не был приведен в исполнение. В числе других участников процесса петрашевцев сошедший с ума Григорьев был отправлен в Сибирь на каторгу. После отбытия ее, когда им разрешили вернуться в Россию, Григорьев прожил некоторое время у Дурова в Омске. Он был помешан на мысли о мести Николаю. Григорьев брал в руки какое-нибудь острое оружие, упирал его в стену, сверлил ее и воображал, что сверлит сердце Николая.

Все, что Дуров рассказал о Николае, опрокинуло представления Григория Николаевича об этом царе. Он увидел в Дурове патриота, всем существом протестовавшего против николаевского режима и тяжело пострадавшего за это. Переменились взгляды Потанина не только на Николая, но и на монархизм вообще.

Чокан, беседуя с Потаниным, часто говорил, что они должны

поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествиям. Он хотел поступить на восточный факультет и потом проникнуть в Китай, который был еще закрыт для европейцев, чтобы заняться изучением восточных языков. Он мечтал добраться до берегов озера Куку-нор и окружающих его гор, о которых читал в сочинениях Гумбольдта. Григорию Николаевичу он советовал поступить на естественно-историческое отделение и в путешествиях собирать коллекции для Ботанического сада и Зоологического музея Академии Наук.

Но планы Чокана не трогали Григория Николаевича, казались ему несбыточными. Он был казачий офицер, а казаки были крепостные государства. Все были обязаны служить длинный срок. Казачий офицер должен был служить двадцать пять лет бессменно, получая скудное жалованье, и только в своем войске. Пехотный офицер, вышедший из того же корпуса, получал 250 рублей в год. квартирные, фуражные и прочие, а казачий — 72 рубля в год без всяких прибавок; по окончании же службы он не получал никакой пенсии. Кроме того, казачья служба развращала. Главная служба казаков заключалась в помощи полиции. К этому присоединялась безвыходность положения. Армейский офицер, в случае конфликта с начальством мог подать в отставку, а казачий не имел этого права; он должен был мириться с любым произволом и притеснением. Поэтому только немногие казачьи офицеры сохраняли на службе хотя бы видимость некоторой самостоятельности; остальные привыкли к мысли о своем бесправии и превращались в трусливых холопов своего начальства. Несбыточность путешествия с Чоканом приводила Григория Николаевича в уныние; ему было трудно мириться с мыслью, что он будет всю жизнь собирать коллекции только на местах своей службы в Сибирском казачьей войске.

В это время через Омск проезжал географ П. П. Семенов, возвращавшийся из экспедиции в Тянь-шань, совершенной им по поручению Географического общества. Еще в Заилийском крае при встрече с Чоканом он узнал от него о Потанине, молодом казачьем офицере, собирающем гербарии, на свое скудное жалование выписывающее журнал Географического общества. Чокан и этот офицер заинтересовали П. П. Семенова и при проезде через Омск он отыскал Чокана и вместе с ним приехал к Потанину, сидевшему за выписками из архивных документов. Семенов заинтересовался выписками, касавшимися истории сношений с Средней Азией, пересмотрел гербарий, собранный Потаниным в долине Чарыша, и удивил последнего тем, что почти каждому растению давал латинское название. Он уговаривал Григория Николаевича ехать в Петербург, в

университет и обещал дать рекомендательное письмо к своему дяде, большому сановнику, который собирался приехать в Омск на ревизию учебной части корпуса. Он думал, что дядя сможет устроить перевод Потанина в столицу, не нарушая закона о казаках.

Григорий Николаевич, в свою очередь, посетил Семенова, который показал ему свои путевые записки и, давая ему ряд советов, настаивал между прочим на том, чтобы он в работе не зарывался в мелочах. Посещение столичного ученого произвело глубокое впечатление на Потанина. С нетерпением ждал он приезда сановного дяди П. П. Семенова.

После отъезда Семенова Григорий Николаевич чуть не очутился опять на Алтае, где мог позабыть свои планы об университете. Его начальство сделало ему выговор за то, что он медленно проводил ревизию шнуровых книг. Потанин ответил, что как плохой математик он не может работать быстрее и что при назначении на должность следует сообразоваться со способностями человека. Этот ответ показался начальнику дерзким, и он решил вернуть Григория Николаевича в строй. Но по представлению полковника Слуцкого, которого Семенов просил покровительствовать молодому талантливому офицеру, следить за тем, чтобы он не погиб в глуши для науки, Григория Николаевича прикомандировали к штабу войск для пересмотра архива. Потанин всегда с благодарностью вспоминал заботливость, с которой Семенов старался сохранить для науки хотя бы скромную рабочую силу.

С переездом Потанина с Алтая в Омск, как мы видим, произошла перемена в его политических убеждениях — под влиянием омских знакомств, разговора с петрашевцем Дуровым и чтения прогрессивных журналов. Его казачий патриотизм остыл. Он сделался сторонником широких политических реформ. За семь лет службы в казачьем войске он познакомился с отрицательными сторонами сибирской администрации на примерах жестокости полковника Мессароша в Семипалатинске, злоупотреблений во всем крае под управлением генерал-губернатора Гас- форда и т. д. Последний, окончивший три факультета в университете, отличался самомнением и чванством. Он задумал укрепить Омскую крепость, хотя она потеряла всякое значение, так как граница уже отодвинулась от Омска на тысячу километров на юг. Он увлекался составлением проекта вооруженных гумен в Копале, предназначенных для защиты молотильщиков от набегов киргизов, и вырабатывал религию, среднюю между христианством и мусульманством, чтобы облегчить переход киргизов в православие.

Между тем в крае, которым он управлял, шла дикая вакханалия взяточничества. Все должности были оценены и продавались; взятки брались откровенно. Власти, уверенные в безнаказанности, чинили вопиющие безобразия. Все это делалось у всех на виду. Ничего не знал об этом лишь ученый генерал-губернатор, всецело доверявший советникам главного правления, вершившим все дела. В последний год пребывания Потанина в Омске эта шайка, окружавшая генерал-губернатора, была в полном могуществе, имела хорошие дома и жила весело. Наблюдая ее деятельность, Григорий Николаевич определил задачи молодого сибиряка, преданного идеям свободы, прогресса и просвещения, таким образом: он должен получить в университете те же знания, которыми обладают эти сатрапы сибирского общества, вернуться в Омск, вступить с ними в борьбу и победить их тем же оружием, каким они вооружены.

Но в душе Потанина эти мечты боролись с увлечением естествознанием.

Сановный дядя П. П. Семенова не приехал в Омск, и Григорий Николаевич, уже привыкший к мысли о поступлении в университет, стал искать другого способа освободиться от своего крепостного состояния. Друзья помогли ему в этом. Он подал прошение об отставке по болезни, которую удостоверил добродушный старый врач казачьего войска. Генерал-губернатор согласился на отставку с условием, что Потанин не поступит в будущем на государственную службу. Григорий Николаевич обещал это и был освобожден.

Глава IV. С КАЗАЧЬЕГО СЕДЛА В УНИВЕРСИТЕТ (1859—1862)

На золотом прииске. Знакомство с М. А. Бакуниным. Переезд в Петербург с золотым караваном. Скромная жизнь в столице. Летние поездки и знакомства. Закрытие университета. Мечты о будущей деятельности в Сибири

Весной 1859 г. Потанин, получив отставку, стал свободным человеком, но потерял свое казачье жалованье. А ему нужны были средства для проезда в Петербург, и приходилось думать о заработке.

Он вспомнил, что у него в Томске есть родственник, барон Гильзен, женатый на вдове его дяди, умершего в Семипалатинске и владевшего большими табунами. Этот барон открыл золото в горах Кузнецкого Алатау, в так называемой Мариинской тайге, и имел прииск Онуфриевский, куда и переселился с семьей. Григорий Николаевич решил поехать к нему, поступить на приисковую службу и заработать деньги на поездку. Он поехал в Томск, который поразил его контрастом с Омском, Семипалатинском и другими городами, виденными раньше. В этих городах были только одноэтажные деревянные дома, и они походили на большие села. В Томске он увидел каменные дома в несколько этажей, большие улицы, тротуары и — нищих. Толпа резко отличалась от омской — ни одной военной фуражки, все штатские картузы и цилиндры.

На прииск пришлось ехать сначала по проселочной дороге в тележке, а последние 30 верст — по сплошной заболоченной тайге. Дороги, собственно, не было; она представляла узкую просеку в тайге, заросшую осокой на кочках, разделенных ямами с водой. Лошадь то опускала ногу в яму, то ставила ее на кочку, и соответственно с этим всадник то наклонялся вперед, то откидывался назад. Из-под копыт летели брызги и жидкая грязь, которая забрасывала всадника по колено. По такой дороге ехали целый день.

Дядя на просьбу Потанина принять его на службу ответил:

— Какую службу я могу дать вам? Начальником стана или материальным экономом вы не можете быть, у вас нет опыта. Нарядчиком же сами не захотите стать; это значит стоять с кнутом в руке над рабочими, копающими золотоносные пески, и

следить, не заснул ли кто, чтобы разбудить его ударом кнута!

Дядя предложил Григорию Николаевичу пожить у него до осени и отвел ему комнату. Осенью он собирался ехать на родину в Эстляндию, обещал довезти племянника до Петербурга и даже дать ему стипендию.

Потанин поселился у дяди, дом которого представлял маленький культурный оазис в Сибирской тайге, с библиотекой из книг классиков, их бюстами, ажурными рукодельными работами сестер барона и всем культурным укладом жизни.

Барон сам не занимался делами прииска, всецело доверяя управляющему, томскому мещанину, за что и поплатился. Добыча золота не оправдала расчетов, основанных на осенней разведке, и уже в середине лета стало очевидно, что необходимо рассчитать рабочих, которым нечем было платить. Рабочие говорили, что управляющий тайно подсыпал золото в шурфы разведки по соглашению с томскими кредиторами барона, которые хотели объявить его несостоятельным и учредить администрацию над прииском. Среди рабочих начались волнения. Приехали жандармы по донесению в Томок о бунте, рабочих удалили, и прииск опустел.

С банкротством дяди рушились и планы Потанина. Ему приходилось возвращаться в Томск с пустым карманом, хотя барон обещал позаботиться о нем, когда поправит свои дела. Он дал Григорию Николаевичу письмо к своему знакомому, ссыльному анархисту М. А. Бакунину, жившему в Томске, с просьбой помочь ему в поездке в Петербург.

Бакунин встретил его очень приветливо, снабжал книгами из своей библиотеки, которую купил у декабриста Батенькова. Григорий Николаевич, в ожидании приезда дяди с прииска, прочитал «Космос» и «Картины природы» Гумбольдта. Но обстоятельства барона не поправились; в Томске, в разгаре хлопот, он скоропостижно умер; Потанин начал уже подумывать о путешествии в Петербург пешком, вспомнив Ломоносова. Помог Бакунин, который через своих знакомых добыл Григорию Николаевичу разрешение ехать с караваном золота. В то время в Сибири была только в Барнауле одна печь для переплавки россыпного золота в слитки. Туда привозили золото со всех приисков, переплавляли и отправляли несколько раз в год в Петербург караванами, которые народ называл «серебрянками», потому что раньше подобным же способом отправляли в столицу серебро, добываемое на царских рудниках Алтая. Караван состоял из 17—20 повозок под начальством какого-нибудь чиновника и с конвоем из нескольких солдат. На дне каждой повозки был прикован прочный ящик со слитками золота, поверх которого

было место и для пассажиров. Поэтому в караван для большего его многолюдства охотно принимали чиновников, офицеров, учащихся, которым нужно было попасть на Урал, в Пермь, Казань, Москву, Петербург, но которые не имели средств для оплаты длинного пути. В иных караванах каждый возок был занят одним-двумя бесплатными пассажирами.

Караваны отправлялись из Барнаула, куда Потанину и пришлось поехать. В Барнауле он познакомился с алтайскими горными инженерами, один из которых был начальником каравана.

Ехали быстро, днем и ночью. Впереди каравана всегда бежала эстафета, предупреждавшая о заготовке лошадей, которых нанимали у крестьян. Поэтому на станции, где предстояла смена, лошади были готовы, стояли в хомутах возле заборов вдоль улицы. Как только подъезжали возки, ямщики выпрягали уставших лошадей, запрягали свежих, и караван ехал дальше. Только утром, днем и вечером делали остановку на полчаса, для чая и обеда. Возки ехали быстро, частью вскачь, особенно по гладкой Барабинской степи.

Приезд каравана в деревню ночью представлял интересную картину; улица запружена лошадьми и народом, вдоль нее горят костры; беготня, крики, перезванивание колокольчиков, фырканье лошадей. Так ехали до Казани, где пришлось разделить караван на три партии, чтобы брать уже почтовых лошадей. От Казани до Москвы дорога была грязная и избитая, возок нырял из ухаба в ухаб, и Потанин страдал от морской болезни. От Москвы ехали по железной дороге.

В Петербурге Потанин осенью 1859 г. устроился быстро. Бакунин дал ему письмо к своей двоюродной сестре, которая ввела его к профессору Кавелину, а последний познакомил с несколькими студентами, которые помогли Григорию Николаевичу найти квартиру. Ради заработка Григорий Николаевич хотел поступить садовником в Ботанический сад, но П. П. Семенов доставил ему другие занятия.

Потанин поступил в университет на естественное отделение физико-математического факультета и особенно интересовался лекциями по ботанике. В Петербурге он встретил еще нескольких сибиряков-студентов и художников, образовавших кружок, первое сибирское землячество. Заработок Григория Николаевича был небольшой, и жил он очень скромно, сберегая деньги на покупку книг.

С приятелями сибиряками Ядринцевым (впоследствии журналистом и издателем сибирской газеты «Восточное обозрение»), Наумовым (писателем) и своим сожителем

Куклиным они обедали вскладчину; обед состоял из вареного картофеля с маслом, ситного хлеба с маслом и тертым зеленым сыром и бутылки кваса. Утром и вечером пили чай с сухарями, которые брали в булочной в долг. Этому питанию соответствовала и вся обстановка, костюм, мебель, утварь.

Потанин спал на кровати без тюфяка, на голых досках, покрытых простыней. Такой образ жизни давал Григорию Николаевичу возможность обходиться скудным заработком, не требовавшим большой затраты энергии. Больше времени оставалось на чтение книг, посещение вместе с друзьями-художниками музеев, выставок, картин и церквей, в которых их интересовали художественно выполненные иконы.

Весной Потанин и его друзья делали экскурсии в окрестности Петербурга. Здесь Григорий Николаевич собирал растения, а художник рисовал пейзажи. Общение с художниками развило кругозор Потанина. Он научился понимать картины, настроение художника, наблюдать в пейзаже оттенки красок, сочетание света и теней, понимать перспективу; все это помогло ему при позднейших путешествиях оценивать своеобразие и красоту картин природы в странах Внутренней Азии.

На лето Григорий Николаевич уезжал из Петербурга. Ему хотелось видеть новые края и новую жизнь. Первое лето он провел в Рязанской губернии в имении своего дяди по матери, Трунина, и познакомился здесь с крепостным правом, доживавшим уже последние дни. Крестьяне открыто говорили о предстоявшем освобождении, о том же вела разговоры интеллигенция, помещики со страхом ожидали будущего. Дядя и тетка были против реформы, но дети сочувствовали ей, и в доме разгорались горячие споры, в которых Потанин принимал участие.

На второе лето он поехал в Олонецкую губернию по Неве и Ладожскому озеру. Во время этой поездки Потанин познакомился с карелом-шкипером, у которого и пожил в деревне близ г. Олонца. Затем он провел некоторое время на Валааме у своего приятеля, художника-пейзажиста Шишкина, писавшего этюд на живописном острове. Оба они обедали в столовой Валаамского монастыря, обслуживавшей паломников. В монастырской столовой деревянные ложки, во избежание покражи их паломниками, были прикреплены к столам цепочками. К Шишкину и другому художнику, также писавшему этюды на острове, был приставлен монах, следивший за их поведением.

После второй зимы посещения лекций в университете Григорий Николаевич, прочитавший несколько учебников по ботанике, почувствовал, что он еще не подготовлен к

путешествию в качестве ботаника. Он пошел к П. П. Семенову и сказал ему это. Семенов посоветовал ему купить книгу Ледебура «Русская флора», поехать в деревню, ходить в поле, собирать растения и находить их названия в книге, чтобы хорошо познакомиться со способами определения.

Но книга стоила 24 рубля, а денег у Григория Николаевича не было; поэтому он вместе со своим приятелем Куклиным, которого уговорил также заняться ботаникой и поехать летом на практику, решили деньги на покупку книги сэкономить на еде. Они упразднили в обеде картофель. Утром и вечером пили чай с сухарями, а к обеду покупали бутылку кваса и несколько фунтов ситника, который ели с маслом и зеленым сыром.

Накопив денег к лету, они купили Ледебура и поехали в деревню Воровую на Оке, близ Калуги. Здесь они наняли комнату у крестьян и прожили в ней два месяца, собирая растения и определяя их по книге. Ели за общим столом, четыре раза в день, с хозяевами, щи с гречневой кашей. От чая отвыкли, и немудрено: во всей деревне был только один самовар — у отставного солдата.

Потанину не удалось окончить университет. На третий год его учения в университете начались студенческие волнения; весной 1862 г. занятия были прерваны, и университет закрыт на неопределенное время. Приходилось думать о возвращении на родину.

В годы учения в университете Григорий Николаевич все время колебался при решении вопроса, кем ему сделаться — натуралистом или публицистом. Он прочитал по-французски книгу Гумбольдта «Центральная Азия». Воображение рисовало ему описанные в книге по данным китайских путешественников озеро Куку-нор в глубине Азии и окружающие его снежные пики, которые местные жители называли патриархами. На берегах Куку-нора еще не ступала нога европейского путешественника. Книги Гумбольдта, посвященные описанию этой местности, были проникнуты такой жаждой раскрыть тайны этой неизвестной страны, что читатель невольно загорался желанием увидеть берега Куку-нора и пики окружавших его снежных вершин.

В той же книге внимание Потанина привлекла еще одна гора в Тянь-шане, которую по китайским источникам Гумбольдт считал действующим вулканом. Григорию Николаевичу хотелось посетить берега Куку-нора и разрешить вопрос о вулкане.

Но, с другой стороны, разговоры и споры со студентами-сибиряками о вопиющих непорядках в управлении Сибирью и личное знакомство с положением дел в генерал-губернаторстве Гасфорда и бесправием казачьего сословия побуждали Потанина

к другой деятельности.

Время было исключительное, новые идеи волновали общество. В университете кафедру русской истории занимал украинец-федералист Костомаров, в газете «Век» сибиряк Щапов также проводил федералистские идеи. Потанина и его друзей занимал вопрос, является ли Сибирь провинцией Российского государства или же его колонией, подобно тому как Австралия, Индия, Канада и т. д. являются колониями Британской империи. Они приходили к выводу, что Сибирь не только колония, но штрафная колония Российской империи, место ссылки преступников и извлечения богатств в виде золота, серебра, денег за снабжение Сибири мануфактурой и другими товарами.

Ссылка уголовных неблагоприятно отражалась на культурном росте коренного населения. Экономическая отсталость Сибири поддерживалась конкуренцией дешевых товаров метрополии. Отсутствие своего университета отрывало молодежь от родины, мешало формированию сибирской интеллигенции, которая могла бы сыграть большую роль в промышленном и культурном росте Сибири. Бесправное положение «инородцев», о котором студенты-сибиряки знали как из личных наблюдений, так и из рассказов киргиза Чокана и бурята Пирожкова, также приехавших учиться в Петербург, тоже до крайней степени препятствовало развитию производительных сил Сибири.

Одновременно с Григорием Николаевичем собирались ехать назад в Сибирь его друг Ф. Н. Усов, казачий офицер, слушавший лекции в Военной академии, писатели Шашков, Наумов и Ядринцев. Они ехали, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее начать на родине культурную работу. Они мечтали, что будут устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции, собирать пожертвования для помощи сибирякам, учащимся в столицах, совершать ученые поездки по родине, собирать коллекции для музеев и писать в местных газетах о нуждах Сибири.

Глава V. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (1862—1864)

На берегах озера Зайсан-нор. Мухаммед-султан. Киргизские зимовки. Переход к озеру Марка-куль. Кожембетцы и лов рыбы. Горы Сары-тау. Зимний лов рыбы на озере Зайсан-нор. Поездка по Тарбагатаю. Кочевая дорога. Летовки на Коджуре. Долина Кызыл-чилик. Орлиное гнездо

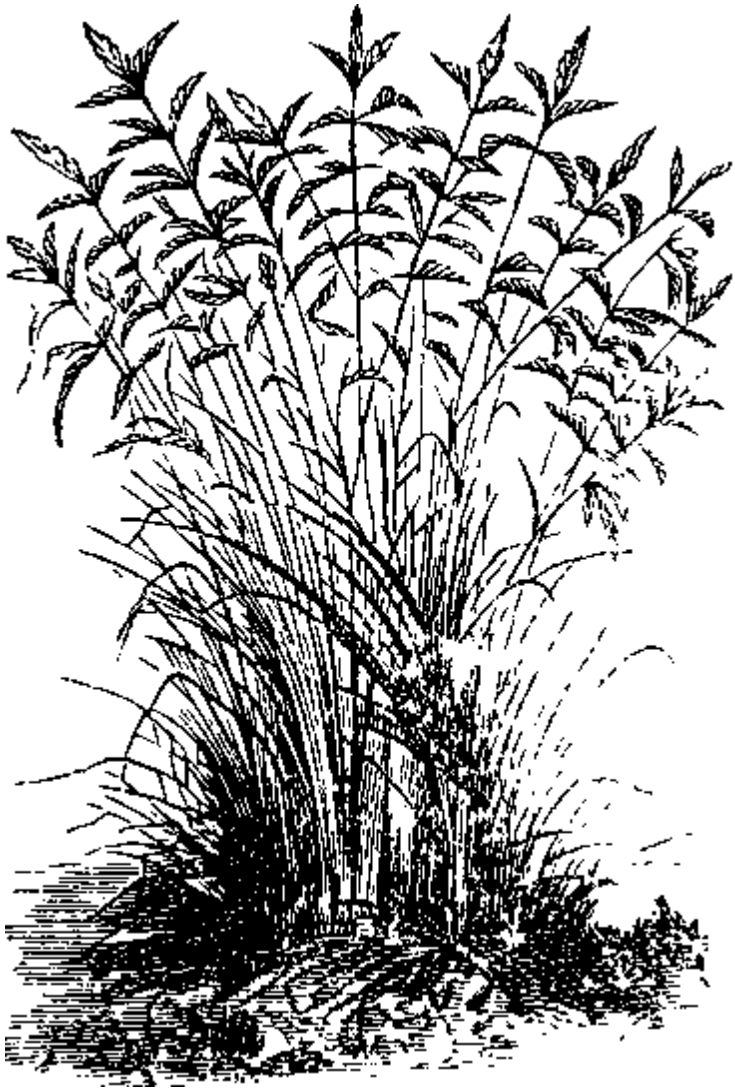
Перед отъездом Потанин побывал у П. П. Семенова и просил его дать письмо к новому генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю не с просьбой устроить Потанину место службы, а только с уведомлением о том, что в управляемом им крае будет жить преданный науке и просвещенный человек. П. П. Семенов в душе, вероятно, удивился этой невинной и наивной просьбе и предложил Григорию Николаевичу пристроить его к экспедиции астронома Струве; экспедиция ежегодно выезжала для работы по определению широты и долготы различных пунктов в пограничной с Китаем местности между Алтаем и Джунгарским Ала-тау. Эти определения были необходимы для точности карт, которые снимались топографами в это же время. Участие в научной экспедиции в незнакомый край было для Потанина исключительно привлекательно. Он с радостью принял предложение Семенова. Таким образом, он на время отказался от непосредственного участия в разрешении волновавших его сибирских вопросов.

По приезде в Омск, осенью 1862 г., он поступил в распоряжение Струве, находившегося уже в городе; но до весны, когда следовало ехать на Алтай, оставалось много времени. Григорий Николаевич принял деятельное участие в организации выборов депутатов от казаков в собрание, которому было предложено обсудить новое положение для казачьего войска. Это предложение было составлено комитетом, назначенным генерал-губернатором специально для этой цели. Собрание выбрало Григория Николаевича одним из секретарей; остальные секретари были молодыми офицерами, сочувствовавшими реформам в демократическом духе. Секретари руководили работой, собрание резко критиковало текст положения, составленный комитетом. Для выработки окончательного текста положения устроили совместные заседания и собрания, на которых Григорий

Николаевич выступал защитником интересов простых казаков, чем возбудил против себя неудовольствие офицеров и получил от них аттестацию бунтовщика. Зато простые казаки видели в нем своего заступника. Начальник штаба казачьих войск Гулькевич, сочувствовавший реформе, добился того, что проект нового положения, составленный в демократическом духе, был отправлен в Петербург.

Весной 1863 г. астроном Струве и Потанин прибыли в русскую колонию Кокбекты, расположенную недалеко от южного подножия Калбинского хребта. Последний составляет продолжение Алтая на левом берегу Иртыша и тянется на запад, постепенно понижаясь и распадаясь на отдельные гряды гор и холмов. В качестве проводника пригласили бия Тану Тлемисова, известного у киргизов своими познаниями в степном обычном праве и в юридической практике. Тана раньше кочевал по южному Алтаю и хорошо знал там местность и население: он был проводником в экспедиции капитана Влангали, изучившей Калбинский хребет.

15 апреля (ст. ст.) караван выступил из колонии вниз по речке Кокбекты, впадающей в озеро Зайсан-нор, и через несколько дней дошел до ее устья, которое отстоит от колонии почти на 100 километров. Местность по берегам речки представляла щебнистую степь, поросшую главным образом полынью. Вдоль речки чередовались лужайки, заросли таволги, караганы, камыша и площади солончаков. Речка вскоре исчезла, вода текла под землею, появляясь в отдельных впадинах русла в виде маленьких озерков, которые киргизы называли карасу (черная вода). Эти карасу были окаймлены зарослями чия, злака, растущего большими пучками; его длинный и жесткий стебель оканчивается соцветием в виде метелки. Животные едят только молодые побеги, старые слишком тверды, и у них они объедают только метелки. Чий распространен по всей Внутренней Азии и в Киргизской степи; монголы называют его дэрису.



Злак чий (дэрису)

В урочище Джусагач исчезнувшая вода речки появилась опять в виде многочисленных чистых ключей, текущих отдельными руслами среди гряд галечника и валунов; здесь росли тополя (откуда и название места — сто деревьев), образовавшие большую, но не густую рощу с кустами жимолости, тала, боярышника и шиповника. В низовьях речка опять изменила свой характер,— здесь вдоль узкого и глубокого русла тянулись заросли камышей.

От устья караван прошел вдоль берега озера к выходу Иртыша. Здесь степь была песчаная, а ближе к озеру — солонцеватая, проросшая камышом, в котором ютилось много

птиц. Всю ночь в камыше раздавались крики гусей, уток, куликов и лебедей, делавших здесь привал в своем перелете на север.

Переправившись через Иртыш, путешественники шли дальше на восток вдоль берега Зайсан-нора, отмечая характер местности, растения, животных и состав почвы.

Потанин собирал гербарий, Струве вел маршрутную съемку.

Побережье озера было сырое, песчаное, поросшее осокой и камышом; его окаймляли несколько параллельных песчаных валов, набросанных во время сильных юго-восточных ветров, а за ними расстилалась песчаная степь, поросшая полынью и мелкими кустами.

Однообразие местности нарушалось отдельными холмистыми мысами и горой Чакыль-мес; вокруг нее берег сложен из пестрых глин — серых, желтых и красных, в которых дождевые воды промыли ветвистые узкие овраги; подобные места киргизы называют «Керчь».

У восточного конца озера полоса камышей расширилась: она занимала всю дельту реки Черный Иртыш, впадающей в озеро. Здесь караван был встречен племянником проводника Таны Мухаммед-султаном, который выехал далеко в степь.

Значение гостя в степи измерялось расстоянием до юрты хозяина, на котором хозяин встречал гостя. К самым почетным гостям хозяин выезжал дальше, к мало почетным выходил на несколько шагов от юрты. Дальний выезд предвещал путешественникам хороший прием.

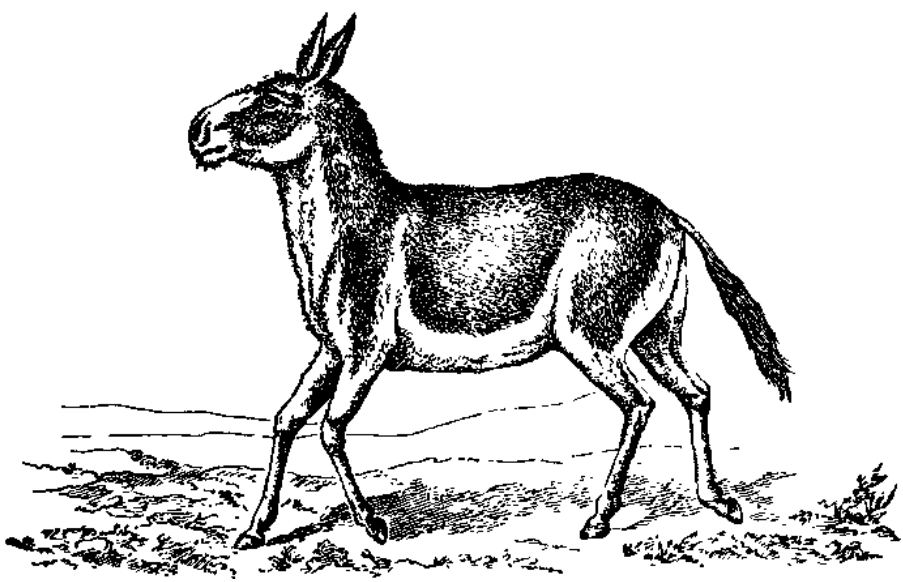
В юрте гостей встретила мать Мухаммед-султана, веселая старушка. Тана рассадил по местам не только киргизов, но и членов экспедиции сообразно их значению, а сам занял самое почетное место и первенствовал в течение всей церемонии угощения.

Не ограничиваясь угощением в юрте, Мухаммед-султан прислал начальнику экспедиции в качестве «кунагаса», т. е. подарка, кобылу, быка и несколько баранов. Размеры таких подарков зависели как от богатства хозяина, так и от значения, которое он придавал гостю.

Караваи в это время стоял в урочище Чингильды, в песчаных холмах близ устья Черного Иртыша. Григорий Николаевич увидел здесь киргизскую зимовку «кыстау». Стены этого зимнего жилища сложены из плиток сухого навоза укреплены внутри и снаружи пучками камыша; горизонтальная крыша из камыша лежала на закопченных жердях, подпертых столбиками. Два входа с противоположных сторон вели в кривой коридор, который делил жилье на две части: одну для людей, другую для овец. В жилой половине в крыше было отверстие для выхода дыма, заменявшее

также окно; под ним на земле разводили огонь. Топливом у кочевников служит главным образом сухой помет животных, пасущихся в степи. Разные виды его имеют даже разные названия: киргизы называют коровьи лепешки «джепа», лошадиные шары — «тезек», а овечьи шарики — «кумалак». Из последних, политых водой и размятых, делают кирпичи, которые сушат, как плиты торфа; они служат и для топлива, и для постройки зимовок. В горах, где много камня, стены делают из каменных глыб и плиток, но возле зимовок и здесь всегда видны кучи сохнущих «ки», т. е. кирпичей из овечьего помета.

Направившись из урочища Чингильды на север, в горы Сарытау, по неровной холмистой степи, экспедиция пересекла плоские возвышенности и промежуточные долины и впадины. Местность сделалась более разнообразной; в одной из долин участники экспедиции видели стадо сайг (антилоп) и кулана (дикого осла). 22 мая пришли в долину реки Кальджир, расположенную среди более высоких гор; их северные склоны были покрыты лесами лиственницы, тогда как на южных склонах пояс степных кустов и трав прямо переходил в альпийские поляны. Река Кальджир вытекает из озера Марка-куль и в верхнем течении проходит по глубокому недоступному ущелью. Обходя его, путешественники поднялись на горы, окружающие озеро с юга, и шли по альпийским лугам, пересекая верховья долины бассейна реки Алкабек, впадающей в Черный Иртыш выше Кальджира. Здесь они встречали киргизские аулы, прибывавшие на летовки (джайляу).



Кулан (дикий осел)

На вершинах гор лежали еще пятна снега. На альпийских лугах паслись табуны лошадей, стада рогатого скота и баранов.

С гор спустились к озеру недалеко от истока Кальджира. Озеро со всех сторон окружено горами и лежит в зеленой чаше. Леса лиственницы на берегу озера местами сменялись осиной и березой, которые еще не покрылись свежими листьями.

Вблизи истока Кальджира было много аулов рода Кожембет. Это были горцы Южного Алтая, выходившие на равнины Зайсана только на короткое время, чтобы скосить хлеб на маленьких пашнях. Их зимовки находились высоко в горах: они занимались рыболовством в реке. Путешественники видели ловлю, происходившую каждый вечер. Собиралось человек 50 взрослых и детей, верхом на быках. Это были представители от всех семейств рода. Они привезли с собой два общественные невода. Почти все верховые заехали в реку значительно ниже ее истока из озера и криками и горящими головнями начали гнать рыбу вверх но реке к истоку, загороженного у неводами. Затем заполненные невода вытаскивали и складывали рыбу в общую кучу. Закидывание невода и загон рыбы повторялись несколько раз, так что шум и крики продолжались всю ночь. На рассвете начался дележ рыбы; все участники лова сели на землю замкнутым кругом вокруг кучи; каждый держал в руках раскрытый мешок. Возле кучи сели два избранных делильщика, спиной друг к другу. Они разбросали по мешкам сначала крупную рыбу, по две штуки каждому, затем среднюю и, наконец, мелкую, пока не поделили всю кучу.

Кроме этого ночного общественного лова днем происходил еще частный лов острогой. Киргизы разъезжали верхом по реке или, раздевшись, бродили вдоль берега и кололи рыбу острогой.

Кожембетцы летом питались исключительно рыбой, а молоко копили к зиме в виде консервов, известных вообще у киргиза под названием ирюмчика и крута. У каждой юрты были устроены полати из цыновок, сплетенные из чия, подпертых палками. На них сушился сыр в маленьких колобках.

Другие виды ловли кожембетцам были неизвестны. Сетей они не ставили, лодок не имели. Это делало для них недоступным рыбное богатство самого озера; практиковавшаяся ими ловля в истоке реки как крупной, так и мелкой рыбы грозила истреблением рода форелей.

После ухода киргизов с берегов озера в нижние долины гор Алтая на зимовки Марка-куль посещался крестьянами из деревень, расположенных на реках Нарыме и Бухтарме к северу от хребта Нарымского, отделяющего эти реки от озера. Они приезжали, неводили; засолив рыбу, складывали ее в переметные

сумы и увозили — каждый по две навьюченные лошади.

По словам Потанина, озеро посещалось и русскими торговцами, казаками и татарами для меновой торговли с кожембетцами. Последние так нуждались в русских тканях, что казаки экспедиции очень выгодно сбыли им не только все свои запасные рубахи и штаны, но и старые носовые платки, онучи и тряпки; в конце концов они остались при одной смене нижнего белья. Тем не менее, когда начальник запретил казакам торговать, кожембетцы, стали так резко выражать свое неудовольствие, что пришлось позволить им продолжать мену. Насколько выгодна была здесь торговля, видно из следующего примера, приведенного Потаниным: казак Насонов в два лета сбыл кожембетцам русских товаров на 10 000 рублей, а в обмен вывез местных произведений на 20 000.

Кожембетцы были так напуганы военным конвоем, что не верили в мирные задачи путешественников. Из окрестностей собрались влиятельные лица и в течение трех дней обсуждали, встретить ли членов экспедиции дружелюбно или выразить им свое неудовольствие. Поэтому три дня на стоянку экспедиции приходили только простые киргизы. Только на четвертый день ее стали постепенно посещать более почетные лица с подарками в виде баранов и кумыса; последнего привезли по крайней мере бочку.

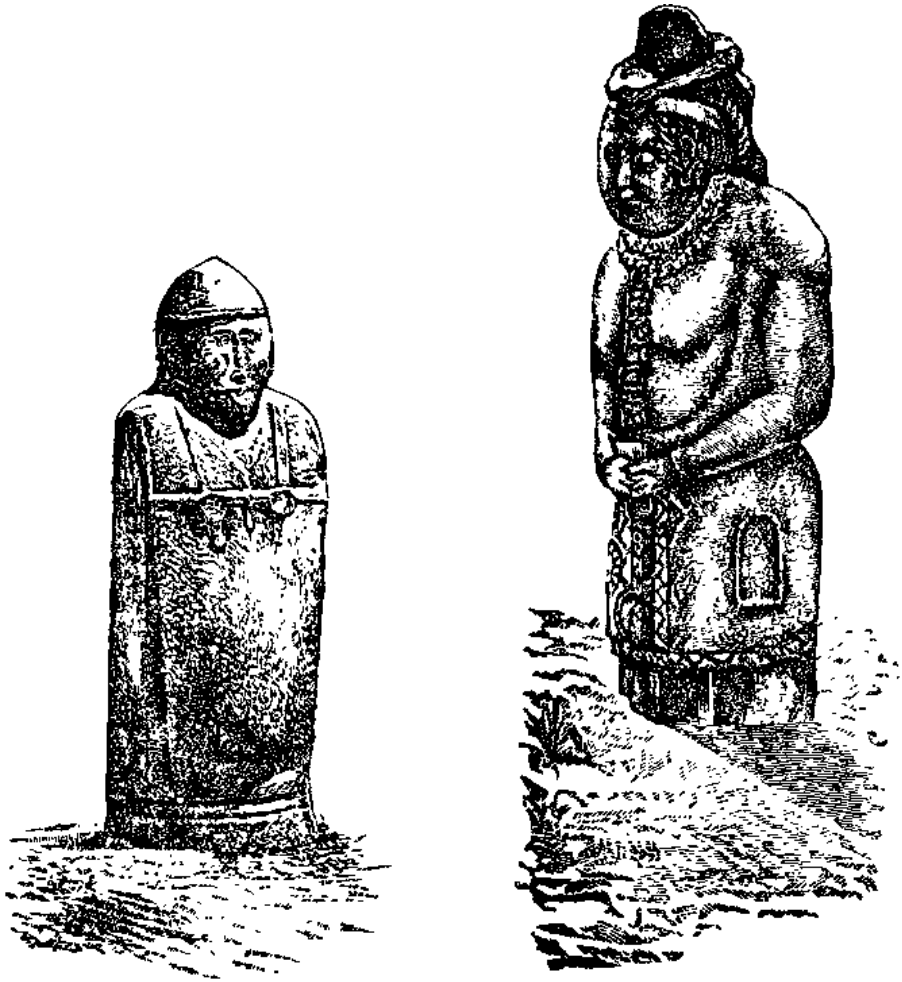
Позже всех прибыли дети умершего султана Кулика, пользовавшегося большим уважением в крае. Его старший сын, человек лет за 40, высокого роста, был необыкновенно тучен; говорили, что в его табунах была только одна лошадь, которая могла нести его. Он был одет в синий халат с красными шнурами на груди и походил на старинного венгерского магната.

Тана придавал большое значение посещению этих султанов. Он выпросил в соседних аулах чистую юрту для приема гостей и на следующий день устроил в ней большое угощение. Закололи несколько баранов. Алтпыс, собственный повар Таны, хлопотал у котлов. Когда мясо сварилось, Тана распорядился, чтобы лучшие куски были разложены на деревянные блюда, предназначенные для наиболее почетных гостей. По знаку Таны в юрту направилась процессия с подарками. Впереди шел Мамын, мулла и русский переводчик Таны. Он нес на подносе подарки старшему сыну Кулика — кусок красного сукна и полголовы сахару. За ним шел другой киргиз с подарками для других лиц. Все было разложено так, чтобы яркость и пестрота красок поразили толпу кожембетцев, мимо которых шла процессия. Около 10 человек понесли в юрту блюда с мясом

В другие дни Тана разбирал спорные дела кожембетцев, их

тяжбы из-за кочевьев. Местные султаны дорожили знаниями и беспристрастием Таны и не отпускали его до окончания дел.

31 мая экспедиция покинула озеро и поднялась на горы Сарытау, расположенные к западу от него. Пересекали горные долины, в которых было много аулов кожембетцев. В одном месте члены экспедиции видели врытые в землю две фигуры, высеченные из гранита. Это были каменные бабы, как их называют, позже попадавшиеся Григорию Николаевичу очень часто в Монголии. Они встречаются также на Украине, в Галиции и в Пруссии. Это грубо сделанные из разных пород камня статуи величиной от 0.7 до 3.5 метра, изображающие преимущественно женщин, сидящих или стоящих, одетых или голых. На мужских статуях можно различить оружие — лук, колчан, топор, кинжал. На женских статуях различимы серьги, браслеты, ожерелья. Иногда изваяна только голова, а остальная часть камня не отделана; иногда, наоборот, все туловище изваяно, а черты лица отсутствуют или едва заметны. Эти изваяния принадлежат исчезнувшим народам. Они, провидимому, представляли намогильные памятники и имели различные знаки.



Каменные бабы

Экспедиция провела несколько дней вблизи подножия главной вершины Сары-тау. Струве поднимался на нее пять раз, Потанин — два раза, один раз пешком. Вершина плоская, на нее можно подняться на лошади, особенно с северной стороны. Снег лежал в немногих местах, обращенных к северу, и сильно таял. На южном склоне Григорий Николаевич отметил параллельные ряды обломков гранита, представляющие, по-видимому, морены ледников, когда-то спускавшихся с этой вершины. Вершина достигает 2700 метров абс. высоты. С нее открывался обширный вид на долину реки Курчум и Нарымский хребет на севере, озеро Марка-куль на востоке, горы Сары-Тарбагатай и долину Черного Иртыша на юге, где вдали виднелся даже Саур с его вечными снегами и ледниками.

На вершине Сары-тау при ясном небе погода была сносная;

но часто здесь и летом свирепствовали бураны. Даже на стоянке экспедиции у подножья Сары-тау иногда приходилось надевать шубы и греться у огня. Несмотря на суровый климат, киргизы проводили на альпийских лугах все лето.

К стоянке экспедиции вскоре прикочевал аул Мухаммед-султана, и Струве послал ему, по степному обычаю, в подарок дорогую саблю. Распространенный среди киргизов старинный обычай подарков русские чиновники широко использовали как легальную форму для внедрения взяточничества. Так, в некоторых местах они способствовали тому, что киргизы ввели в обычай приветствовать назначение нового начальника поднесением ему подарка в 400—600 рублей.

6 июня экспедиция оставила Сары-тау, спустилась через бассейн реки Кальджир в предгорья к реке Калгутты, затем в степи подножия Сары-тау, 13 июня прибыла к озеру Зайсан-нор и закончила путешествие в г. Кокбекты.

Григорий Николаевич выяснил, что в песчаной степи к северу от озера еще попадаются куланы и сайги, особенно на солончаках. В архиве управления области сибирских киргизов он нашел указания, что еще в половине XVIII века куланы были распространены гораздо севернее и что киргизские охотники нередко переходили на правый берег р. Иртыша партиями до 15 человек, чтобы добывать куланов в степи за Иртышской и даже за Горькой линией станиц.

Вернувшись в Усть-Каменогорск, Потанин занялся описанием своего путешествия. Но уже в начале 1864 г. он поехал опять на озеро Зайсан-нор. В день выезда он попал в буран, заставивший его вернуться в город, так как за три часа удалось проехать только 8 километров. На следующий день он видел доказательства силы бурана. Все долины были заполнены снегом и казались не очень глубокими. Верстовые столбы были занесены до верхушки. Но на южном склоне Калбинского хребта, через который он ехал, снега почти не было, и стада паслись по долинам. Этот хребет вообще славился зимними бурями, и проезжающим иногда приходилось сидеть целые недели на пикетах (станциях) в ожидании хорошей погоды.

Потанин хотел посмотреть на Зайсан-норе зимний лов рыбы, но в Кокбектах он узнал, что первый лов кончился, и ему пришлось собирать сведения о нем у казаков этого городка, которые ловили рыбу сетями и крючками со льда в начале и в конце зимы. Он все-таки поехал к озеру, чтобы наблюдать искусство киргизских рыболовов, которые ловили в течение всей зимы. По дороге он встречал казацкие обозы с рыбой первого лова. Обычно к этому времени казаки привозили с собой разные

товары, которые с большой выгодой для себя выменивали у киргизов на рыбу, продукты скотоводства и даже земледелия.

На озере Григорий Николаевич в разных местах наблюдал ловлю рыбы в прорубях крючками разной величины, посещал юрты киргизов на берегах озера среди камышей, знакомился с их бытом и узнал киргизские названия всех мысов. Лед озера был не ровный: его пересекали торосы, т. е. валы из льдин, нагроможденных друг на друга силой ветров во время ледостава, когда образующиеся ледяные поля приходят в движение, напирают друг на друга и ломают свои края. У берегов эти торосы были не выше одного метра, но в середине озера они были значительно больше.

Конечно, они не могли соперничать с торосами дрейфующих льдов Арктики, которые состоят из глыб льда в один, два и даже три метра толщины и достигают 10—15 метров вышины.

В описании этой поездки Григорий Николаевич дал много сведений не только о рыболовстве, рыбах озера и рыболовных артелях крестьян и казаков, но и о хлебопашестве киргизов, его возникновении, методах и успехах.

Знакомство с условиями рыболовства на озере дало Потанину возможность послужить еще раз интересам простых казаков. Рыболовство на этом озере составляло монополию всего Сибирского казачьего войска, командование которого сдавало его в аренду одному купцу, лишая тем казаков права ловить в нем рыбу. Григорий Николаевич обследовал состояние хозяйства казаков в колонии Кокбекты, составил от их имени прошение атаману о сдаче рыболовства на озере в аренду казачьим артелям отдельными участками, присоединил к прошению докладную записку о нуждах казаков Кокбекты и добился того, что озеро было сдано по участкам в аренду казакам.

Летом 1864 г. Струве и Потанин отправились в экспедицию для продолжения своих наблюдений в пограничной области. Они выехали 14 июня из станицы Урджар у южного подножия Тарбагатая, чтобы обследовать этот хребет.

Путь шел сначала на юго-восток по степи, уже пожелтевшей от жары и мало интересной для ботаника, а затем на восток, по предгорьям, к речке Ласты. Здесь они осмотрели китайские каменноугольные копи и нашли окаменелые раковины, определившие возраст отложений. Отсюда они поднялись вдоль границы с китайскими владениями прямо на хребет. Дорога шла по гребню длинного отрога между двумя глубокими поперечными долинами, поднимаясь все выше и выше. Становилось прохладнее; кругом все было покрыто травой и цветами альпийского мака, зелень радовала глаз после выгоревшей степи

подножия. С наступлением сумерек путешественники были на перевале Хабар-асу через хребет. Дорога через этот перевал издавна служила для сообщения между Киргизской степью и городами Китайского Туркестана — Яркендом и Кашгаром. По ней проходили взад и вперед торговые караваны. Григорий Николаевич в описании путешествия приводит сведения о караванах, о русских купцах и казаках, посещавших Джунгарию, о количестве и роде товаров, в том числе и рабов, которых еще в XVIII веке приводили по этой дороге из глубины Азии для продажи русским купцам и чиновникам.

После ночлега на Хабар-асу, во время которого пал иней, путешественники поднялись на соседнюю вершину Сары-чеку, очень плоскую и каменистую, затем спустились до северного подножия хребта на Зайсанскую степь, чтобы проследить изменение растительности на северном склоне и собрать гербарий. Потанин описал много растений, характерных для верхней альпийской и нижней степной зон и отметил, что северные долины Тарбагатая отличаются большей сухостью воздуха, чем южные, и что в первых нет даже кустарников.

В начале июля экспедиция поднялась обратно к горе Сары-чеку и направилась на восток, вдоль по гребню Тарбагатая, по большой «кочевой» дороге, т. е. дороге, по которой кочевники со стадами переходят на летние пастбища.

Читатель, естественно, должен быть удивлен: разве по гребню горного хребта может пролегать какая-нибудь дорога? Вдоль него и пешком проберется разве опытный альпинист. И читатель представляет себе Кавказ, вдоль гребня которого одна скалистая, острая, крутобокая вершина следует за другой, отделяясь от нее глубоко врезанной седловиной. По такому гребню, конечно, никакой дороги не может быть. Но не все горные хребты одинаковы. Немало таких, гребни которых широки; плоские вершины чередуются с широкими, мало врезанными седловинами, и все покрыто растительностью, а на более высоких — россыпями камня. Хребты пограничной Джунгарии, к которым принадлежит и Тарбагатай, большею частью имеют такие широкие и плоские гребни, по которым и проходят главные кочевые дороги: по склонам, изрезанным поперечными долинами, передвигаться со стадами гораздо труднее. Кочевники идут вдоль гребня, затем спускаются в верховья долин, каждый аул к своим пастбищам.

Экспедиция на своем пути по гребню Тарбагатая нашла, что дорога от Сарычеку до гранитного массива Коджур была такая гладкая, что по ней можно было бы проехать в экипаже. В Коджуре проезд немного затруднялся громадными глыбами

гранита, рассеянного по гребню; но в промежутках между ними везде можно было пройти.

Коджур по-киргизски значит шероховатый, что вполне соответствует его поверхности. Глыбы были рассеяны и на седловинах. На поверхности глыб часто были чашеобразные углубления, созданные выветриванием породы и заполненные дождевой водой. Одно из них было глубокое и имело форму кувшина. Оно было прикрыто плоским камнем. Киргизы считали воду, заполнявшую это углубление, святой и бросали в нее овечий сыр в качестве жертвоприношения.

С дороги по гребню постоянно открывался далекий вид то на север, то на юг, то в обе стороны. На севере, вдали, расстилалась Зайсанская степь, на юге, более близко, обширная котловина, орошенная рекой Эмиль; среди нее можно было различить желтые стены китайских городов Чугучак и Дурбульджин. Встречались кочевники со стадами, подвигавшиеся на летовки, джайляу; их шествие представляло живописную картину. Важно шествовали верблюды, завьюченные палками, решетками и войлоками юрт или большими сумами с домашним скарбом; их вели женщины. На некоторых верблюдах поверх сум восседали старухи с грудными детьми. Молодые женщины были разряжены в красные халаты и шаровары, у всех женщин на голове были белые повязки вроде кокошника. Маленькие дети ехали верхом на лошадях или быках, привязанные к седлам.

Мужчины верхом гнали табуны лошадей и были вооружены пиками или фитильными ружьями на сошках[17]; некоторые держали на руке охотничьих орлов. Шли также завьюченные быки, но не связанные в цепочку, как верблюды, а порознь. Погонщиками были подростки, гнавшие овец и коз. Эти караваны встречались отдельными партиями по аулам; блеяние овец и коз, мычание быков и коров, рев верблюдов, крики погонщиков оглашали прохладный воздух над гребнем.

Перекочевка на джайляу — большой праздник у кочевников; после однообразной жизни на зимовке, где уже стало жарко, где подножный корм вытравлен или пожелтел, а докучливые насекомые — комары, оводы, слепни — не дают покоя ни людям, ни стадам, переход на новое чистое место на прохладных высотах с зеленым кормом и цветами альпийских лугов, с их простором, чистым воздухом, частыми сменами погоды очень приятен, а суета и хлопоты перекочевки представляют развлечение.

Среди глыб Коджура Григорий Николаевич заметил много кустов казацкого можжевельника: его стелющиеся стволы очень кривые, древесина красивая и благовонная. Это дерево обыкновенно образует большие зеленые плоские клумбы,

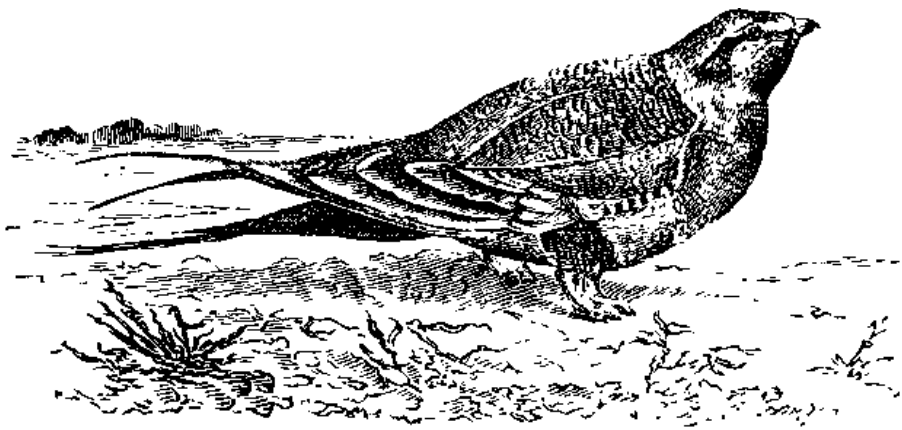
рассеянные по склонам гор, а под защитой скал поднимается и выше. Оно растет по южному склону Тарбагатая и только в массиве Коджур переходит в немногие северные ущелья. В этом безлесном хребте оно дает единственное топливо, и киргизы с летовок северного склона ездили за ним на южный.

С Коджура экспедиция спустилась на золотистую седловину и перешла на гребень побочной северной ветви Тарбагатая, отделяющуюся в Коджуре от главной; отсюда она двинулась в верховье реки Терс-айрык, которая разделяет обе ветви. Это верховье представляет широкую котловину с ровным дном и солоноватой почвой, привлекающее стада кочевников. За котловиной началось ущелье реки, на склонах которого находились китайские золотые промыслы; они представляли штольни, т. е. горизонтальные галереи, шедшие в красноватой глине с галькой, содержавшей россыпное золото. Дно ущелья также было изрыто шурфами и разрезами, но рабочих экспедиция не видела; добыча, вероятно, происходила по окончании полевых работ.

Ниже по реке встретили ключ с очень холодной водой и против него заметили на склоне пещеру, в глубине которой на палке были навешаны бараньи черепа и шерсть — жертвоприношения духам пещеры. С этой реки экспедиция вышла в обширную котловину Кызыл-чилик или Чиликты, которая отделяет Тарбагатай от расположенного севернее Саура-Манрака и представляет по окраинам сухую степь, а в средней части — луга и ключевые болота, питающие речку Канды-су. Эта речка в западном конце котловины впадает в реку Терс-айрык, которая ниже прорывается по ущелью между северной ветвью Тарбагатая и отрогами хребта Манрак. Котловина интересна тем, что ее восточная часть орошается большой речкой Чаган-обо, стекающей с ледников Саура; но немного далее вся вода этой речки исчезает, уходит в почву котловины, а затем снова появляется в виде обильных ключей, образующих реку Канды-су, которая в сущности является продолжением Чаган-обо.

Григорий Николаевич в описании путешествия перечисляет растения, характеризующие флору Тарбагатая и котловины, а также главных представителей животного мира. Среди последних интересны роды куриного семейства, в отношении которых северный склон Тарбагатая можно разделить на три пояса. В верхнем, альпийском, водится улар, или горная индейка, — крупная птица, которая летом живет не ниже 2100 метров, а зимой спускается до подножия гор, где киргизы ловили ее капканами, приманивая на солонец[18]. Они считали мясо улара самым вкусным и, поймав его, приглашали своих знакомых

разделить с ними лакомое блюдо. Средний пояс изобилует стаями киклика, или горной курочки, величиной с небольшую курицу, водящейся на скалистых склонах гор, где птица легко может прятаться от преследователей. В нижнем поясе на сухих степях характерен больдурук, или пустынник, величиной с голубя; он замечателен своим очень быстрым полетом и водится во всех пустынях Внутренней Азии; он прилетает целыми стаями издалека на водопой. Его маленькие лапки с очень короткими пальцами покрыты чешуйками и похожи на лапки четвероногого.



Больдурук

В котловине Чиликты Потанин видел много гусей, куликов; встречались также утки и чайки. Из людей путешественники встретили только шайку барантачей, т. е. разбойников, занимавшихся угоном лошадей и скота Киргизы уже ушли на летовки в горы.

Котловина, вероятно, имела большое значение в жизни кочевников Саура и Тарбагатая; в ней постоянно находились кочевья влиятельных людей, а один из проходов в Тарбагатае называется Манастын-асу. т. е. проход Манаса. Манас — герой самой популярной поэмы у казахов. По преданию, он кочевал по равнине Зайсана.

Из котловины экспедиция поднялась опять на Тарбагатай, к очень низкому перевалу Бургуссутай, удобному даже для экипажей, и повернула вдоль хребта на запад. Хребтовая дорога оказалась трудной; понизившийся в этой части Тарбагатай сильнее расчленен, горы круты и каменисты.

Через урочище Коджур путешественники вернулись к перевалу Хабар-асу и вершине Сары-чеку. На этих альпийских высотах в половине июля (ст. ст.) они уже не застали аулы,

которые спустились ниже; погода в горах становилась суровой, начались дожди, иногда с градом. Пустынные скалы Коджура оживляли только крики альпийских галок; они дрались на стойбищах, оставленных юртами, где находили пищу.

Экспедиция провела еще несколько дней в ауле торговца Биджи, наблюдая жизнь киргизов; сделали также две поездки в окрестности — одну на Тас-тау, высшую вершину этой части хребта, другую к скалам Кунег-уя на южном склоне. Эти скалы состоят из белого мрамора, красиво поросшего клумбами можжевельника. Прежде их называли Ак-тас (белый камень) и изменили название по следующему поводу.

На половине утесов, в неприступном месте, загнездились орлы. Киргизы опустили с вершины утеса на канате подойник с камнями; когда он поравнялся с гнездом, его потрясли, и грохот камней так испугал орлят, что они выскочили из гнезда и упали на дно долины, где были пойманы. Отсюда и новое название: кунег — подойник, уя — гнездо. Мраморные скалы этой местности создают грандиозные виды, ограничивая узкие и глубокие теснины.

Когда аул Биджи стал собираться к уходу с летовки, путешественники также оставили горы, спустились по крутому горному проходу к южной подошве и вернулись в станицу Урджар.

Хотя Потанин во время этого путешествия не занимался собиранием произведений фольклора, он все же записал несколько загадок, пословиц, песен и одну сказку о богатыре Ытыгиль, а также киргизские названия растений. Он напечатал их в приложении к отчету, вместе с извлеченными из архива в Омске расспросными сведениями о горах Заир и Ирень-Хабирга и о торговле Семипалатинска в конце XVIII века.

Глава VI. СЛУЖБА И ЗАНЯТИЯ В ТОМСКЕ. АРЕСТ И ТЮРЬМА (1864—1868)

Работа Г. Н. Потанина по крестьянским и инородческим делам у томского губернатора. Участие в местной газете. Преподавание естествознания в гимназии. Мечты о сибирском университете. Кружок «сепаратистов» и отношение к нему обывателей. Неожиданный арест. Пребывание в омской тюрьме. Суровый приговор. Обряд гражданской смерти

Изучением Тарбагатая экспедиция Струве в пограничные местности закончилась, и Потанин остался в Омске, где получил место младшего переводчика татарского языка при генерал-губернаторе. Но он вскоре убедился, что для публицистической и общественной деятельности, ради которой он вернулся в Сибирь, Омск мало подходящее место. В то время Омск больше походил на военный лагерь, чем на город. Значительная часть населения состояла из солдат, офицеров и чиновников. Русские деревни находились только по одну сторону города, а по другую простиралась безлюдная степь, только вдали населенная кочевниками. Торговля была ничтожная, лавки снабжали товаром только городское население. В клубе, называвшемся благородным собранием, бывали только офицеры и чиновники. Общество педагогов состояло из учителей кадетского корпуса, т. е. наполовину из офицеров. Газеты в городе, даже официальной, не издавалось,— сибирскими общественными делами омская интеллигенция почти не интересовалась.

Более подходящим местом Потанину показался Томск, который являлся торговым центром для огромного района Сибири до Иркутска; через город шли многочисленные обозы на восток с русскими товарами, на запад — с чаем, который доставлялся в Россию сухим путем через Восточную Монголию, Кяхту и Иркутск. Учебные заведения были не военные — мужская и женская гимназия и духовная семинария. Издавалась газета, редактором которой был учитель Кузнецов.

Григорий Николаевич узнал, что открывается место секретаря томского статистического комитета, которое соответствовало его (наклонностям. Он поехал в Томск и

представился губернатору Лерхе. Последний сообщил, что организация статистического комитета предположена только на будущий год, а пока предложил Григорию Николаевичу службу в губернском совете и выделил для него делопроизводство по крестьянским и «инородческим» делам. Таким образом, Григорий Николаевич сделался столоначальником, канцелярским чиновником, вместо путешественника, разъезжающего по краю с ученой целью. Он согласился считая, что это продлится не долго.

Потанин углубился в дела по освобождению крестьян, прикрепленных к алтайским заводам, и по улучшению быта «инородцев»; последнее дело тянулось уже 40 лет и достигло толщины в целый метр. Григорий Николаевич использовал его для составления статьи о географическом распределении туземных племен в Томской губернии, которую послал в Географическое общество. Он принял также участие в местной газете и привлек к этому своего друга Ядринцева, вызвав его из Омска, а также бывшего кадета Колосова, служившего у золотопромышленника в Забайкалье. Позднее все трое вызвали в Томск писателя Шашкова, временно преподававшего в Красноярске в женском училище и прочитавшего там несколько публичных лекций по истории Сибири. Лекции эти взволновали весь город, так как в них ярко были освещены нравы старого чиновничества, его произвол, взяточничество, казнокрадство и издевательство над населением. Эти лекции были повторены в Томске и имели большой успех. На последней лекции Шашков провозгласил, что сибирякам нужен свой университет, и весь переполненный зал приветствовал это заявление аплодисментами и сочувственными криками. Эту лекцию Шашков закончил цитатой из статьи Щапова о сельской общине, в которой говорилось о новгородском вече; она кончалась словами, что нам нужны такие же новые земские советы и такой же новый великий земский собор.

Пропаганда необходимости создания сибирского университета встречала много противников. Генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский боялся, что университет будет рассадником сибирского сепаратизма. В реакционной части русской литературы давались советы правительству не поощрять развитие гражданской жизни в Сибири, а идея создания в Сибири университета объявлялась вредной, мешающей сосредоточить внимание на более важных государственных вопросах. Томское чиновничество было возмущено лекциями Шашкова и пожаловалось на него губернатору, который вызвал к себе лектора. Но он не мог их запретить, так как Шашков показал, что он читает лекции по тексту своих напечатанных статей, согласно

правилам того времени.

В ту же зиму освободилось место преподавателя естественной истории в мужской и женской гимназиях, и общий директор обеих предложил Григорию Николаевичу преподавать этот предмет до лета. Это занятие очень увлекло Потанина. Он тщательно готовился к урокам и сделал их очень интересными. Но томские обыватели, очень мало читавшие, были напуганы проникавшими из столиц слухами о новых идеях, о нигилистах, готовых ниспровергнуть установленный «порядок». Всякий появлявшийся в городе новый человек, не похожий на обыкновенного обывателя, вызывал подозрения. Григорий Николаевич, приехавший из столицы, также был взят на подозрение как нигилист. Как ему передавали, одна домовладелица, мимо дома которой он проходил, при виде его всегда испытывала тревожное чувство и говорила: «Вот этот человек подожжет мой дом».

Григорий Николаевич Потанин благодаря своей прямоте и активности вскоре занял видное положение в кружке молодежи Томска, членов которого объединяли идеи так называемого «сибирского патриотизма», позднее ставшего называться,— впрочем, как мы увидим ниже, совершенно ошибочно — даже «сибирским сепаратизмом». Прогрессивная роль всего движения «сибирского патриотизма» заключалась в том, что это движение, провозгласив своим лозунгом мобилизацию сил сибирской интеллигенции на борьбу за культурный и экономический подъем Сибири, уже по одному этому объективно сделалось центром объединения и сплочения всех элементов, недовольных колониальной политикой русского царизма в Сибири. А тем самым оно, естественно, постепенно подводило наиболее решительную часть своих учеников к позициям тогда только складывавшегося революционного народничества 60—70-х годов. Царское правительство быстро учуяло эту невидимую на поверхности революционную струю в движении «сибирского патриотизма» и, конечно, отнюдь не без основания, объявило «крамольными» казавшиеся невинными идеи этого движения.

Члены потанинского кружка молодежи, объединенные идеями «сибирского патриотизма», при случае открыто и с естественным молодым задором высказывали свои «крамольные» идеи. Ведь считалось «крамольным» употреблять в разговоре, а тем более в печати, выражения «наша Сибирь», «мы сибиряки», т. е. выделять себя из общего отечества. Нельзя было любить Сибирь, можно было любить всю Россию. А кружок мечтал об основании журнала, который преследовал бы специальную цель развивать любовь к Сибири. Однако практическая деятельность в

этом направлении была почти невозможна, и члены кружка ограничились тем, что организовали сбор денег в помощь студентам-сибирякам, учившимся в Петербурге и Москве. Но и тут встретилось затруднение: из столицы от студентов поступил запрос, выдавать ли деньги всем сибирякам или только «сепаратистам». Под последними подразумевались те, которые брали на себя обязательство по окончании учения возвращаться в Сибирь и служить на родине. Так как жизнь в Европейской России была привлекательнее, среда образованнее и многие учащиеся сибиряки не хотели брать на себя такое обязательство, сибирская колония в столицах соответственно разделилась на два лагеря, из которых один стал называться лагерем «сепаратистов».

История этого словечка такова: монархист и реакционер Катков[19] в «Московских ведомостях» в то время печатал ряд статей, в которых обвинял окраины в «сепаратизме», т. е. в стремлении отделиться от России. Он обвинял в сепаратизме Украину, открыл его в Донском войске. Сибиряки, не желавшие возвращаться в Сибирь, подхватили словечко «сепаратизм» и стали называть «сепаратистами» тех, кто хотел вернуться в Сибирь. Представители движения «сибирского патриотизма», в том числе и члены потанинского кружка молодежи, не разобравшись в провокационном характере катковского словечка «сепаратисты», с некоторым задором сами стали называть себя «сепаратистами», хотя даже и наиболее революционные элементы этого движения никогда и в мыслях не имели отделения Сибири от России.

Волна общественного пробуждения 60-х годов докатилась уже до Томска. Образовались кружки, в которых рассуждали о политике, читали литературные новинки, иногда подпольные листки, между прочим доставленную из Лондона прокламацию Герцена «К молодому поколению», вызывавшую восторг у томской молодежи. Все это, конечно, было известно жандармам. Особенное подозрение возбуждал кружок «сепаратистов» Потанина. И вот однажды, когда члены этого кружка отправились на загородную заимку одного из них, на речке Киргизке, и бродили по тайге, к ним явился полицейский и объявил, что все они арестованы.

Пришлось вернуться в Томск. Потанина объявили под домашним арестом, к дверям его квартиры поставили жандарма; потом к нему явился жандармский полковник, произвел обыск, в результате которого забрал десятка два писем.

Вскоре арестованных Потанина, Ядринцева и Колосова увезли в Омск и посадили в разные камеры городского острога. Это было в 1865 г. В следственной комиссии Григория Николаевича

допрашивали о всех лицах, упомянутых в письмах его друзей к нему и в его письмах к ним. Он догадался, что и у них были сделаны обыски. Спрашивали, чем каждое лицо занимается, с какой целью завелось знакомство, были ли беседы о недостатках государственного режима. В руках комиссии оказалась и статья Потанина, напечатанная в «Военном сборнике», в которой он описал, как казаки ходят в киргизскую степь на пикетную службу. Его спросили, не имел ли он намерения поселить в казаках неудовольствие правительством, изображая их условия жизни в непривлекательном свете. Выяснилось, что все дело возникло в связи с маленькой прокламацией, в которой правительство обвинялось в угнетении Сибири и народ призывался к восстанию. Эту прокламацию случайно нашли в корпусе у одного кадета, который получил ее от другого кадета, брата офицера, друга Потанина. Кадет нашел ее в столе своего брата, заинтересовался ею и принес в корпус, где она пошла по рукам. Обыск у офицера, взятие писем Потанина, Ядринцева и других вызвали громкое дело о сибирских «сепаратистах», к которому привлекли также Щапова, Шашкова, Щукина из Иркутска и других лиц из Москвы и Уральска.

Происхождение этой прокламации и другой, более пространной и резкой, найденной у Щукина, комиссии не удалось раскрыть, но на основании писем она выяснила всю деятельность друзей Потанина в Петербурге и в Сибири, их намерения изучать интересы Сибири и отстаивать ее нужды, их разговоры о возможном отделении Сибири от России в далеком будущем. Убедившись в этом во время следствия, Григорий Николаевич написал признание, в котором заявил, что главным агитатором в кружке был он, что при случае он говорил о возможном отделении Сибири, но только с целью поразить этими словами равнодушное сибирское общество и заставить его задуматься над вопросом о причинах, препятствующих культурному и экономическому развитию Сибири.

Следствие длилось полгода; по окончании его всех обвиняемых перевели в тюремный замок и поместили в общей камере. Днем все камеры открывались, и заключенные в тюрьме могли общаться друг с другом. Потанин воспользовался этим, чтобы ближе познакомиться с тюремными жителями, среди которых были и сибирские крестьяне, и бродяги из ссыльнопоселенцев, и киргизы — мулла, организатор грабежа и убийства, сказочник и барантач, т. е. конокрад, вместе с тем хороший певец. Григория Николаевича интересовали споры «чалдонов», т. е. сибирских крестьян, с бродягами, мировоззрение тех и других, киргизские сказки и песни; записывать последние

помогал ему мулла. Ядринцев завел много знакомств в разных камерах и собрал много материала для книги «Русская община в тюрьме и в ссылке», которую он написал позже.

Пребывание в омской тюрьме продолжалось целых три года, пока был получен судебный приговор из московского отделения Сената.

Потанин как главный «злоумышленник» был сначала приговорен на 15 лет каторги, но потом суд нашел смягчающие обстоятельства и сократил наказание до пяти лет. Остальные были присуждены к ссылке с лишением прав, и только один оправдан. Каторжные работы предстояло отбывать на Нерчинских заводах, а ссылку — в Сибири. Но так как преступники были осуждены за. пропаганду сепаратистских идей, то генерал-губернатор, отсылая следственное дело в Петербург, просил выдворить всех «сепаратистов» из Сибири. Поэтому начальство приказало отправить Потанина в крепость Свеаборг в Финляндии, где находилась арестантская рота военного ведомства с каторжным отделением, а пять его друзей — в ссылку в Архангельскую и Олонецкую губернии.

Обряд предания гражданской смерти был совершен над Потаниным рано утром. Потанина подняли в четыре часа утра и доставили в полицейское управление. Здесь его посадили на высокую колесницу, повесили на грудь доску с надписью и повезли к эшафоту, устроенному на берегу реки Оми, у входа на базарную площадь. Григория Николаевича ввели на эшафот; палач привязал его руки к столбу, чиновник прочитал приговор. Зрителей было не много. Продержав у столба несколько минут, Потанина отвязали и на колеснице отвезли в полицейское управление, где были собраны и его друзья, чтобы выслушать приговор.

Вечером того же дня Григорий Николаевич был отправлен в Свеаборг под конвоем жандармов, а его друзья пошли в ссылку по этапу. Этот день они провели вместе Перед сумерками Григория Николаевича вызвали в кордегардию, где в комнате караульного офицера кузнец заклепал кандалы на его ногах. Сына этого кузнеца Потанин, живя в Омске, обучал грамоте, и кузнец был смущен, увидев преступника. Потом пришел чиновник с листом бумаги и начал описывать приметы Потанина: «глаза карие, волосы русые, нос обыкновенный». В качестве особой приметы чиновник с радостью записал «на носу шрам», и Григорий Николаевич почувствовал, что чиновник считает его мошенником.

У ворот тюремного замка уже стояла повозка, запряженная тройкой лошадей.

Глава VII. НА КАТОРГЕ И В ССЫЛКЕ (1868—1874)

В каторжном отделении свеаборгской тюрьмы. Условия жизни и работы. Майор Ясинский. Переход на положение ссыльного. В тюрьмах Петербурга и Москвы. Путь по этапу в Никольск. Жизнь в кухонке у городового. Писатель крестьянских прошений. Перевод в Тотьму. Возвращение в Никольск. Ссыльный Лаврский и его сестра. Женитьба. Освобождение

Проезд из Томска в Свеаборг занял 17 дней. До Нижнего Новгорода ехали на почтовых лошадях. Два жандарма, сопровождавшие Потанина, всегда требовали на станциях отдельную комнату для ночевки совместно с арестованным, во избежание встреч с посторонними лицами. От Нижнего до Петербурга ехали по железной дороге; жандармы выбирали уголок в конце вагона и не позволяли остальным пассажирам разговаривать с арестантом.

В Свеаборге Потанин оказался единственным каторжником, так как незадолго до его приезда были уничтожены каторжные отделения при военно-арестантских ротах в Европейской России и вместо них учреждены военно-каторжные роты в Сибири, в Тобольске и Усть-Каменогорске. Поэтому тюремное начальство полагало, что Потанин находится в Свеаборге временно, и поместило его в общую камеру с военными арестантами. В этой камере сидело до 20 человек; вдоль боковых стен шли нары, совершенно голые, только подле стен лежали свернутые матрасы, которые арестанты должны были приобретать на свой счет. В одном углу стоял отдельный топчан: его отдали новому постояльцу.

В камере сидели солдаты, осужденные за преступления против военной дисциплины — пьянство, прогул, мелкое воровство, оскорбление начальства; двое из них были убийцы, попавшие в арестантские роты только потому, что на суде назвались чужими именами[20]. Камера была замечательна по своему составу: в нее помещали только людей спокойных, трезвых и любящих порядок. Они приняли Григория Николаевича очень участливо, научили его снимать на ночь верхнее платье, поверх которого были надеты кандалы.

На следующий день Григория Николаевича переодели в арестантское платье — серую куртку и серые панталоны; из нижнего белья дали только рубашку; холщевая подкладка панталон заменяла кальсоны. Серая шапка и сапоги с очень короткими голенищами дополняли все обмундирование. Переменили его кандалы: омские были тяжелые, короткая цепь не позволяла делать полный шаг; вместо них дали легкие из проволоки и с длинной цепью, которую можно было подтянуть и подвесить на ременном поясе так, что она не стесняла при ходьбе.

Обед в тюрьме состоял из одного мясного супа с крупой, который арестанты называли кашицей; два раза в неделю давалась крутая гречневая каша. Мяса на каждого арестанта полагалось по 1/11 фунта (37 г), но повара-арестанты съедали больше своей доли, а кроме того из арестантского котла ели и унтер-офицеры; поэтому остальным доставалось мало, и, чтобы они не ссорились из-за кусков, повара, вынув мясо из котла, расщепляли его на тонкие волокна. Суп приносили в камеру в деревянных баках на 5—6 человек. Арестанты черпали его ложками и наполняли им свои посудины самого разнообразного типа — фарфоровые миски, эмалированные кастрюли, деревянные чашки, цветочные горшки с дыркой, заткнутой тряпкой, формы для сырной пасхи, ведерки с дужкой. Все следили друг за другом, чтобы ложки не погружались до дна и не захватывали мяса, которое делили, когда суп был вычерпан. Григорию Николаевичу в первый раз кушанье показалось вроде пойла для свиней, оно походило на помои. Он съел только несколько ложек. Но позднее он постепенно привык к этой пище и полностью съедал свою порцию.

В этой камере Потанин просидел три года. В нее иногда переводили из других камер арестантов, творивших безобразия и не поддававшихся мерам усмирения. В этой камере они встречали такой отпор, что в конце концов привыкали к порядку. Арестанты выполняли черную работу на строительстве, которое велось в крепости, и обслуживали крепостные огороды. Григорий Николаевич вместе с остальными бил щебенку, запрягался в таратайку вместо лошади, поливал капусту. Один раз он попал даже в отряд «собачников», которому было поручено истребить в крепости бродячих собак; дело, однако, ограничилось тем, что он только прогулялся по крепости с палкой в руках.

Начальник арестантской роты майор Ясинский относился к Потанину сочувственно; при переводе его из разряда испытуемых в разряд исправляющихся он представил его к сокращению срока каторги, а затем сам принес ему номер газеты с царским манифестом 1871 г. и предложил поискать, не подойдет ли

Потанин под какой-нибудь пункт.[21] Такой пункт нашелся, и Григорий Николаевич, по предложению майора, сам составил ходатайство от имени ротного начальства. Ходатайство было отправлено, ответ был благоприятный, и Потанин вместо пяти лет просидел в Свеаборге только три года. Начальник тюрьмы и Ясинский поздравили его с освобождением.

Даже комендант крепости, генерал Алопеус, пожелал познакомиться с ним, поздравил его с освобождением, а затем прочел наставление, увещая уважать установленные порядки. Во время речи он искусно лавировал между местоимениями «ты» и «вы».

Григорию Николаевичу выдали штатское платье и позволили выходить из тюрьмы без конвоя в ожидании отправки этапом в Петербург. Он воспользовался этим, чтобы отправиться на берег моря, которого никогда не видел. Ясинский выразил свое внимание еще тем, что велел фельдфебелю купить Потанину новый костюм вместо поношенного и рассказал ему о порядках в той казарме столицы, куда он должен был явиться с этапом. Эти порядки позволяли свободно отлучаться в город после вечерней и утренней переклички. Ясинский также посоветовал Григорию Николаевичу написать письмо в редакцию «Русского слова» с сообщением о своем предстоящем приезде, чтобы друзья могли встретить его на Финляндском вокзале. Он поручил фельдфебелю проводить из тюрьмы этап пересыльных до города Свеаборга и там положить коменданту, что в составе этапа Потанин отправлен в Петербург.

В Гельсингфорсе солдат отправили на гауптвахту, а Потанина отвели в канцелярию коменданта, где его оставили на ночлег; здесь ему устроили постель на одном из письменных столов: принесли матрац, подушку, простыни и одеяло. После многих ночей на арестантских нарах улечься на постель с чистыми простынями было очень приятно. Комендант прислал чай и хлеб, а его плац-адъютант, пришедший навестить Григория Николаевича, долго беседовал с ним; оказалось, что он раньше служил в Омске и слышал о процессе «сепаратистов». На следующее утро он пришел на вокзал и устроил этапу удобное помещение в вагоне.

В Петербурге Григория Николаевича встретили сибирский поэт Омулевский и писатель Засодимский. Он провел с ними и их знакомыми несколько дней, являясь в казарму, куда людей, высылаемых по этапу из столицы, собирали только на вечернюю и утреннюю переклички. Потом его перевели в пересыльную тюрьму, откуда каждый раз с этапом отправлялась партия в 200—300 человек высылаемых беспаспортных лиц без определенных

занятий, подозреваемых и т. п. С такой толпой, окруженной конвоем, шел Потанин в наручниках[22] из тюрьмы на Николаевский вокзал. Все были скованы по рукам попарно, а каждые три пары были соединены проволокой в связку по шести человек. Железо звенело, шествие этапа будоражило улицы, по которым он проходил. На вокзале всех посадили в арестантские вагоны.

В Москве этап поместили в пересыльной тюрьме, перестроенной из манежа, в огромной зале. Здесь происходила проверка партии: арестантов вводили по одному в комнату, где чиновники проверяли показания и приметы по статейному списку. Они обращались с арестантами, как с домашним скотом. Один из них стал требовать от Потанина, чтобы он снял штатский костюм и переоделся в арестантское платье с тузом на спине; чиновник утверждал, что, по законам Российской империи, высылаемый на поселение должен до места итти в зипуне с тузом. Потанину с трудом удалось убедить его отказаться от этого требования.

Местом ссылки Григория Николаевича был назначен г. Никольск Вологодской губернии, и его отправили из Москвы по железной дороге в Ярославль. Была глубокая осень — ноябрь, Григорий Николаевич был одет только в пиджак, купленный в Свеаборге, и по совету спутников стал просить при приемке в Ярославле выдать ему теплое верхнее платье. Ему пришлось долго уговаривать чиновника, так как по закону арестант, одетый в свое платье, пригодное для носки, не имеет права требовать казенное платье. К счастью, вспоминает Григорий Николаевич, русские чиновники иногда добрее закона, и ему выдали полушубок ввиду того, что он отправлялся на север.

Из Ярославля этапу пришлось итти пешком, так как железная дорога в Вологду только строилась. Первый переход в 25 километров был самый мучительный. Дорога состояла из заполненных водой глубоких колей, гребни которых Обледенели. Итти по дну колеи значило брести по холодной воде, а с гребней нога скользила. Григорий Николаевич терял равновесие и увлекал за собой всю шестерку, с которой был соединен наручнями. Это вызывало неудовольствие и брань. Удобнее было бы итти по бокам дороги, но это было запрещено правилами: этап должен итти по середине дороги, а встречные должны сворачивать перед ним с пути. Под конец перехода Потанин так устал, что едва передвигал ноги, и спутники тащили его на буксире, не стесняясь в брани.

Ночевали в трех крестьянских избах, занимая весь пол; половина легла головами к одной стене, другая половина — к

противоположной. Не хватало места, чтобы вытянуться, приходилось лежать скорчившись. А после тяжелого перехода нестерпимо хотелось вытянуть ноги, и боль в мускулах долго не давала уснуть.

Следующие переходы были легче, а численность этапа постепенно уменьшалась. Из Вологды в Тотьму шло уже менее десяти человек. Тюрьма в Тотьме поразила Григория Николаевича своими порядками; она походила на семейный дом: заключенные бегали на двор за дровами, топили печи, готовили завтрак. Смотритель был довольно добродушен; в валенках, обмотанный цветным шарфом, он совсем не походил на чиновника. Стражи не было видно.

Из Готьмы в Никольск этап состоял всего из трех человек при трех конвойных. Дорога шла по сплошным хвойным лесам; Только неподалеку от деревень она проходила мимо пашен. Эти «прогалины», как их называли, были занесены глубоким снегом, итти по ним под жестоким ветром было трудно, мороз пронизывал, несмотря на полушубок; зато в лесу дорога была ровная, без сугробов, и ветер не чувствовался.

Конвой надевал наручни на арестантов только для выхода из деревень, а затем снимал их; арестанты по очереди несли наручни до следующей деревни, перед которой опять надевали их. Если навстречу попадался возок, в котором можно было предполагать какое-нибудь начальство, наручни одевали, а после встречи снимали их. В общем путь от Тотьмы до Никольска Григорий Николаевич вспоминал как приятный моцион!

Деревни на этом пути поразили Потанина стилем построек и бытовыми условиями. Все избы двухэтажные, верхний этаж представлял жилое помещение, амбары, клети и сеновалы, нижний — помещение для скота. В жилом помещении окна были крошечные, в четверть высоты и три четверти длины; избы были просторные, но довольно грязные, мыли их только к пасхе и рождеству. Стульев, кроватей, подушек не было; на ночь приносили охапку соломы и спали вповалку на полу. Освещались избы лучиной. Женщины ходили в избах в одной сорочке из холста, окрашенного в синий цвет, подпоясанные кушачком.

Никольск, место ссылки Григория Николаевича, не имел в то время и двух тысяч жителей; все здания в нем кроме двух церквей и нескольких казенных каменных домов были деревянные. Главный вывозной товар из уезда был хлеб, и Никольские купцы сплавляли его весной в барках по Югу и Двине в Архангельск.

Первую ночь в городе Потанин провел в каталажке при полицейском управлении, а на другой день его вызвали в канцелярию исправника. Последний оказался доброжелательным

человеком, встретил его приветливо и сейчас же спросил, на какие средства новый ссыльный будет жить. Когда Григорий Николаевич сообщил, что у него ни имения, ни родных нет и что он жил литературным трудом, исправник пожалел, что министерство запрещает ему давать ссыльным занятия в его канцелярии, в которой писаря безграмотны, и обещал придумать что-нибудь со временем. А пока он направил его на квартиру к городовому Демиденкову, у которого была свободная «кухонка».

Жена городового сначала вспылила и начала ругать исправника за распоряжение чужим добром и мужа за то, что он исполняет распоряжения исправника, но потом успокоилась, поставила самовар и пригласила навязанного ей жильца пить чай. Отведенная ему кухонка представляла маленькую комнатку с одним окном, кроватью, столом и русской печкой, главная часть которой выходила в другую комнату; сидя на кровати, можно было протянуть ноги до шестка печи. В этой кухонке Григорий Николаевич прожил два года и вспоминал Демиденкову с благодарностью. Она сразу же осведомилась, есть ли у него деньги, и, узнав, что он принес только 18 рублей, заявила, что на эти деньги можно прожить два месяца, если выполнять ее советы. Она велела ему купить трески самого низкого сорта, гороховой муки, два горшка и сковороду; по «божеской» цене она продала ему ведро картофеля и ведро луку, дала ухват и клюку. Чай условились пить сообща.

Жизнь Григория Николаевича сложилась теперь так: он вставал рано, затапливал печь и шел в соседнюю комнату, где жили Демиденковы, пить чай. Одну неделю заваривали его чай, другую — хозяйский. У каждого была своя сахарница. Хлеб хозяйка отпускала за плату. После чаю Григорий Николаевич варил обед: в большом горшке уху из трески с картофелем и луком, в маленьком — гороховый кисель; по воскресеньям он жарил треску на сковороде.

Потанин принес в Никольск выписки из томских архивов и принялся за работу для Географического общества — составлял обзор распространения тюркских и финских племен в Томской губернии в XVIII и в начале XIX вв.

В другой комнате у городового жил ссыльный поляк Варылкевич, хорошо знавший польскую историю и литературу. Познакомившись с Потаниным, он задумал использовать соседство и начал записывать рассказы Григория Николаевича о Сибири, касающиеся истории ее завоевания, развития промышленности, особенностей ее управления, чтобы написать о ней для Польши популярную книжку. Григорий Николаевич иногда ходил со своими хозяевами в гости к лесному объездчику,

который угощал чаем, а иногда и хорошей баней. У хозяев, объездчика, а потом у крестьян соседних деревень Григорий Николаевич записывал все, что находил интересного в их рассказах о местном быте, поговорки, заклинания и т. д.

К рождеству Демиденкова велела Григорию Николаевичу купить на базаре теленка, тушу которого ему пришлось тащить на своих плечах, идя по снегу в летних сапогах, так как валенок он не имел.

По ее же совету он раньше купил тик, из которого она сделала ему сенник и. подушку, набитую сеном. Но на простыни и одеяло денег не было, и он укрывался своим полушубком.

Так прошли два месяца. Деньги у Потанина кончались, и ему угрожал голод. Казенное пособие получали только сосланные без лишения прав, а Потанин, сосланный на поселение с лишением прав, должен был сам добывать себе пропитание. Выбор занятий для ссыльных был ограничен; им запрещалось давать уроки, выходить из города. Пришлось итти к исправнику и объяснить свое положение. Он посоветовал обойти местных хлеботорговцев, которым мог понадобиться грамотный приказчик. Но торговцы встретили ссыльного очень сухо, даже не пожелали разговаривать с ним. Тогда исправник обещал поговорить с местным лесничим. Это помогло. Вскоре объездчик принес Григорию Николаевичу от лесничего черновые бумаги для переписки. Лесничий остался доволен работой Потанина, и он через объездчика начал заваливать его перепиской, так что приходилось заниматься ею целый день, получая то три рубля в месяц, то пять.

Потом нашлась и более выгодная работа. Лесничий предложил Потанину писать крестьянам прошения об утверждении за ними «починок», т. е. очищенной из-под государственного леса земли, на которой образовались выселки; жители их числились в прежних деревнях, там вносили подати и отбывали повинности. Некоторые починки насчитывали уже полвека жизни и превратились в небольшие деревни. Деревенские грамотеи писали эти прошения так бестолково и безграмотно, что лесничий стеснялся отсылать их в департамент. Он сказал Григорию Николаевичу, что если он будет брать за каждое прошение по рублю, то это не будет обидно для крестьян, а если он ограничится полтинником, это будет совсем «по-божески», так как деревенские писцы берут по восемь рублей.

Потанин назначил за прошение по полтиннику. Лесничий направлял к нему всех крестьян, приходивших с прошениями. Вскоре об этом узнал весь уезд, и крестьяне начали приходить к Григорию Николаевичу целыми группами.

Демиденкова ставила самовар. Потанин угощал гостей и

расспрашивал их о всех обстоятельствах и поводах образования починка и об условиях жизни; таким образом, кроме материала для прошения он собирал много данных по сельской экономике и этнографии. Эти данные о крестьянах Никольского уезда потом использовал Ламанский, председатель этнографического отдела Географического общества, в одном из изданий последнего.

Выгодное и интересное занятие, значительно улучшившее обстановку жизни Потанина, перед летом неожиданно прервалось. Губернское начальство вдруг вздумало ради экономии соединить всех ссыльных, разбросанных по разным городам губернии, в один-два города, поляков собрать в Устюг, а русских в Тотьму. Григорию Николаевичу пришлось оставить дом Демиденковых и прогуляться пешком в Тотьму, где перед ним снова встал вопрос о заработке.

Местный исправник даже не принял его, передав, что ничем помочь ему не может. Григорий Николаевич прожил накопленные в Никольске деньги, а затем задолжал другому ссыльному. Но в конце лета начальство спохватилось, что в Тотьме только что открылась учительская семинария и что политические ссыльные могут «развратить» учащихся. Ссыльных поспешно выслали из Тотьмы, Григория Николаевича и несколько других направили в Никольск.

Потанин опять поселился у Демиденковых и сделал визит лесничему, чтобы возобновить свою работу для крестьян. От лесничего он узнал, что в Никольск летом прибыл еще один ссыльный, студент Казанского университета Лаврский, который очень тоскует в одиночестве. Григорий Николаевич поспешил познакомиться с ним.

Потанин очутился после ряда лет опять в культурном обществе. Лаврский в Казани был главным редактором либеральной «Камско-Волжской газеты» и инициатором устройства дешевой столовой для студентов, которая выписывала несколько политических газет и сделалась центром общения студентов. Он предполагал, что выслан из Казани за эту именно общественную деятельность, так как других провинностей за собой не знал; ему не было объявлено, за что его ссылают, а департамент полиции на его вопросы о причинах ссылки ничего не отвечал.

Второй год жизни в Никольске прошел для Григория Николаевича гораздо интереснее; он подружился с Лаврским и другим ссыльным, Лутохиным, студентом технологического института, с которым познакомился уже в Тотьме. Они корреспондировали в «Камско-Волжскую газету», привлекли к этому делу и Ядринцева, отбывшего ссылку в Шенкурске.

К Лаврскому приехали на время его мать и сестра Александра Викторовна, которая служила классной дамой в нижегородском епархиальном училище. Потанин познакомился с приехавшими. Молодые люди понравились друг другу. Александра Викторовна была в восторге от природы Никольска. После ее отъезда у Григория Николаевича началась с нею переписка. Потанин задумал вести метеорологические наблюдения, получил для этого из Петербурга инструменты. Но у него не было часов, и он просил Лаврскую выслать их. Деловая переписка перешла в интимную; Лаврская согласилась стать женой Потанина. Она приехала в Никольск, они повенчались и остались жить у Демиденковых.

Метеорологические наблюдения, требовавшие большой аккуратности, приучили Потанина к ведению дневника, к размеренной жизни, к описанию явлений природы. Все это очень пригодилось ему в дальнейшем при путешествиях по Внутренней Азии.

Лаврский в это время был уже переведен по состоянию здоровья в Самару, а молодая чета жила в Никольске одна в течение третьей зимы ссылки. Но весной следующего 1874 г. вышел манифест, по которому Григорий Николаевич получал право выезда из места ссылки во все города, кроме столиц. Он простился с Никольском и поехал с женой в Нижний-Новгород, где жила ее мать.

Здесь он вскоре получил известие, что по просьбе П. П. Семенова, помнившего об изгнаннике, шеф жандармов возбудил ходатайство о полном помиловании Потанина. Последнее было дано, и Григорий Николаевич поехал в Петербург и явился к П. П. Семенову, который заявил ему, что первая же экспедиция в Центральную Азию остается за ним и он может рассчитывать на нее. В это время Пржевальский только что вернулся из своей первой экспедиции, результаты которой возбудили большое внимание и интерес к изучению сопредельных стран Азии.

Но Потанин попросил отсрочить начало экспедиции в Монголию, которую он наметил для начала, чтобы подготовиться к ней изучением литературы и методов собирания геологических коллекций.

Чтобы поддержать Потанина материально на время, оставшееся до экспедиции, П. П. Семенов передал ему платную работу по составлению дополнений к известному сочинению «Азия» Карла Риттера в русском переводе; эту работу он сам начал для Географического общества. Работой над «Азией», связанной с изучением всей новой литературы по Монголии и пограничной с ней Южной Сибири, Григорий Николаевич занимался по вечерам, а днем он ходил в геологический кабинет

университета, к профессору Иностранцеву, учился приготовлять шлифы горных пород, т. е. тонкие разрезы их для исследования под микроскопом. В этих занятиях прошла зима, а летом он поехал с Иностранцевым в Крым для геологических исследований условий водоснабжения царских имений Ливадии и Ореанды. Таким образом, сибирский сепаратист, бывший каторжанин и ссыльный, по иронии судьбы должен был способствовать благоустройству царских владений.

Глава VIII. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОНГОЛИИ (1876—1877)

Состав экспедиции. Долина Черного Иртыша. Предгорья Алтая. Монастырь Цаган-гэгэна. Монгольское обо. Сеноставки. Озеро Даин-гол. Плоскогорье. Ночная буря. Зимовка в г. Кобдо. Китайские жилища. Праздник Эрли-хана. Долина Дзерге. Переход через Алтай. Джунгар- ская Гоби. Оазис Хами. Второй переход через Гоби. Цепи Алтая. Улясутай. Высокий курорт. Нагорье Хангай. Озеро Косогол. Путь в Улангом. Склады полевок. Долина реки Тес. Конокрады. Озеро Убса и монастырь Улангом. Путь в Кобдо и Кош-агач. Фазаны и сеноставки

Второе путешествие Потанина имело задачей изучение природы и населения северо-западной Монголии, известной в то время еще очень мало, несмотря на то, что эта страна примыкает к южной Сибири и легко доступна. Путешествие началось в г. Зайсане, расположенном у подножия хребта Саур к востоку от озера Зайсан-нор, знакомого Потанину по первому путешествию. В июле 1876 г. здесь собрались все члены экспедиции: Потанин с женой, которая решилась сопровождать его и помогать в работе, топограф Рафаилов, кандидат университета Позднеев, знавший монгольский язык и имевший задачей изучение быта и обычаев монголов, охотник студент Березовский и чучельщик Коломийцев. При топографе, для помощи в съемках, ехали два казака. Экспедиция имела палатки и все походное снаряжение, верховых лошадей для людей и верблюдов для багажа.

Путешественники выехали из г. Зайсана 20 июля и первые 10 дней шли на восток по широкой долине Черного Иртыша, которая была ограничена с севера цепью Монгольского Алтая, а с юга — хребтом Саур. Долина имела неравную поверхность: ее бороздили кряжи низких скалистых гор и холмов, а в промежутках между ними тянулись долины, котловины с солончаками, степями и сыпучими песками. Берега Иртыша были окаймлены рощами деревьев и кустов, большими зарослями тростника; луговины, кусты, заросли окаймляли и речки, стекавшие к Иртышу с Саура и с Алтая. На юге, над лесистым склоном Саура, расчлененным глубокими поперечными долинами, высились плоские пики Мустау, высшей цепи, покрытые снегом и ледниками; на севере,

над еще более лесистым и расчлененным южным склоном Алтая, также белели вечноснеговые вершины.

В пределы Монголии экспедиция вступила на четвертом переходе от Зайсана. На всем этом пути по долине большую неприятность доставляли комары, которые плодятся в огромном количестве в зарослях тростника по Черному Иртышу и заставляют кочевников-киргизов уходить на все теплое время в горы и возвращаться в долину только на зимовку. На первом же ночлеге на путешественников вечером напали комары в таком количестве, что в воздухе от них стоял шум, напоминавший кипение самовара; на свечу они наседали так, что гасили ее, а вокруг подсвечника образовались целые валики из обожженных комаров. Люди почти всю ночь не могли заснуть.

Днем степь оживляли вспархивавшие с треском крупные черно- и краснокрылые кузнечики, шнырявшие ящерицы и жаворонки, наполнявшие ее своим пением. Потанин отменил, что птицы, ящерицы и кузнечики принимают окраску однообразного серо-желтого цвета почвы, что делает их незаметными и защищает от врагов.

Из долины экспедиция вышла 30 июля к большому озеру Улюнгур; берега его были покрыты зарослями тростника; на воде видна была масса птицы — стаи уток, куликов, бакланов, даже лебедей и пеликанов. На берегах птичий помет лежал, как в курятнике. Здесь путешественники увидали также светящихся ночью комаров, которые летали довольно высоко, мелькая в темноте, как искры; они были более эффектны, чем известный у нас иванов-червячок, который светится в кустах.

Обогнув озеро с юга, экспедиция миновала селение Булунтохой, окруженное пашнями китайцев и монголов-торгоутов. Селение было окружено глинобитной стеной и рвом, наполненным водой; улицы кривые, с ямами, из которых добывали глину для фанз; в ямы сваливали мусор и падаль. Бичом также и этой местности были комары. Охотник Коломийцев пошел пострелять птиц, но вернулся, измученный комарами.

За селением переправились на двух связанных вместе долбленых лодках через большую реку Урунгу, впадающую в озеро, а затем и через Черный Иртыш, который протекает севернее озера. У этой переправы пришлось простоять несколько дней, так как во время ночной бури убежали все верблюды, которых нашли после долгих поисков в сорока километрах ниже по реке.

За Иртышом экспедиция направилась в глубь Монгольского Алтая. Его южные предгорья безлесны и населены китайцами,

снимавшими в это время жатву и собиравшими сок маковых головок для изготовления опиума. Курение опиума проникло и на эту далекую окраину Китая.

В долине реки Кран, впадающей в Иртыш, находился буддийский монастырь Шара-сумэ, в котором путешественники надеялись нанять проводника по Алтаю. Монастырь состоял из полусотни низких глинобитных фанз, в которых жили ламы — буддийские монахи; фанзы окружали с трех сторон площадь, четвертую сторону которой составляли четыре кумирни, т. е. храмы; посреди площади возвышалось большое здание, похожее на замок; нижний этаж был без окон, а окна верхнего этажа походили на бойницы.

Путешественники пошли со своей стоянки большой компанией в монастырь, но их не пустили в главное здание, а отвели им одну из фанз. Вскоре туда явились два чиновника, один с молочно-белым шариком на шляпе, другой со стеклянным.[23] Они заявили, что гэгэн[24] (настоятель монастыря) вечером не принимает, и предложили путешественникам пока вернуться на стан и притти завтра, обещая надлежащий прием и проводника. Пришлось вернуться.

На другой день около полудня Потанин, Позднеев, Рафаилов и казак Михаленков поехали опять в монастырь и направились к китайскому амбаню (губернатору Тарбагатайской провинции). Но его не оказалось дома; он уехал на пашни; не появились и вчерашние чиновники: монастырь казался вымершим. Очевидно, все попрятались от незванных гостей. Последние подошли к главному замку, в котором жил гэгэн, но у входа их остановила толпа и отказалась пропустить внутрь и доложить гэгэну.

Ничего не добившись, путешественники сели на лошадей и поехали к кумирням, чтобы посмотреть их архитектуру; но около одной из них их окружила толпа лам и стала бросать в них комья глины и тыквы. Путешественники хотели ускакать, но Позднеева и казака толпа стащила с лошадей и избила; затем догнали Потанина и Рафаилова, обезоружили их и всех досадили под арест в фанзу, в келье одного ламы. Вечером арестованным предложили, чтобы один из них пошел в стан за паспортами, а остальные оставались заложниками. Ламе поручили кормить пленных передав ему тушу заколотого для этой цели барана.

На следующий день привезли паспорта, которые рассмотрели сначала в ямыне (китайском присутственном месте); потом пригласили туда пленных на суд. Их обвинили в том, что они заехали в мирный монастырь с оружием, подъехали к кумирне на лошадях, вопреки закону, и затеяли драку. Но, выслушав их объяснения, китайский чиновник отпустил путешественников,

отказав им, однако, в проводнике, поскольку они хотели ехать в Кобдо не по пикетной дороге, т. е. не по тракту со станциями.

Потанин полагал, что недружелюбный прием в монастыре Цаган-тэгэна (белого гэгэна) был обусловлен тем, что последний одно время был главой шайки партизан, которые мстили дунганам,[25] разорившим первый монастырь этого гэгэна во время восстания. В этих стычках сильно пострадали киргизы, кочевавшие в Тарбагатае в русских пределах, и гэгэн имел неприятности с русскими пограничными властями, а китайское правительство, после долгих опоров, вынуждено было уплатить большую сумму.

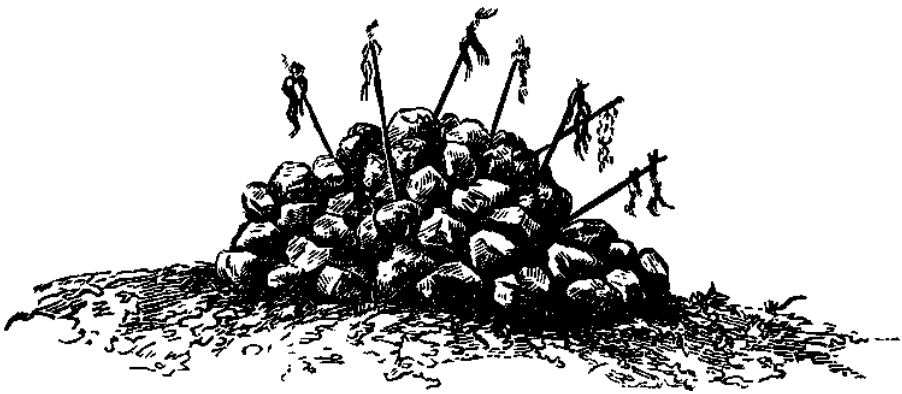
Поднимаясь по южному склону Алтая, путешественники увидели каменных баб (кошо-чило по-монгольски) и керексуры, т. е. могильные насыпи. Последние представляли холмики, окруженные камнями, расположенными по кругу, четырехугольником или радиусами, часто в вертикальном положении. Среди них стояли и бабы. На перевалах и некоторых вершинах гор заметили типичные для Монголии «обо». Они представляли кучи камней с воткнутыми в них шестами. Каждый монгол, проезжая мимо обо, считал долгом сойти с коня и увеличить кучу поднятым поблизости камнем, а на шест навязать тряпочку, оторванную от халата, или пучок волос из гривы или хвоста лошади. Это — приношение, чтобы умилостивить духов гор ради благополучного пути.

Проводника через Алтай экспедиции удалось получить без всякого затруднения у влиятельного киргиза Джуртпая, так что неудача визита в монастырь не имела дурных последствий. Потанин убедился, что его понятия о могуществе Цаган-гэгэна были преувеличены.

Подъем по долинам Алтая в зоне лесов местами был труден из-за больших валунов, которые иногда так стесняли дорогу, что завьюченный верблюд не мог пройти между ними. Трудны были также спуски и подъемы при бродах через речки, а переходить через них приходилось часто. Леса состояли из ели, осины, березы и тополя, по берегам речек росли ива, смородина, крыжовник, барбарис, жимолость. Выше леса начались альпийские луга, а по долинам рек — карабута (карликовая береза), образовавшая сплошные заросли. Вместе с ней появились и белые куропатки — характерные птицы полярной тундры. На россыпях крупных глыб, покрывавших склоны, водилось много сеноставок (альпийский лемминг). Эти маленькие зверьки живут между камнями и около выходов из нор делают на зиму запасы сена из листьев, стеблей и колосьев. Для сеновала они выбирают ровную площадку под навесом камня, так что дождь нее мочит, а

ветер обдувает и сушит сено. Они набирают сено понемногу, чтобы слои успевали просохнуть; поэтому их сено всегда сухое и ароматное.

На перевал через Алтай поднялись по вершине реки Кран. Водораздел имел вид крутой зубчатой стены: острые вершины, соединенные седловинами, часто располагались амфитеатром с крутыми скатами, покрытыми россыпями камня, сбегавшими почти от вершин. Такие россыпи киргизы называют «корум». Ниже россыпей тянулись пологие склоны с зарослями карабуты. Подъем на перевал был очень крут и недоступен для телег. Перевал имел около 2700 м высоты и с половины октября был недоступен из-за глубокого снега.



Монгольское обо

Спуск на север был не такой крутой; он шел по трем уступам и привел к большому озеру Даин-гол, над берегом которого возвышался остроконечный пик Мус-тау (т. е. ледяная гора), покрытый вечным снегом. Озеро было расположено среди холмистой местности, представлявшей морену, т. е. наносы, оставленные большим ледником, прежде спускавшимся с водораздела. Теперь в этой части Алтая сохранились только небольшие ледники и вечные снега, но Потанин отметил в разных местах, на обоих склонах, признаки прежнего сильного оледенения.

На стоянке у озера путешественники ловили руками рыбу в ключе по соседству; они нащупывали рыбу в берегах между камнями, куда она пряталась стайками. Экспедиция простояла здесь четыре дня, обмениваясь визитами с киргизским султаном Самерканом, который очень любил соколиную охоту, имел трех беркутов (орлов) и показал, как они охотятся на лисиц. Этот султан не был богат, имел мало верблюдов, которые с трудом

переносят жизнь на высоком плоскогорье, примыкающем с севера к водоразделу Монгольского Алтая и занимающем весь угол между Монгольским и Русским Алтаем. Султан дал экспедиции нового проводника до г. Кобдо, который провел ее по более трудной и далекой дороге, выбранной путешественниками потому, что прямая была уже описана русским топографом.

На этой дороге Потанин вскоре отметил группу древних могил, которые приписывают исчезнувшему народу «чудь» и потому называют чудскими. Среди них стояла каменная баба с изображением лошади. Местность на высоком плоскогорье представляла степь со скудной растительностью; в лощинах были заросли карабуты. Вправо от дороги продолжались высокие скалистые горы водораздела с вечными снегами, у их подножия встречались озерки и старые морены. В одном месте, на дне ущелья, во множестве валялись рога и черепа архаров (каменных баранов); последних, а также горных индеек в этих горах водилось много.

На дальнейшем пути экспедиция встречала стада дзеренов, т. е. антилоп, распространенных по всей Центральной Азии и довольствующихся скудной травкой полупустынь. Эти красивые животные водятся стадами до сотни голов и бегают очень быстро — со скоростью 50—60 километров в час, так что и на автомобиле их можно догнать только после долгой гонки, когда они обессилят.

Высокое плоскогорье северной части Монгольского Алтая отличается сухим климатом, и зимой здесь почти не бывает снега; поэтому здесь много зимовок кочевников. Лесов почти нет, по долинам — низкий тальник (ива) и карабута, в котловинах — солонцы и болота, на плоских холмах между ними щетки скудной травы и колючки. На последних переходах к Кобдо экспедиция встретила вместо киргизов других кочевников — монголов-олетов; видны были их бедные юрты и пасущиеся сарлыки — помесь домашнего яка и коровы с длинной шерстью, приспособленная к суровому климату. На скалах видно было много горных курочек.

На этом пути экспедиция вынесла ночью сильную бурю, которая никому не дала спать. Юрта трещала, стрелы верхнего круга ломались; снаружи юрта была обхвачена арканом, а со стороны ветра был привязан тяжелый вьюк: подол войлока по стенкам юрты был обложен камнями. И несмотря на это, порывы ветра то и дело распахивали войлок и проникали в юрту. Всю ночь приходилось исправлять верхний круг и закреплять юрту.

В Кобдо экспедиция провела зиму с половины октября до конца марта, собирая сведения о русской торговле с Монголией, о

жизни русских и китайцев в городе. Кобдо расположен на реке Буянту, на равнине, окруженной горами, за которыми на востоке лежит большое озеро Хара-усу. Город состоял из обнесенной зубчатой стеной и рвом крепости и торговой слободы. В крепости жил китайский губернатор и находились его ямын (управление), тюрьма, кумирня, кузница и сад. В слободе жили китайские и русские торговцы и были две кумирни. На окраинах города был расположен войлочный лагерь монгольской кавалерии и юрты бедных монголов, существовавших на «заработки у купцов. Против города, на другом берегу, стоял монгольский монастырь. Женщин и детей в городе почти не было. До недавнего времени китайцы, выезжавшие из провинций Китая в Монголию, Маньчжурию и Сибирь в качестве торговцев, ремесленников и рабочих, оставляли свои семьи на родине, куда они всегда стремились вернуться рано или поздно. В случае смерти китайца на чужбине, его родственники считали долгом вывезти гроб на родину. В ожидании отправки, иногда очень долгом, гробы стояли незакрытые в ограде восточной кумирни, под охраной бога загробной жизни — Чон-гуэ. Гробы у китайцев, впрочем, очень массивные, прочные.

Русские купцы приезжали в Кобдо только на лето, а на зиму оставляли вместо себя приказчиков, которым трудно было приспособиться к условиям китайской жизни. Дома в городе не соответствовали суровому климату. У них были большие окна, заклеенные бумагой вместо стекла, двери были плохо пригнаны, иногда вместо дверей висела занавеска. Вместо оштукатуренного потолка устраивалась плоская крыша из камыша или хвороста, покрытая сверху глиной, а снизу подшитая бумагой или бязью. Комната отапливалась каном — лежанкой из глины, занимавшей половину площади; в ней жгли аргал, т. е. сухой навоз, хворост, камыш, солому, но комнату она грела слабо; ее назначением было согревать спящих на ней людей. Кан был покрыт цыновкой, и китайцы спали на нем, подстилая только войлок или тонкий ватный матрац. Этот способ отопления распространен по всему Китаю. Дополнением его являлась жаровня с углем, часто дававшая угар. Китайские власти в Монголии не позволяли русским купцам строить свои дома; поэтому они начали ввозить маленькие железные печи, которые получили распространение и у китайцев и даже у монголов в юртах.

В китайских фанзах такого типа, с бумажными окнами, каном и железной печкой, экспедиция провела зиму. Во время зимовки развлекались посещением китайского театра, кумирен, китайских и монгольских празднеств.

В кумирне, находившейся в восточной части города,

путешественники увидели статую божества загробной жизни Чонгуэ (Эрли-хана у монголов). Лицо было сделано красивым и молодым, и черная борода из настоящих волос спускалась до половины груди; статуя была одета в пунцовый халат, на голове — старинный китайский убор из черного крепа с серебряными пластинками, которые торчали из-за ушей, как крылья мельницы. На столе перед статуей были разложены приношения верующих: целая туша барана, много «боби» — маленьких хлебцев, лепешек и пирожков; в маленьких медных сосудах, похожих на рюмки, горели свечи и курились тонкие палочки из оберточной бумаги, пропитанной какими-то благовониями. Стены кумирни были разрисованы картинами всевозможных казней, посредством которых людей отправляли в царство Эрли-хана: их вешали, рубили головы, пилили на полосы вдоль тела. У входа в кумирню стояла жаровня с углями, на которой богомольцы сжигали листы цветной бумаги с иероглифами; это были молитвы, которые таким образом возносились к небу. Некоторые поклонники приносили пачку ракеток, и в то время, когда они совершали преклонение перед божеством, падая ниц, кто-нибудь на дворе кумирни устраивал ракетную пальбу.

В начале ноября происходило чествование Эрли-хана. В этот день его статую торжественно переносили в другую кумирню. Утром, на рассвете, путешественники были разбужены грохотом больших медных тарелок, возвещавшим о начале торжества. В 10 часов утра от восточной кумирни появилась процессия; впереди бежали мальчики в шутовских длинных не по возрасту кафтанах; они несли знамена с изображениями драконов. Забегая вперед, они садились на корточки среди улицы, поджидая профессию. Во главе ее шли китайцы и монголы с большими деревянными колодками на шее; такие колодки надевали в виде наказания преступникам, но в данном случае это был добровольный подвиг мученичества. За ними шли два китайца в маскарадных зеленых костюмах с ажурными металлическими шлемами на головах. Они вели двух коней с красными седлами, обитыми атласом. За ними шли музыканты, и, наконец, окруженные толпой, двигались красные носилки со статуей Эрли-хана. Сбоку, поддерживая их одной рукой, шел дряхлый кривой старик в чиновничьей шапке это был городской палач, главный служитель кровавого божества.

Процессия обошла улицы Кобдо и подошла к южной кумирне; перед входом статую сняли с носилок и поместили в одной из ниш кумирни. Какой-то человек с лицом, покрытым бронзовой краской, в необыкновенном костюме, палач что-то провозгласили, и затем началось поклонение.

Сначала подошел чиновник в шапке с шариком и пером —

представитель власти. Он стал на колени перед жертвенным столом, приложил сложенные ладони боком ко лбу и поклонился до земли. За ним проделал то же весь народ, входя по одному в кумирню. С четырех часов началось оживление на улицах; у лавок и ворот развешивали цветные фонари; народ шел в кумирню, где перед статуей горели свечи и курились палочки, а какой-то старик время от времени ударял в медную чашу. Эти звуки, вероятно, должны были настроить к набожности, что не мешало тому же звонарю отпускать шутки, вызывавшие хохот публики. Вообще, поклонение божеству странным образом соединялось с неуважением к святыне: все курили трубки и даже раскуривали их от свечей у алтаря.

В сумерки опять появились носилки; мальчики надели костюмы, взяли знамена, фонари, зонты; палач, став сбоку у статуи, произнес речь или молитву, которая вызвала смех. Опять явился чиновник, совершил поклон, его повторили другие, статую вынесли, поставили на носилки, музыка заиграла, и процессия тронулась обратно, освещаемая разноцветными фонарями. В улицу она вошла при оглушительном треске ракеток. В окнах лавок и в воротах зажиточных домов стояли столики с чашечками еды, печеньями, горящими свечами, палочками и фонарями. При приближении процессии особенно набожные люди становились на колени и бросали в сторону божества зерна и капли воды. У каждого богатого дома был приготовлен заряд ракеток, и при приближении статуи раздавались взрывы и пальба; толпа бросалась в сторону, а мальчишки спешили подобрать уцелевшие ракетки, чтобы потом устроить свой фейерверк. Шум и смех сопровождал божество казней и смерти. Ракетная пальба и музыка слышались до позднего вечера, который закончился парадным ужином у губернатора.

В этот день и накануне в городе, на открытой сцене, с утра до вечера шли бесплатные театральные представления. Путешественники позднее видели их в лучшей обстановке в Китае, и мы опишем их дальше. Но в Кобдо они отличались большой пестротой зрителей. На улице, у стены, рядом стояли нарядные китайцы — купцы и чиновники, оборванные курильщики опиума, опрятные узбеки и таджики в пестрых шубах и ярких тюбетейках, киргизы, монголы в нагольных шубах, русские торговцы. Эта смесь племен показывала близость города к границам народностей и его торговое значение. Особенно отличались своими нарядами монголки: халаты самых ярких цветов — красные, синие, лиловые — были отделаны по подолу цветными лентами. Голова и грудь были обильно увешаны серебряными украшениями; на груди висело нечто вроде образа в

серебряной раме на массивной серебряной цепи, надетой в виде помочей и укрепленной сзади у пояса целой кистью подвесок. Десяток монголок, стоявших рядом, походили на иконостас буддийского монастыря. Красавицы весело болтали, покуривая трубочки; кончив курить, они выколачивали пепел о каблук, а трубочку засовывали за голенище сапога.

Путешественники видели в Кобдо также китайское празднование нового года; мы опишем его в другой главе, так как (в самом Китае оно происходит в наиболее типичной форме.

При первых признаках весны, 20 марта, экспедиция покинула Кобдо и направилась на юг, чтобы застать там еще весеннюю флору. Сначала шли две недели на юго-восток, по широкой долине Дзерге среди северных предгорий Монгольского Алтая; дно этой долины представляло то сухую степь, то болото, топи, небольшие озерки и речки, стекавшие с гор. Местами попадались пашни кочевников, засеянные ячменем. Ячмень всего больше сеяли в Монголии; его зерна слегка поджаривают, затем толкут или мелют и получают муку, которая называется «дзамба» и играет большую роль в пище монгола. Ее прибавляют к кирпичному чаю, сваренному в котле с молоком и солью, и получают питательный суп, который является основным блюдом рядового монгола. Из дзамбы, слегка смоченной водой или чаем, делают катыши, заменяющие хлеб, или, прибавляя большое количество воды, превращают дзамбу в кашу любой густоты. Поэтому многие экспедиции в Монголии, где печеный хлеб большая редкость, запасались дзамбой: в экспедициях Пржевальского дзамба, наравне с мясом баранов или диких животных и птиц, составляла главное питание.

Из долины Дзерге поднялись на перевал через северную цепь Алтая, миновали озера Цицик-нор и Хулму-нор в международной котловине. За вторым озером перевалили через главную цепь Алтаин-нуру и спустились в долину реки Барлык южного склона, где лежали еще большие сугробы снега. И в этой части Алтая, на южном склоне, выпадает гораздо больше снега, чем на северном. Речка была еще подо льдом, и при переходах через нее рыхлый снег проваливался, и верблюды падали. Долина местами была непроходима из-за навалов камней и сугробов снега; дорога липилась по крутым косогорам.

В устье долины Барлык сразу стало теплее; везде вид на была свежая зелень. Экспедиция шла шесть дней на юго-восток и юг по волнистой степи, прерываемой длинными отрогами Алтая. На последнем переходе уже чувствовалась близость пустыни Гоби: почва была почти голая, маленькие пучки травки росли далеко друг от друга, а скалистые холмы были совершенно бесплодны. С

перевала через последнюю гряду Шары-нуру открылся далекий вид на Гоби — темную равнину, ограниченную на горизонте рядом снеговых вершин Тянь-шаня. На ключе Сухайту был маленький оазис; здесь взяли запас воды и на следующий день, с 7 часов утра до полуночи, сделали половину безводного перехода через Гоби, в 65 километров. Дорога медленно спускалась по «бэли», — так монголы называют широкое и ровное подножие хребтов пустыни. Оно представляет их пьедестал, выравненный потоками воды, выбегающими из гор во время дождей и таяния снега, и покрытый отложениями этих потоков. Над пьедесталом склон хребта большею частью поднимается очень резко. Бэль Монгольского Алтая имела более 20 километров ширины и понижалась на 300 метров от окраины гор. Вся она была усыпана мелкой галькой и щебнем, черными от пустынного загара,[26] и поэтому издали казалась черной. Нигде не видно было ни былинки.

Вдоль подножия бэли, далеко на запад и восток, протянулась лощина сухого русла, за ней дорога поднялась на невысокий увал и шла по равнине, также усыпанной черной галькой, до песчаных бугров среди Гоби, где караваны обычно делают привал или ночуют без воды. Караван экспедиции также остановился для отдыха, а в 10 часов вечера пошел дальше. Но ночь выдалась пасмурная, звезд не было видно, и в полночь проводник велел остановиться, так как боялся потерять дорогу. Вода для людей была с собой, но для животных не было ни воды, ни корма.

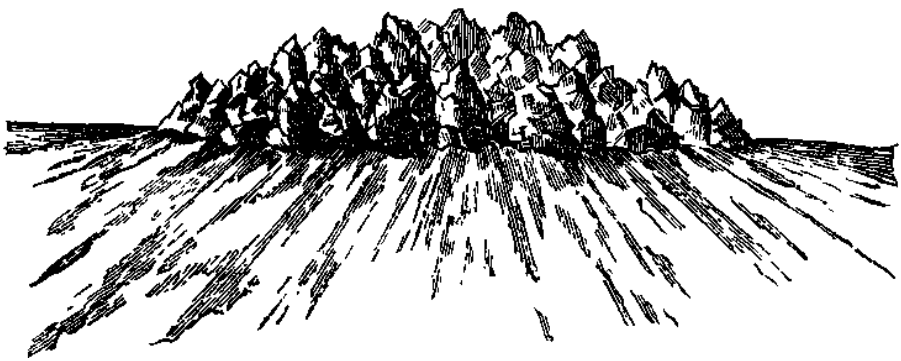
На следующий день поднялись в 6 1/2 часов и пошли дальше. Гоби представляла такую же равнину, усыпанную черной галькой; караванная дорога тянулась желтой полоской вдаль по этой черной равнине; вблизи нее кое-где белели кости и целые скелеты животных, погибших в пути. Кроме черной равнины со всех сторон и гор далеко впереди ничего не было видно. Проходили часы, солнце уже сильно пригревало; лошади, мучимые жаждой и голодом, еле передвигали ноги, и четырех, которые не в силах были итти дальше, экспедиция вынуждена была оставить среди пустыни умирать голодной смертью.

Наконец, впереди показались холмики, на одном из которых виднелась башня. Это был конец Гоби, оазис Сантоху; но его увидели только, когда спустились в лощину, где вдоль небольшой речки зеленели деревья, пашни и стояли фанзы китайцев. Контраст полной пустыни и этого маленького оазиса был поразительный. Экспедиция простояла здесь пять дней, чтобы животные, утомленные бескормицей нескольких переходов, успели поправиться.

В Гоби лошади были так голодны, что ели сухой помет,

попадавшийся на дороге.

Переходы караванов через Джунгарскую Гоби иногда не обходятся без несчастий. В то же лето монголы, доставлявшие провиант в город Гучен, не захотели взять проводника через Гоби, заблудились и трое умерли от жажды. Китайцы гнали гурт баранов из Кобдо в Гучен; погонщики при баранах идут пешком; трое из них не выдержали перехода и погибли. Один монгол, нанявшийся в погонщики при русском караване, обиделся за побои, полученные от приказчика, бросил караван и поехал назад один, но домой не вернулся.



Бэль (пьедестал) горного хребта в Центральной Азии

Отдохнув в Сантоху, экспедиция сделала еще три перехода через пустынные холмы и горы Мечин-ола до г. Баркуль у подножия Тянь-шаня. Это был большой тортовый город; главная улица состояла из непрерывного ряда лавок; встречались дома с лепными украшениями, в городе были богатые кумирни и много дяней, т. е. постоялых дворов. Но поражала неряшливость: улицы и переулки были завалены мусором, местами представляли собой лужи с водой или топи; под воротами городской стены стояла непролазная грязь. Экспедиции хотели отвести фанзы в ямыне губернатора, но они были так грязны, что Потанин предпочел остаться в лагере на берегу речки, за городом

Из Баркуля экспедиция поднялась к перевалу через горы Карлык-так, составляющие конец Восточного Тянь-шаня. На перевале лежал еще глубокий снег, изрытый колеями и покрытый навозом; это доказывало, что перевал вполне проходим и зимой.

Спуск шел по ущелью речки и был затруднён бродами через нее; снега на горах сильно таяли, и речка вздулась. Лесов на южном склоне не было. От устья ущелья до г. Хами шли более 40 километров по бэли хребта, представлявшей безводную пустыню, которую караваны предпочитали проходить ночью. Экспедиция

так и поступила; она вышла из ущелья в 3 часа дня и подошла к г. Хами на рассвете.

Хами — самый восточный из городов Китайского Туркестана, населенного, кроме китайцев, также тюрками, родственными таджикам и узбекам. Эти тюрки называли себя чан-тоу, т. е. чалмоносцами. Они имели своих ханов, подчиненных китайским губернаторам. В Хами также был хан, который жил в тюркской части города, отличающейся от китайских городов тем, что из-за ее стен видна была зелень садов. Но внутри город состоял из развалин, и только немногие фанзы были жилые. Даже дворец хана был в развалинах, и хан ютился с семьей в задних комнатах, прислоненных к городской стене. Это разорение — результат гражданской войны между китайцами и тюрками, охватившей Китайский Туркестан в половине XIX века.[27] Хами — важный торговый пункт на восточной границе провинции Синь-цзянь, обнимающей Китайский Туркестан и Джунгарию; через Хами проходят все товары, идущие в Синь-цзянь из собственно Китая, [28] а также вывозимые в Китай. Поэтому экспедиция посетила Хами и провела в нем девять дней, собирая сведения о торговле. Но о жизни, нравах и обычаях тюрков, сильно отличающихся от китайцев, Григорий Николаевич узнал за это время мало. Он торопился назад в Монголию, изучение которой являлось главной задачей экспедиции.

Обратно пошли той же дорогой; на перевал через Тянь-шань вышли вечером, а ночью один из рабочих, сидевший на верблюде, задремал и свалился на землю. Все верблюды испугались — они очень пугливы — и бросились в разные стороны, порвав поводки; два из них сбросили вьюки и убежали; одного поймали, но другой скрылся в темноте. Пока искали верблюда, караван простоял три дня под перевалом.

За перевалом экспедиция пошла не через Баркуль, а по дороге в Улясутай, второй город Монголии, который нужно было посетить. В четыре перехода через невысокие горы, ущелья и долины пришли в селение Ном-тологой, расположенное, как и Сантоху, на южной окраине Джунгарской Гоби. Но оно было выдвинуто в глубь пустыни благодаря большой речке Тугурюк, текущей из гор; ее русло было обсажено деревьями в один ряд и кустами, и вода не растекалась по бэли, а доходила до селения и его пашен. Вне русла бэль была бесплодна и усыпана валунами величиной в детскую голову.

В Ном-тологой взяли проводника, запас воды и свеженакошенной травы и пошли под вечер через Гоби; здесь она начиналась песчаными холмами с кустами и полосой редкого леса из разнолистного» тополя. За ним пошла пустыня, но

несколько другого типа, чем на первом пересечении. Вместо равнины она представляла мелкие холмики плоско-конической формы, удивительно похожие друг на друга; на их вершинах выступали совершенно выветренные горные породы, распавшиеся на щебень, а склоны и промежутки были покрыты глиной, песком и дресвой.[29] Эти холмы создавали унылый и до-нельзя однообразный ландшафт, тянувшийся за песками до поздней ночи; караван шел по такой местности при луне и остановился, когда луна зашла, так как проводник боялся потерять в темноте дорогу среди холмов.

Утром вскоре встретили широкое русло, представлявшее низовье Гашиун-дзаухэ, и караван пошел вверх по нему, поднимаясь по бэли Алтая; берега русла сначала были плоские, затем сделались скалистыми, и русло превратилось в сухое ущелье глубиной до 20 метров, засыпаемое песком, наносимым ветрами с северо-запада. Наконец, в ущелье появилась солоноватая вода в виде ключей, окруженных тростником и кустами. Здесь пришлось ночевать, хотя вода была плохая, а корма мало. На этот раз Гоби миновали без потерь.

Несколько переходов шли но предгорьям Алтая, часто лишенным всякой растительности; изредка она встречалась вокруг редких ключей, представлявших маленькие оазисы в горной пустыне. Южную цепь Алтая, также бесплодную и скалистую, перевалили по сухой долине, в верховьях которой колодцы были уже в пределах альпийского пояса; но лугов здесь не было, альпийские растения были рассеяны среди голых площадок. Несмотря на это, здесь жило много тарбаганов,[30] и их свист раздавался целый день. Они вылезали из нор, садились на задние лапки, осматривались и, убедившись в отсутствии врагов, выбегали пастись. У некоторых нор оставались караульные; при тревоге раздавался свист, и все тарбаганы спешили к своим норам. Через некоторое время из нор появлялись головы, затем высовывались желтобурые зверьки, становились на задние лапки, и опять начиналось пересвистывание.

Монгольский Алтай в этой части очень широк и состоит из нескольких цепей, разделенных широкими долинами, в которых разбросаны соленые озера, имеются речки, монастыри, ставки монгольских князей и улусы монголов, солончаки, степи и пустынные площади.

Экспедиция употребила 10 переходов, чтобы выйти к северному подножию, к ставке Джасакту-хана.

Хан получил уже бумагу от китайского губернатора с предложением содействовать экспедиции и обещал дать проводника в Улясутай, но от приема путешественников

отказался. Он сообщил, что принял лекарство и по совету лам должен воздержаться от свиданий с иностранцами, так как это могло помешать действию лекарства. Он не принял также подарков, посланных экспедицией, которая, в свою очередь, отказалась от барана, присланного ханом

В монастырь путешественников не пустили под предлогом, что он только строится и в нем ничего замечательного нет. Но от лам они узнали, что монастырь построен давно.

Простояв три дня возле ставки, экспедиция с новым проводником отправилась на север, по дороге в Улясутай, до которого было семь переходов. Сначала путь шел через широкую долину, которая отделяет Монгольский Алтай от подножия нагорья Хангай и в географии носит название долины озер, так как в ее пределах в разных местах расположены озера, питаемые реками, стекающими с нагорья. Пересекли большую реку Дзабхын и поднялись по предгорьям Хангая.

Улясутай расположен в широкой долине, у слияния двух рек, и состоит из военной крепости, торгового города и слободы. Торговый город был меньше Кобдо, но оживленнее его, хотя грязнее и построен в беспорядке. Магазины были лучше кобдинских; в них были, помимо обычных ходовых товаров, также и предметы роскоши для монгольских князей.

Потанин совершил поездку из города на теплые ключи, расположенные на северо-восток от него, у подножия высшей вершины Хангая — Отхон-тенгри, покрытой вечным снегом и имеющей небольшой ледник. Ключи вытекали из трещин в граните, их было около 12. Вода имела сильный серный запах и температуру выше 40° С; точнее определить ее Потанин не мог, так как его термометр имел деления только до 40°. Ключи были питьевые и купальные; из последних вода текла в ванны — деревянные ящики, врытые в землю. Таких ванн было более 20. Во время купанья над ванной раскидывали палатку. Над каждым источником красовалось «обо» в виде груды камней с небольшой нишей и торчащими в разные стороны палками, на которых были протянуты шкуры с привязанными к ним бараньими лопатками, покрытыми надписями буддийской молитвы «ом мани».[31] В нишах были поставлены вырезанные из дерева мечи с надписями по лезвию. У каждого ключа была дощечка с надписью по-монгольски и по-китайски, воткнутая в груду камня.

Пора года была поздняя для высокогорного курорта, и Григорий Николаевич застал только 25 больных под надзором одного ламы — доктора. Больные жили в юртах и палатках и лечились от разных болезней — слепоты, боли в ногах, внутренних болезней. Они сидели в ваннах по часу и по три часа,

по указанию ламы, а после горячей ванны уходили в палатку или юрту, где их пронизывал холодный ветер, и спали на тонких войлоках.

Из Улясутая экспедиция направилась через нагорье Хангай к озеру Косоголу. Это нагорье состоит из нескольких горных цепей, направленных в общем с запада на восток и разделенных широкими долинами крупных рек. Северные склоны гор большей частью покрыты лесом, который чем дальше к северу, тем гуще, приближаясь к сибирской тайге. Южные склоны и долины степные. Растительность по сравнению с Монгольским Алтаем гораздо богаче и разнообразнее; по всему нагорью были рассеяны кочевья монголов, монастыри и ставки князей. На восток нагорье доходит до реки Орхона, большого притока Селенги, к бассейну которой принадлежит его большая, восточная, половина. В западной части нагорье распадается на отдельные цепи и несколько понижается; орошающие его реки впадают в озера обширной впадины, отделяющей Хангай от высокого Кобдинского плоскогорья между Русским и Монгольским Алтаем. В этой впадине также поднимаются отдельные цепи и группы гор. На севере нагорье примыкает к хребту Танну-ола, отделяющему его от обширной Урянхайской котловины верховий бассейна Енисея, а восточнее — к водоразделу Восточного Саяна. Южный склон нагорья спускается к долине озер, отделяющей его от Монгольского Алтая, и по характеру растительности приближается к последнему. В нагорье известна только одна вершина с вечным снегом и небольшими ледниками; это гора Отхон-тенгри (Очир-вани), достигающая 4000 метров высоты и расположенная к северо-востоку от г. Улясутая на отроге южной цепи.

Экспедиция на пути к озеру Косогол за время с 5 августа по 12 сентября пересекла три цепи Хангая и долины — сначала реки Хойту-терх, которую можно считать началом Селенги, затем рек Этер и Тэльгир-морин, левых притоков Селенги, а также второстепенные долины с озерами Сангин-далай и Эльхир-нор и, наконец, вышла к реке Эгин-огол, вытекающей из озера Косогол.

Лето на высотах нагорья уже близилось к концу, по ночам иногда выпадал иней, изредка снег, вода покрывалась льдом. Местность в горных цепях часто была живописной. Никаких особых приключений на этом пути не было. По реке Эгин-голу прошли до ее истока из озера Косогол. Это озеро — самое крупное в Монголии — вытянуто на 130 километров по меридиану при ширине до 48 километров и большой глубине. Оно расположено на высоте 1615 метров и со всех сторон окружено высокими лесистыми горами, с которых в озеро стекает

много речек. Среди озера поднимается большой скалистый остров Далай-куй с буддийским монастырем. Вода пресная. Против северного берега озера, на самой границе с Сибирью, в хребте Восточного Саяна высится вечно снеговая гряда Мунку-Сардык. В озере водится рыба. На восточном берегу, по которому пролегает скотопрогонный тракт в Сибирь, находятся буддийский монастырь.

От озера Косогола экспедиция повернула на запад и за время с 15 сентября по 1 ноября прошла по северной части Хангая до монастыря Улангом близ озера Убса. Была уже осень. Почти каждую ночь, а нередко и днем температура падала ниже нуля. Реки покрылись льдом. Не раз выпадал снег, и гребни более высоких горных цепей покрывались зимним снегом, тогда как в долинах он вскоре исчезал. Топливо на этом пути, кроме последних дней, встречалось в достаточном количестве.

Путь шел сначала через очень гористую и лесистую местность между реками Эгин-гол и Тельгир-морин и между последней и рекой Тес, примыкающей к южному склону хребта Танну-ола. В этой местности земледелие было невозможно, и кочевники пополняли свои зимние запасы пищи, выкапывая съедобные корни одного растения из подземных складов, которые делали себе на зиму полевые мыши на глубине не более 20 сантиметров от земной поверхности. В половине сентября монголы отправлялись на поиски этих складов; стуча палкой по земле, они узнавали, где имеются эти склады. Из каждой норы выкапывали около трех шапок корня. Семья запасала себе на зиму килограммов 30 этого корня.

Григорий Николаевич отметил еще, что в этой местности лошади у монголов преимущественно белой масти, а домашние животные монголов вообще имеют однообразную окраску: овцы все белые с черной головой, а собаки черные с желтыми пятнами над глазами и желтой шерстью из задней стороне ног и нижней части хвоста.

В бассейне реки Тес высота местности уменьшилась, леса начали уступать место степям, высокие горы раздвинулись. На севере продолжался хребет Танну-ола. На юге от нагорья отделился высокий и скалистый хребет Хан-хухей, остававшийся далеко от маршрута по рекам Тес и Нарын, вблизи которого расстилалась степь с небольшими горами. Здесь опять увидели стадо дзеренов в тысячу голов, которых в Хангае не было.

Кроме монголов, в степи близ озера Убса путешественники встречали и урянхайцев. Первый ночлег вблизи их кочевья ознаменовался пропажей нескольких лошадей. Так как это были самые смирные лошади, то не было сомнения, что их украли.

Григорий Николаевич, узнав, что по соседству находится юрта дзанги — низшего чиновника урянхайцев, послал к нему требование разыскать лошадей. Дзанги сам приехал к путешественникам и стал уверять, что в его ведомстве нет воров, но все же обещал послать людей на поиски лошадей. Через несколько часов лошадей привели люди, уверявшие, что нашли их за соседними горами. По словам монголов, все урянхайские чиновники участвуют в конокрадстве, прикрывая воров и деля с ними добычу. Поэтому монголы устроили цепь караулов между своими кочевьями и урянхайскими.

Большое озеро Убса экспедиция обогнула по южному берегу; берега этого озера представляют солончаки и заросли тростника; вода его горько-соленая. Озеро не имеет стока, а впадает в него большая река Тес и много мелких. Оно так велико, что противоположный берег не виден. К западу от озера, на окраине гор стоял монастырь Улангом; он состоял из 30—40 дворов; в каждом из них было несколько юрт, в которых жили ламы; из каждой юрты торчала труба; это доказывало, что русские железные печки получили здесь большое распространение.

В кумирне путешественники видели несколько бронзовых статуй богов в рост человека; их доставка из далекого города Далай-нор на восточной окраине Монголии обошлась местному князю, т. е. его верноподданным, очень дорого.

Монастырь со всех сторон был окружен пашнями, на которых сеяли ячмень и пшеницу; но земледелием занимались не ламы, а кочевники-монголы — дюрбюты и хотоны, мусульмане, выходцы из Туркестана. Хлеб вывозили в Кобдо и Улясутай китайские купцы.

От Улангома экспедиция разделилась; Потанин и Березовский поехали в Кобдо, чтобы взять оставленные там коллекции, а остальные члены экспедиции пошли прямо в Кош-агач в Русском Алтае. Путь Григория Николаевича шел на юг через многочисленные цепи гор, разделенные долинами рек и небольших озер. На этом пути он прошел вблизи вечнозеленой группы Мэнгу-цасу (вечный снег), с которой в озеро Убса течет река Харкира.

Из Кобдо Григорий Николаевич также направился в Кош-агач, вверх по долине реки Кобдо, которая впадает в озеро Хараусу; но одноименный город стоит не на этой реке, а на реке Буянту, текущей с Монгольского Алтая, тогда как бассейн Кобдо охватывает также хребет Сайлюгем на границе Русского Алтая. Долина Кобдо интересна тем, что только в небольшой части ее водится фазан, нигде больше в Монголии не встреченный.

На последнем переходе к русской границе, на высоком

перевале, несмотря на глубокую зиму, Григорий Николаевич до полночи слышал писк сеноставок. Утром он увидел, что снег вокруг стана был усеян отверстиями или каналами, которые вели в норы этих зверьков. После каждого снегопада сеноставка расчищает вход в свое жилище. Снега в этой местности выпадало мало; склон, населенный зверьками, был покрыт слоем снега в 20 сантиметров толщины.

Из Кош-агача Григорий Николаевич поехал быстро в Бийск, куда уже прибыли остальные члены экспедиции. Первое путешествие в Монголию продолжалось с июля 1876 до конца 1877 г.

Глава IX. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. МОНГОЛИЯ И УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ (1879—1880)

Состав экспедиции. Путь к Улангому. Дюрбюты и их богодевицы. Харкиринский белок. Впадина больших озер. Переправа баранов. Канал богатыря. Злак дэрису. Страна урянхов. Перевал через Танну-ола. Конокрадство. Модон-обо. Шаманка Найдын и обряд камланья. Заимки русских купцов. Трудный путь по р. Хакем. Земля дархатов. Итоги двух путешествий

Весь 1878 г. и первые месяцы 1879 г. Потанин был занят составлением описания первого путешествия по Северо-западной Монголии и обработкой собранных материалов по этнографии. В начале лета 1879 г. он отправился вторично в эту страну, чтобы изучить подробнее ее западную часть которую видел поздней осенью и зимой, когда невозможно было собирать растения, уже засохшие или побитые морозами. Его интересовала также связь больших озер этой местности друг с другом; связь эта не была выяснена за время первого путешествия потому, что реки уже замерзли и страна была под снегом.

В апреле 1879 г. экспедиция вышла из Бийска на Алтае в таком составе: Потанин, его жена Александра Викторовна, кандидат университета Адрианов и переводчик алтайского и урянхайского языков Чиналков. Позже, в Монголии к ним присоединились топограф Орлов, переводчик монгольского языка Палкин и три казака — помощники при топографической съемке.

В конце мая экспедиция выступила из Кош-агача, перевалила через пограничный хребет Сайлюгем и направилась по дороге в г. Улангом на озере Убса, где Потанин уже был в конце первого путешествия. Эта дорога пересекает северную часть Кобдинского плоскогорья, прилегающую к хребту Танну-ола, и проходит сначала через обширную котловину озера Ачит-нор, затем переваливает через хребет Байрим, спускается в глубокую котловину озера Урюк-нор и, обогнув последнее с юга, поднимается на хребет Цаган-шиботу и выходит к Улангому.

На перевале через Байрим Потанин отметил огромное обо из хвороста с поставленными по четырем странам света большими

резными фигурами дракона, мифической птицы Хангариде, льва, свиней и быка; тут же было много мелких грубых деревянных фигурок двугорбых верблюдов, изображавших, вероятно, животных, принесенных в жертву.

Улангом стоит на месте очень древнего города Илань-чжеу, судя по обилию керексур (могил) в его окрестности. Возле монастыря, в большом доме китайской архитектуры, окруженном красйвой рощей, жил дюрбютский ван (князь). Дюрбюты — западно-монгольское племя, кочевавшее в обширном бассейне озера Убса; они отличались от восточных монголов-халхасцев по языку, облику и быту. Они имели смуглые продолговатые лица, длинные носы и заостренные подбородки. В одежде они отличались формой шапок и сапогов. Главное занятие их было скотоводство.

Вместо гэгэнов, перерожденцев Будды, у дюрбютов имелись две богодевицы — «дарихэ»; одну называли белой (Цаган-дарихэ), другую — зеленой (Ноган-дарихэ). Обе жили в хошуне вана в отдельных юртах. Дюрбюты поклонялись им и возили в Улангом, где в их честь устраивали процессии. После своей смерти дарихэ возрождались, как гэгэны; о месте их рождения узнавалось по появлению радуги. Цаган-дарихэ изображалась с приподнятой рукой, на ладони которой находился глаз; им она наблюдала три тысячи народов. Из протянутой ноги вырастало растение, стебли которого прорастали сквозь пальцы другой руки и расцветали на ней. Ногандарихэ изображалась зеленой.

«Богодевица» Цаган-дарихэ

Из Улангома экспедиция направилась в Кобдо и по пути посетила вечноснеговую группу гор в верховьях реки Харкира, в районе которой находится летовка дюрбютского вана. Когда путешественники стояли на речке Худжирть, впадающей в озеро Холбо-нор у восточного подножия этой группы, вся долина была оживлена кочевниками; в нижней части ее был лагерь из белых войлочных юрт. Мимо стоянки целый день проходили караваны дюрбютов, переходивших на летовки в глубь гор; в лесах стучали топоры дровосеков. Каждый вечер устраивалась игра в цаган-модо, которая бывает в сумерки; до полуночи слышался детский гам, крики и смех.

Потанин описал подъем на вершины группы гор к леднику, характер гор, альпийскую флору, ледник и его морены. Харкиринский белок имеет вид огромной пирамиды, состоящей из скал, мало покрытых снегом, вследствие их крутизны; только горы, примыкающие к пирамиде, покрыты сплошной белой пеленой, питающей ледник. Тюргунский белок состоит из двух вершин — северной пирамидальной и южной тупой; с обеих спускаются ледники.

Из этих гор экспедиция направилась на восток, в обширную впадину большого озера Киргиз-нор, представляющую степь с каменисто-песчаной почвой и скудной растительностью. Небольшие горы отделяют эту впадину от следующей, к югу, с озером Айрик-нор и впадающей в него рекой Дзапхын, которую члены экспедиции уже встретили в прошлое путешествие в ее верхнем течении, к югу от Улясутая. По этой реке прошли ко второму большому озеру Хара-нор (Дурга-нор) и, наконец, к расположенному западнее озеру Хара-усу, вблизи которого стоит г. Кобдо. Путешественники поставили себе задачу выяснить соотношение всех этих озер, остававшееся неясным

Оказалось, что озеро Хара-усу имеет сток в озеро Хара-нор в виде реки Чон-харих, а озеро Хара-нор имеет сток в реку Дзапхын, впадающую в озеро Айрик-нор, из которого избыток воды стекает в озеро Киргиз-нор, не имеющее стока. Поэтому только последнее озеро имеет горько-соленую воду, а все остальные вообще пресную и солоноватую вдали от притоков и стоков.

Выяснилось также, что эти озера обширной сложной впадины между Кобдосским и Хангайским нагорьями расположены на широких ступенях, разделенных хребтами и изборожденных цепями и холмами; ступени понижаются с юга на север. В южной впадине находятся озера Хара-усу и Хара-нор, в средней — Айрик-нор и Киргиз-нор, и в северной, отделенной от средней высокими хребтами Хан-хухей, озеро Убса, не имеющее никакой связи с остальными.

На реке Чон-харих, представляющей сток озера Хара-усу в озеро Хара-нор, путешественники наблюдали интересную картину переправы в брод гурта из нескольких тысяч баранов, которых гнали вместе с караваном верблюдов из Улангома в Китай. Сначала перевезли на плоту из бочонков и связок камыша несколько баранов на другой берег, в качестве приманки для остальных, которые столпились у воды. Позади них бегали китайцы-погонщики и бросали в баранов песок, чтобы заставить задних напирать на передних, которые стояли у самой воды, но плыть не желали. Тогда китайцы начали хватать баранов переднего ряда и бросать в воду; некоторые возвращались назад, но другие, заметившие баранов на другом берегу, пустились вплавь. Их примеру последовала часть гурта, и через реку поплыли друг за другом вереницы баранов. Но многие из переплывших реку баранов, заметив, что главная масса еще оставалась на противоположном берегу, норовили вернуться к ним. Их отгоняли от воды, они разбегались по степи и возвращались к реке, где их опять перехватывали. В течение целого часа происходила страшная суета на обоих берегах; пастухи, одни одетые, другие голые, бегали взад и вперед, бараны блеяли, собаки, целый десяток, помогали людям и неистово лаяли, гоняясь за убегавшими; пыль поднималась столбами. Так постепенно, партиями, пастухам, выбившимся из сил, удалось перегнать весь гурт через глубокую реку.

Возле озера Хара-нор экспедиция встретила глубокую рытвину старого русла. Монголы уверяли, что это остатки канала, прорытого богатырем Сартакпаем, чтобы ездить по нему в Пекин. Этот канал богатырь рыл очень быстро: копнет раз, выбросит землю, получалась гора, копнет другой раз — вторая гора. Так набросал он 33 горы, которые составили хребет Ханхухей. По каналу Сартакпай ездил в Пекин в один день. Этот богатырь известен по всей Монголии, в русском Алтае и на востоке Киргизской степи. Ему приписывают трещину в скале, которую он прорубил мечом; в другом месте он навалил груду камней, чтобы строить мост через реку; в третьем он бросил целую гору, которую нес, чтобы запрудить Иртыш.

Кобдо в летнем наряде показался путешественникам более привлекательным. Деревья главной улицы были покрыты зеленью; в канавках текла вода. Улицы были оживлены группами киргизов и монголов, приехавших для торговли. Но город и его жизнь были ими уже изучены, и через несколько дней экспедиция направилась назад в Улангом, по прямой дороге.

К пашням, окружавшим монастырь, примыкали обширные заросли злака чия или дэрису, который имеет большое значение в

быте кочевников. Он растет в виде больших снопов на некотором расстоянии друг от друга; снопы достигают роста человека и даже высоты всадника. Заросли заменяли кочевникам хлев для мелкого скота. В зимние вьюги в них тепло, и на ночь сюда загоняли баранов; снопы хорошо защищали от ветра со снегом, бушевавшего на открытой степи.

Из равных и крепких, как проволока, стеблей чия киргизы осенью делали крепкие цыновки, прошивая их цветной шерстью. Циновками обкладывали внутри решетку нижней цилиндрической части юрт, что делало юрту чистой и нарядной; они же служили занавеской в дверях; их клали также на землю под войлоки, на которых спали; на них сушили сыр, катали войлок. Китайцы вязали из дерису метлы, плели ковши и уполовники. В соседних русских деревнях и городах цыновки, покупаемые у киргизов, употреблялись в качестве штор на окнах.

Из Улангома экспедиция направилась на север, чтобы посетить страну урянхайцев Тува, которая занимает бассейн верхнего течения Енисея между хребтом Танну-ола на юге и цепями Саяна на севере; последние отделяют эту страну от Сибири, а Танну-ола от Монголии. Тува в общем представляет обширную впадину между этими хребтами, содержащую целый ряд второстепенных гордых кряжей и многочисленные реки, из которых слагается мощный Енисей, прорывающийся ущельем через Саян. Восточная половина впадины почти вся лесистая, западная — преимущественно степная. Поэтому урянхайцы западной половины разводили лошадей, рогатый скот, немного верблюдов и баранов и жили в юртах, а кочевники восточной половины разводили северных оленей и жили в чумах — конических шатрах из жердей, покрытых корой лиственниц и берез и шкурами оленей.

В начале сентября экспедиция вышла из Улангома, обогнула с запада озеро Убса и поднялась на перевал через хребет Танну-ола, который казался сплошной неприступной стеной с вершинами, белевшими уже от снега и дымившимися туманами. Подъем оказался нетрудным; путь шел сначала степью, затем по ущелью речки Амрык, густо заросшему хвойным лесом; местами приходилось срубать деревья, чтобы верблюды с вьюком могли пройти. Но спуск был крутой и трудный. Глинистая тропинка скользкая от снега, выпавшего накануне, вилась по краю обрыва. Всем пришлось спешиться и вести лошадей и верблюдов под уздцы. Верблюдов поддерживали веревками со стороны горы, а вьюки снимали и переносили на руках. Один верблюд все-таки сорвался и покатился вниз, но его задержали деревья. Спустившись в долину реки Ар-амрык,[32] путешественники

заночевали, а на следующий день шли по ущелью, склоны которого густо поросли кедром, лиственницей и елью. Здесь стало теплее и встречались еще цветы, тогда как вокруг озер Убса все уже пожелтело.

На следующем ночлеге, в долине Ар-торголик, в лагерь пришли два молодых урянхайца в очень легких костюмах не по времени года. Они уверяли, что идут в Монголию, но никаких вещей у них не было кроме кнутиков, казалось бы, не нужных для пешеходов. Монголы каравана сразу разгадали, что эти гости собираются ночью угнать лошадей; с этой целью они и запаслись только кнутиками. Но монголы не выдали свою догадку; они не только пригласили гостей ужинать, но даже предложили им спать вместе под одним войлоком. Таким образом, урянхайцы ночью не могли встать, не потревожив соседей, и лошади каравана уцелели.

О конокрадстве урянхайцев монголы рассказывали чудеса. Однажды нескольких урянхайцев, пойманных в воровстве, привели к князю, который велел их связать и запереть. Но к утру исчезли и пленные, и табун князя.

В тот же день мимо лагеря прошел большой караван урянхайцев, кочевавших на зимовки. Женщины ехали на быках и коровах, мужчины на лошадях. У урянхайцев лица красивее, чем у монголов, среди молодежи были красавицы. На головах женщин были надеты красные шерстяные капюшоны, отороченные по краям бусами. Шубы оканчивались оборкой, отороченной кумачом или черным плисом. Завидев лагерь экспедиции, все спешились и окружили путешественников. Такую большую экспедицию чужеземцев с палатками незнакомой формы они видели впервые.

Ущелье спуска открылось в широкую долину реки Улухем, составлявшей главное верховье Енисея, в местности, называемой Модон-обо, т. е. деревянное обо. Это огромное обо из бревен, поставленных конусом, стояло у входа в ущелье и внутри было полое; в нем был прилавок с разными фигурками животных, изображавшими принесенные богам жертвы; над столиком были протянуты шнуры с навешанными на них лентами и лоскутками.

Окрестные горы представляли 13 отдельных пиков, населенных, по поверью, 13 горными духами. На этом ночлеге путешественники все время слышали удары бубна и узнали, что в окрестностях живет много шаманов и шаманок, так как эта местность считалась священной. У урянхайцев много шаманов, а шаманок еще больше. Шаман — по-урянхайски «кам», шаманка — «утагана». Способность заниматься шаманством иногда передается по наследству, как нервная болезнь. Обучением

приобретается только знание обрядов и напевов. Будущий шаман начинает чувствовать свое предрасположение. Он видит вещие сны, испытывает болезненные припадки. При отдаленном звуке бубна у него начинаются подергивания, глаза разгораются, и с ним делается припадок.

Путешественникам удалось видеть камланье, т. е. обряд шаманства, который выполняла утагана Найдын. Ее юрта стояла в лесу больших тополей и лиственниц, была велика и убрана довольно богато и чисто. Найдын, здоровая и довольно красивая девушка, была одета нарядно, держалась смело, и члены ее семьи — мать, брат, сестры — слушались каждого ее слова.

Плащ, который шаман надевает при камланьи, покрыт массой бахромы из ремешков, с пришитыми к ним железными погремушками и колокольчиками. Ремешки часто изображают змей с головками и глазами из бисера и открытой пастью. У Найдын две змеи на спине были больше других и назывались златоглавыми змеями Амырга. На плечах были нашиты пучки совиных перьев, и ими же обшит воротник. Такими же перьями и мелкими раковинами была обшита ее шапка из красного сукна; перья торчали кверху, образуя диадему, а бахрома спускалась на лицо. Бубен предста»влял обруч, имевший полметра в диаметре, с натянутой на него козлиной шкурой без шерсти, поперечной проволокой и резной рукояткой. У Найдын весь наряд был новый и красивый.

Когда путешественники пришли в юрту Найдын, согласившейся исполнить для них камланье, все было готово: железный очаг был вынесен, и на огнище поставлены три камня для котла, который нужен для курений и возлияний. В переднем углу был протянут шнур, увешанный лентами, а бубен просушивался над огнем. Брат Найдын пробовал звук, ударяя колотушкой. Потом на огнище насыпали можжевельник, мать полила молока на камни, побрызгала им в отверстие юрты и одела Найдын. Последняя в плаще и шапке стала на войлочек лицом к шнуру и спиной к огню и начала камлать — бить в бубен, раскачиваясь всем телом и извиваясь. Движения и удары бубна становились все быстрее, но ноги оставались неподвижными. Иногда Найдын кружилась на месте, и плащ с его ремешками и погремушками развевался вокруг нее широким конусом. По временам пляска прерывалась, и Найдын медленно обходила вокруг очага, на котором курился можжевельник, распространяя своеобразный приятный запах, и начинала петь. Голос ее был нежный, мотивов она исполняла много, но ее пение было заунывно и иногда переходило как бы в плач. По временам она издавала также свистящие, шипящие и гортанные звуки или

подражала ржанию лошади и крику кукушки. Это означало прибытие духов, подвластных шаманке и вызванных ею.

Камланье заканчивалось вне юрты, очень эффектно. Перед юртой расстилалась снежная поляна, мерцали звезды. Против дверей стояла белая лошадь, которую держали под уздцы: перед ее мордой на треноге курился можжевельник; между конем и юртой постлали войлок, и мать шаманки поклонилась коню и обрызгала его чем-то.

Затем вышла Найдын и начала бить в бубен. Лошадь храпела, но не рвалась, очевидно привыкла к обряду. Наконец шаманка, не переставая бить в бубен, отступила от лошади и, пятясь, вошла в юрту, обошла вокруг очага и начала бросать свою колотушку всем присутствующим на колени, не прерывая пения. Каждый получивший колотушку прикладывал ее ко лбу и подавал Найдын, которая снова била в бубен и опять бросала. Пение во время бросания состояло из предсказаний судьбы, очень иносказательных. Так, Найдын пела:

«Златоглавая моя змея Амарга! Пьющая воду из вершин рек! Шагающая по вершинам гор!»

«Левой рукой держусь я за радугу, правой за небо.»

«Шуба моя из лохмотьев, пища моя горька, как смола!»

«Тело мое велико, как гора; сердце мое крепко, как надмогильный камень!»

Обойдя всех, шаманка остановилась перед шнуром с лентами. Мать и брат сняли с нее плащ и шапку. Она корчилась и стонала, не переставая напевать. Успокоилась она, когда с нее все сняли. Она имела вид проснувшегося человека, но оправилась после сильной понюшки табака и чашки чая, которую ей подали.

Урянхайцы думают, что во время камланья ум шамана засыпает и в него входят духи. Бубен — это конь, на котором шаман улетает в мир духов. Чем громче удары, тем быстрее мчится шаман на этом коне.

***

Из Модон-обо экспедиция пошла по долине реки Улу-хем по лугам, степям и тополевым лесам и через пять дней подошла к заимкам (домам) русских купцов Веселкова и Сафьянова, где смогла отдохнуть в избах, поесть печеного хлеба и щей, помыться в бане. Эти купцы доставляли урянхайцам русские товары из Минусинского края через Саянские перевалы, а вывозили шерсть, кожи, соль, меха, шкуры дзеренов. Некоторые из них завели в крае прииски и добывали россыпное золото.

Выше заимки Сафьянова река Улухем образуется от слияния

двух больших рек Бейкема и Хакема, представляющих правое и левое верховье Енисея. Экспедиция решила итти вверх по реке Хакем и получила проводника от урянхайского князя, который предупредил, что выбранный путь очень труден. Этот князь, получив подарки — ружье, карманные часы и разную мелочь, сам приехал в лагерь. Это был мужчина средних лет в китайской шапке с павлиньим пером и курмой/32/ поверх халата; он приехал с двумя чиновниками — судьей и писарем, был очень сдержан и во время трудного разговора через проводника ни разу не улыбнулся. На следующий день он прислал с двумя сыновьями ответные подарки — два куска шелка, кусок далембы (бумажной материи), блюдо овечьего сыра и блюдо очищенных кедровых орехов. Кедр на северном склоне хребта Танну-ола не редок. Кроме проводника он прислал по просьбе Григория Николаевича молодого урянхайца, знавшего много сказок.

Экспедиция прошла недалеко по реке Хакем, так как выше эта река течет в щеках и дороги вдоль нее нет. Пришлось свернуть на северные склоны Танну-ола и итти по сплошной тайге, пересекая отроги хребта и глубокие долины левых притоков Хакема между ними. Узкая тропа часто была перегорожена упавшими стволами толстых деревьев, через которые верблюды не могли перешагнуть; приходилось перерубать их и оттаскивать, а также срубать деревья, мешавшие пройти вьюкам, посыпать песком скользкие места на косогорах. Поэтому подвигались медленно и до озера Тэри-нор, до которого от ставки князя по прямой линии 175 километров, шли с дневками весь октябрь.

Иногда приходилось перекладывать вьюки с верблюдов на лошадей и итти пешком. Выпадал снег, реки покрывались льдом. Вся местность была безлюдная, и только, подходя к озеру, встретили кочевавших на зимовку урянхайцев.

Из озера Тэри-нор, лежащего на северном склоне Танку-ола, вытекает Хакем и вскоре сливается с ракой Шишкит, верховье которой гораздо дальше на востоке и, в сущности, является левым верховьем Енисея. Вблизи озера находилась деревянная кумирня и домики лам. Озеро окружено лесистыми хребтами Хан-тайга, отрогами Танну-ола. Их гребень, острозубчатый и безлесный, был покрыт сплошным снегом.

С озера Тэри-нор экспедиция повернула на юг, перевалила в верховьях реки Балыкты, по глубокому снегу, во время метели, через Танну-ола в верховья реки Тайрис и затем, по плоским безлюдным горам, вышла к реке Агар и спустилась по ней к реке Тэльгир-морин.

Это была уже страна монголов-дархатов;[33] снега здесь было мало, корма хорошие, все реки уже замерзли. Местность была

живописная. Миновав Тэльгир-морин, экспедиция пошла па север, вверх по бассейну реки Бельтыс, поднялась до Улю-дава, перевалила через хребет Улан- тайга и пришла в монастырь Дархат. Последний находится у западного подножия хребта Баин-ола, отделяющего его от озера Косогола.

Монастырь состоял из деревянных бараков, в которых ламы жили только летом, а на зиму ставили во дворах юрты с железными печками. Отсюда Потанин с женой поехал налегке мимо озера Косогола в Иркутск, оставив животных экспедиции на зимовку у дархатов, под надзором переводчика Палкина, так как он надеялся вернуться весной и продолжать экспедицию.

Топограф Орлов уехал, распродав свой скот, еще с реки Агар, так как торопился на службу в Омск.

Но продолжение экспедиции не состоялось из-за осложнений с Китаем, и весной 1880 г. Потанин приехал к дархатам один, чтобы ликвидировать караван. При этом ему удалось объехать местность вокруг кумирни Дархат и озера Дод-нор, через которое протекает река Шишкит. Это обширная котловина, в которую выбегают отроги окружающих гор и вытекают притоки реки и озера. Дно ее частью степное на плоских высотах, частью луговое, болотистое, с перелесками вдоль рек. Высокое положение котловины и глубокий снег обусловливали ее безлюдность зимой; поэтому ламы монастыря запасались провизией на всю зиму. Летом дархаты приходили сюда на летовки и занимались также рыболовством в горных речках посредством остроги.

Итоги двух путешествий Потанина по Северо-западной Монголии были очень велики. Описание путешествий в виде подробных дневников составило два тома, и еще два тома были заполнены этнографическим материалами — записями легенд, сказок, поверий, загадок монгольских племен, урянхайцев и киргизов, описанием керексуров и каменных баб. Потанин определил высоту ряда пунктов, а его спутники топографы Рафаилов и Орлов — географические координаты; первый, кроме того, составил по одной карте к каждому из путешествий. Были собраны коллекции: очень большой гербарий, млекопитающие, птицы, рыбы, пресмыкающиеся, ракообразные, моллюски, насекомые, горные породы, вода из соленых озер. Результаты их определения помещены в приложениях к дневникам, которые сопровождаются также некоторыми рисунками, так как сухие фотографические пластинки и легкие фотоаппараты в те годы еще не были известны. В этнографических томах было тоже помещено много рисунков. Перечни главных представителей флоры и фауны, а также горных пород имеются и в тексте дневников, которые дают большой материал для характеристики

природы Монголии, ее населения и состояния русской торговли с монголами.

Глава X. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. ОТ ПЕКИНА ДО ГОРОДА ЛАНЬ-ЧЖОУ ЧЕРЕЗ СТРАНУ ОРДОС (1884—1886)

Задачи путешествия. Состав экспедиции. По Великой равнине. Состояние дороги, постоялые дворы. Великая стена. Монастыри У-тай. Пыльная буря. Город Гуй-хуа-чен, его значение и монастыри. Желтая река. Страна Ордос. Ставки князя Джунгор и ордосского вана. Усыпальница Чингис-хана и ее стража. Пески, озера и чай- дамы. Боро-балгагун. Перемена рабочих. Южная окраина Ордоса. Лессовая страна провинции Гань-су. Пещерные жилища. Мост через Желтую реку. Город Лань-чжоу

По возвращении из Дархатской земли Потанин отправился в Петербург и три года был занят обработкой материалов, собранных в Монголии и Урянхайском крае, и печатанием четырех томов описания путешествия, которые издавались Географическим обществом и вышли один за другим в 1881—1883 гг.

Уже с половины 1883 г. он начал готовиться к новой экспедиции. Географическое общество в это время снаряжало четвертую экспедицию Пржевальского в Тибет и предложило Григорию Николаевичу выполнить исследование восточной окраины Тибета и соседних провинций Китая Гань-су и Сычуань. Экспедиция должна была продвигаться вдоль окраины, избирая себе пункты временного пребывания в обитаемой полосе подгорья, и оттуда делать экскурсии: с одной стороны, на высокое и холодное нагорье Амдо, с другой — в теплые долины Гань-су и Сычуани, исследуя переходы от палеарктической природы Нагорной Азии к субтропической Китая.

В состав экспедиции вошли Потанин с женой, геодезист А. И. Скасси и зоолог Березовский, участник путешествия Потанина по Монголии, страстный охотник и наблюдатель. Он ставил себе задачей изучение и сбор фауны.

Скасси должен был определять географические пункты и составлять карту. Ботанические и этнографические наблюдения принял на себя Потанин с женой.

Экспедиция выехала в августе 1883 г. на военном фрегате

«Минин» из Кронштадта, проплыла вокруг Европы, через Суэцкий канал и Индийский океан и прибыла в начале марта в Батавию на Яве, где пересела на корвет «Скобелев», доставивший ее 1 апреля в г. Чи-фу в Китае.

Плаванье продолжалось семь месяцев.

Из Чи-фу китайский пароход перевез путешественников в Тянь-цзин, большой город в низовьях реки Бай-хэ, где началось снаряжение экспедиции, законченное в Пекине к концу мая.

В качестве слуг были приглашены три китайца Цуй-сан, Ли и Дэн, и наняты 17 мулов и пять лошадей для проезда в г. Гуй-хуа-чен. Снаряжение и наем обошлись, по незнанию страны, очень дорого.

Экспедиция жила в русском посольстве в Пекине, и все покупки и наем велись через китайских слуг посольства. А эти слуги получали в свою пользу большой процент с торговцев, как было принято во всех европейских посольствах, имевших китайскую прислугу. Даже если европеец сам отправлялся за покупками в китайские лавки, он платил за все дороже, потому что к купцу потом всегда приходил уполномоченный прислуги за процентом. Наем мулов под вьюк позже также оказался ошибкой, так как весь путь до Гуй-хуа-чена можно было сделать в телегах, что обошлось бы гораздо дешевле.

Вечером 25 мая 1884 г. экспедиция вышла из Пекина по большой дороге, которая идет по Великой Китайской равнине, отделяющей плоскогорье Северного Китая от моря. Эта равнина густо заселена и сплошь возделана; города и селения встречаются часто среди полей, обсаженных деревьями по межам. Везде видны также семейные кладбища в виде маленьких рощ или хотя бы группы деревьев вокруг могил. Китайцы очень чтят память предков, и каждая семья или род имеет свое кладбище на принадлежащей ему земле, куда привозят также гробы с останками членов семьи, умерших на чужбине, как упомянуто выше. На таком кладбище всегда имеется хотя бы самая маленькая кумиренка, в нише которой выставлены дощечки с именами почивших предков; перед ними в известные дни потомки ставят курительные свечи и совершают поклонение.

Большая дорога из Пекина в Бао-дин-фу, главный город провинции Чжи-ли (теперь Хэ-бей), по которой ехала экспедиция, когда-то была вымощена крупными плитами и называлась императорской. Но китайские богдыханы давно перестали заботиться о благоустройстве дорог, которые пришли в ужасное состояние; одни плиты вдавились в землю, другие перекосились, а по краям дороги отваливались, и ехать по ней было часто невозможно. Все ехали по грунтовой дороге, проложенной рядом,

по мягкой почве, лёссовому илу, составляющему почву равнины, в сухое время превращающемуся в пыль, которая поднималась тучами из-под колес и копыт. После дождей она представляла глубокую грязь, и бедные животные с трудом тащили шагом тяжелые китайские телеги с огромными колесами, рассчитанными на плохие дороги.

Первый же ночлег на постоялом дворе в селении познакомил членов экспедиции с этой неприятной стороной путешествия по Китаю. Там, где вся земля занята пашнями. нет свободного места, чтобы поставить палатки.

А если такое место найдется на окраине селения или среди развалин, которых немало даже в городах, то для животных каравана, все равно, не будет пастбища, и корм придется покупать в селе. Поэтому приходилось ночевать на постоялых дворах, заменяющих гостиницы; последние имеются только в портовых и других городах, в которых много европейцев. Китайский постоялый двор — действительно двор, обстроенный со всех или с трех сторон одноэтажными домами и навесами с яслями для животных. Дома разделены на отдельные комнаты; всю заднюю половину каждой комнаты занимает кан, т. е. лежанка, знакомая читателю по г. Кобдо; она покрыта соломенной цыновкой, на ней путешественники сидят, едят и ложатся спать, развертывая свои войлоки или матрасики, подушки и одеяла.

Возле двери в комнате большое окно, заклеенное бумагой вместо стекол; иногда небольшое окно над дверью. Но часто, особенно в глухих местах, окна нет, и в комнате темно, если дверь закрыта. В городах в комнате иногда бывает стол и стул — единственная мебель. Пол большею частью земляной, пыльный; редко он бывает сложен из каменных плит. Потолок заменяет плоская крыша дома из тростника или хвороста на жердях, сверху покрытая слоем глины, а снизу подшитая бумагой или бумажной материей. Стены большею частью небеленые. Дверь никаких замков или запоров не имеет.

В части дома, выходящей на улицу, возле ворот, всегда расположена кухня постоялого двора и помещение семьи хозяина. На кухне можно получить чай и китайские кушанья или согреть свой чайник и сварить в своей посуде еду из дорожной провизии или купленной в соседней лавке. Кто берет чай и кушанье из кухни, тот получает посуду — чашки, тарелочки и палочки, заменяющие вилку; кто готовит свое, должен иметь собственную посуду. За комнату, корм для животных, огонь для варки чая и пищи и топливо для кана в холодное время года нужно платить

Цены на все это в те времена были небольшие, а за корм и

постой животных платил подрядчик, везший экспедицию. На таких постоялых дворах Потанин с сотрудниками и ночевал все время, пока ехал по внутренним провинциям Китая.

Большая дорога по равнине была очень оживлена; постоянно встречались легкие и грузовые двухколесные телеги, целые караваны мулов и верблюдов с разными товарами, отдельные всадники, ослики с мешками угля, пучками хвороста, корзинами с овощами, за которыми бежали их хозяева или погонщики.

В телегах часто были запряжены рядом разные животные: в оглоблях — мул, в пристяжках с одной стороны лошадь, с другой — осел. Попадались и телеги, которые медленно тащились волами. Часто видны были нищие; они сидели у дороги с чашкой на коленях. Иные, завидев караван, выбегали на дорогу и, падая на колени, кланялись до земли.

Постоянно попадались собиратели свежего навоза — старики, старухи, дети; на спине у них была корзина, а в руке лопаточка, которой они быстро подхватывали лепешки и шары, оставленные проходившими животными, и перебрасывали в корзину. Это было удобрение для полей или топливо для канов. Благодаря этим собирателям на больших дорогах в Китае навоз не залеживается.

Очень досаждала экспедиции, ехавшей верхом, пыль, которая вздымалась на дороге; время было сухое, и ехали все время в облаках пыли; остановившись днем на обед или вечером на ночлег, путники прежде всего должны были основательно помыться, что совершалось прямо на дворе.

В одной деревне на постоялом дворе к путешественникам пришли певицы: сначала девочка лет двенадцати, а когда ее приласкали, появились две взрослые «хуа-ньян», т. е. барышни-цветы. Они пели фальцетом, аккомпанируя себе на гитаре. Китайская музыка и женское пение фальцетом были для путешественников новостью, и они слушали с интересом

По дороге в Бао-дин-фу во всех попутных деревнях около дверей были вывешены зеленые ветки. В этот день китайцы праздновали избавление своего округа от избиения. Какой-то богдыхан осадил город и, чтобы избавить своих приверженцев от смерти, велел им выставить у домов зеленые ветви. С тех пор празднуют годовщину этого события.

В городах, где улицы были полны народа, экспедиция подвигалась с трудом, раздвигая толпу. Вид чужестранцев возбуждал большое внимание, и нередко слышались крики «ян-гуй-цзе», т. е. заморский чорт. Так китайцы часто называли европейцев, даже без намерения оскорбить их.

Шесть дней экспедиция ехала по большой дороге и затем повернула на запад, к горам. Плоскогорье, примыкающее к

равнине, расчленено глубокими долинами; местами над ним, особенно в северной части, поднимаются еще горные цепи. Местность стала более живописной, на склонах появились скалы, небольшие рощи; немногие селения или отдельные фанзы виднелись высоко над долинами.

В одном селе весь скат горы был покрыт ярусами глиняных горшков, глазурь которых сверкала на солнце. Это была своеобразная выставка местного производства.

Дорога несколько раз переваливала из одной долины в другую, постепенно поднимаясь выше. У одного селения путешественники увидели Великую Китайскую стену — не главную, которая отделяет внутренние провинции Китая от Монголии, а ее ветвь, которая тянется по границе между провинциями Чжили и Шаньси.[34]

Стена, увенченная зубцами, тянулась без перерыва, поднимаясь и спускаясь по склонам гор. Там, где она пересекала дороги, в ней имелись квадратные башни с двойными воротами. Прежде в башнях жила стража, охранявшая границу; но надобность в страже давно миновала и башни разрушились, а ворота были всегда открыты. Только на торговых главных путях эти башни служили заставой, на которой китайский чиновник получал известную плату за провоз из одной провинции в другую, Стена, сложенная из тесаного камня, сохранилась еще хорошо.

Миновав стену, экспедиция вскоре пришла в монастырь У-тай, место паломничества буддистов, китайцев и, монголов. Еще вдалеке от него Григорий Николаевич заметил одного паломника, который передвигался наподобие гусеницы. Он поднимал руки к небу, становился на колени, падал ниц во всю длину, подтягивал под себя колени, опять вставал, воздевая руки, и т. д., измеряя своим телом весь путь к монастырю. При таком способе он должен был употребить еще месяц, чтобы добраться до цели!

Монастырь У-тай был расположен на южном склоне хребта У-тай-шань (пять поклонных гор) в верховьях живописной долины; постройки окружали холм, на котором также были видны здания. Бросалась в глаза белая башня в 60 метров, представлявшая «субурган»[35], или «ступу», и высившаяся среди монастырских построек.

Ее верхушка была окружена несколькими рядами бахромы с колокольчиками, которые даже при слабом ветре издавали мелодичный звон. Монастырь состоял из нескольких кумирен с жилищами лам при них: эти кумирни составляли отдельные обители с разными названиями и были посвящены разным божествам.

Потанин и его спутники осмотрели все кумирни. Одна из них

была посвящена Нго-фое, злому богу; в ней находилась деревянная сидячая фигура с горбатым заостренным носом, а позади нее в трех нишах три безобразные фигуры, одна из которых имела множество глаз и рук. В другой кумирне обращал на себя внимание цветок вроде тюльпана с двухметровыми лепестками, вырезанный из дерева; внутри его был пестик с четырехгранной завязью, а в каждой грани — углубление с фигурой божка Пу-сы. Справа и слева от цветка находились столики со статуэтками богов. У боковых стен были полки, на которых лежали Тибетские богословские сочинения, пачками завернутые в ткани. Чудом У-тая считалась медная кумирня; она вся состояла из медных плит с рельефными изображениями Пу-сы; на каждой плите были изображены 126 Пу-сы в 18 рядах, каждая фигура имела 20 сантиметров высоты. Внутри находилась медная сидячая фигура Вынь- шу-пу-са, перед ней медный жертвенник в виде лесенки с семью серебряными вазами для воды и четырьмя медными башенками.

Во время посещения монастыря Скасси расставил фотоаппарат, чтобы снять белую башню с соседней горы. Тотчас же отовсюду сбежались зрители. Сначала это были мальчики лет пяти-шести, будущие ламы, с бритыми головами; некоторые были опрятно одеты, другие — грязные. Они обступили Скасси и мешали ему. Чтобы отвлечь их внимание, жена Потанина села по соседству и начала рисовать картинки — цветы, головки. На детских лицах интересно было наблюдать смену выражений — удивление, ожидание, радость. Когда Александра Викторовна очинила карандаш и спрятала ножик в карман шаровар, мальчики были поражены тем, что он не вывалился в отверстие у ступни. Они не имели понятия о карманах в одежде. Постепенно пришли и взрослые ламы, но их больше занимали действия фотографа.

В одной из кумирен шел ремонт; статуи богов были сдвинуты, а руки и ноги, отделенные от статуй, сложены в кучу на жертвеннике, напоминавшем анатомический театр. В другом месте скульптор изготовлял новые статуи. Сначала делался из обрубков дерева болван, члены которого были соединены проволокой, так что им можно было придать разное положение. Потом обрубки обматывались соломой для округлостей и обмазывались глиной. Готовую статую покрывали красками или позолотой.

Среди монастыря был и поселок с узкими и кривыми уличками и лавчонками, в которых китайские купцы торговали разными вещами, нужными для даонахов и паломников.

У-тай — самое священное место для буддистов Северного Китая и даже Монголии. Его ламы, странствуя по соседним

провинциям для сбора подаяний, рассказывают о славных святынях и побуждают к паломничеству. Вся земля вокруг монастырей (принадлежит им и сдается в аренду крестьянам за высокую плату. Она была пожалована монастырям одним императором, который, приехав в У-тай, застал главного ламу сидящим на дереве. На вопрос богдыхана, почему он проводит время на дереве, хитрый лама ответил, что у него нет земли, на которой он мог бы поселиться, даже нет клочка, чтобы разостлать на нем платок вместо ковра для молитвы. Богдыхан велел ему слезть и обещал подарить землю, которую покроет платок. Лама слез и расправил платок, который чудом покрыл всю площадь между пятью священными горами. Так У-тай получил свою землю.

Экспедиция провела шесть дней в У-тае и затем отправилась дальше. Она перевалила через хребет У-тай-шань, после чего пересекла еще несколько кряжей северной части провинции Шаньси по дороге в Гуй-хуа-чен. На одном из ночлегов в этой местности, не посещавшейся европейцами, приезд путешественников вызвал большое волнение. Толпа запрудила весь двор, а так как чужестранцы зашли в комнаты и не выходили, любопытные, столпившись у окон, начали делать дырки в бумаге, чтобы взглянуть на «заморских чертей», потом оборвали всю бумагу и даже совсем вынули рамы. С трудом удалось вытеснить толпу из двора, запереть ворота и забаррикадировать их бревнами, приставив караульных слуг.

На пути к г. Дай-чжоу экспедиция испытала сильную бурю. Около полудня начался резкий ветер, дувший навстречу. Горизонт потемнел от пыли. Потом появились широкие вихри крутившейся пыли по долине и но склонам, и, наконец, все скрылось в пыли. Ветер был горячий, он грел лицо и сушил губы; мелкие песчинки били по лицу и слепили глаза. Против ветра подвигались с трудом, пригнувшись к седлу. Только к пяти часам ветер ослабел и дул порывами. Температура держалась выше 30°; поздно вечером она опустилась до 27°.

В одной из деревень пришлось простоять восемь дней из-за болезни Потанина. Хозяин постоялого двора чуть не выгнал экспедицию, поведение которой показалось ему подозрительным. Скасси смотрел по ночам на луну (вернее — на покрытие ею звезд) для определения широты, а жена Потанина собирала растения по окрестностям, и хозяин боялся, что заморские люди наворожат ему какие-нибудь несчастья.

На этом пути пересекли еще одну ветвь Великой стены, а затем главную стену, на границе с Монголией. Здесь башня с воротами была в полной сохранности и запирала проезд по дну

долины. Возле нее стоял на возвышении ямын местного чиновника, сборщика пошлин; но самая стена была сильно разрушена. Поздно вечером 5 июля экспедиция прибыла в Гуй-хуа-чен, где с трудом нашла место в переполненных постоялых дворах, переезжая в темноте от одного к другому. Ночью кто-то украл несколько седел, а на следующий день экспедиция переселилась в подворье католической миссии, где патер Кейла отвел ей флигель на отдельном дворе. После грязи и беспокойства постоялых дворов путешественники могли отдохнуть и помыться на просторе и в тишине. Ворота подворья держали все время на запоре.

Гуй-хуа-чен, по-монгольски Куку-хото (голубой город), представлял крупный торговый пункт, в котором снаряжались караваны в Джунгарию, Кобдинский округ, а также в Западную Сибирь и через который везли товары туда и обратно. Он состоял из двух городов—старого и нового; в последнем жил китайский губернатор и помещалось войско. В старом городе жили купцы; центр города был обнесен зубчатой стеной с башнями по углам и над воротами, как принято в Китае, но эта часть его обросла предместьями, которые занимали в семь раз большую площадь; вся главная торговля, оптовые склады и лучшие магазины находились в предместьях. В них было несколько рынков, до 200 чайных фирм, около 16 монастырей и кумирен, посвященных разным божествам. Одна кумирня была посвящена богу войны, царю мертвых, богу врачей, богу лошадей и богу дождя, другая — богу торговли; в нее приходили купцы молиться о барышах. Третья кумирня была выстроена в честь солнца и луны. Четвертая называлась храмом ворожей; в нее приходили советоваться о болезнях, потерях, войне и вынимали из урны деревянные таблички с предсказаниями, смысл которых искали в особой книге. Были кумирни в честь Конфуция и в честь бога актеров.

Потанин посетил некоторые кумирни и встречал в них любезный прием, если его слуга клал деньги на алтарь. Тогда ламы просили его собственноручно зажигать масляные лампады и охотно объясняли название богов, статуи которых стояли у стен. В архитектурном отношении наибольший интерес представляла кумирня У-та-сы (пяти башен), хотя она была запущена и наполовину состояла из развалин; в ней в отдельном дворе возвышался высокий храм тибетской архитектуры, разделенный выступами на семь этажей с барельефами богов, по 140 в каждом. Здание было увенчано пятью башнями, из которых средняя имела семь этажей, угловые по пяти этажей, нижние этажи их имели ниши со статуями богов. Во внутрь здания вела огромная арка.

Во дворе одного монастыря Потанин увидел здание, которое

только что отделывали; все простенки, двери, потолки и карнизы этого здания были покрыты пейзажами и сценами из китайской жизни — не духовными, а светскими. Он думал, что это — помещение для почетных гостей, но ему объяснили, что оно назначено для нового гэгэна, которого ждут из Тибета. Последний гэгэн этого монастыря умер уже восемь лет назад и только теперь возродился в Тибете. Позже путешественник убедился, что в других монастырях кельи монахов украшают не религиозными, а светскими картинами по китайским образцам. Национальное искусство у монголов в то время еще не развилось.

Потанин совершил также поездку в окрестности города; неподалеку от него высился огромный холм, насыпанный из глины, с крутыми боками. Его назвали Чао-джюн-фын. По словам одних, он был насыпан над могилой императрицы династии Хань, выданной в Монголию замуж по договору после войны и умершей на чужбине, а по рассказам других, здесь была погребена одна из жен Чингис-хана, которая тяжело ранила его и утопилась в Желтой реке.

Гуй-хуа-чен очень древний город, испытавший много превратностей судьбы во время войн между монголами и китайцами. По преданию, он обязан своим именем тому, что в древности здесь жила огромная черепаха (гуй по-китайски). Монголы пытались убить ее, но не могли. Они узнали, что если на этом месте построить город, он раздавит ее своей тяжестью, но средств для постройки не имели. Поэтому они подарили землю императору Кань-си с условием, чтобы он построил город. Так возник китайский город на монгольской земле, но доходы с земли, по распоряжению Кань-си, поступали в пользу монголов племени тумут.

Экспедиция провела в Гуй-хуа-чене 25 дней, собирая сведения о торговле, о монастырях и кумирнях и организуя караван для дальнейшего пути. Двух китайских слуг, взятых в Пекине, пришлось рассчитать. Один оказался курильщиком опиума, а другой чем дальше, тем больше важничал и хотел играть роль не слуги, а распорядителя суммами экспедиции, не забывавшего и свой карман.

Потанин искал теперь монголов, более приспособленных к путешествию, чем городские китайцы, и более нужных для собирания сведений по географии и этнографии. Вместо палаток экспедиция имела верхние части монгольских юрт — обахаи, состоявшие из верхнего круга и стрел (кривых палок), которые одним концом упираются в землю, а другим засовываются в верхний круг и покрываются войлоками. Для устойчивости эти обахаи требовали переделки. В полной юрте они привязываются к

решетке, составляющей низ юрты. Обахай для перевозки легче, чем полная юрта, но верхний круг должен быть очень легкий, иначе под напором ветра он приходит во вращательное движение, обахай спиралью скручивается и садится на головы обитателей. Обахай тяжелее палатки, но он поместительнее, непромокаем, защищает от солнца летом и может отапливаться. В Пекине удалось найти только тяжелые верхние круги, распространенные в южной Монголии; их нужно было заменить более легкими, так как предстоял путь по странам, где не было постоялых дворов.

31 июля экспедиция вышла из (Гуй-хуа-чена на юг, к Желтой реке, по обширной равнине, населенной китайцами и монголами-тумутами; те и другие были земледельцы. Тумуты сильно окитаились, говорили по-китайски, жили оседло в фанзах, которые отличались от китайских только флагами с буддийскими молитвами, поставленными на крышах. Женщины сохранили монгольские головные уборы и серьги, а в пище сохранилось употребление молока, совершенно отсутствующее у китайцев. На пути члены экспедиции видели валы и остатки старого города, которые упоминаются уже путешественниками XVII и XVIII веков. Через Желтую реку в Хэкоу переправились на двух больших лодках. Вода этой реки имела буро-желтый цвет (откуда и название ее Хуанхэ, т. е. Желтая река) от ила, который она несла в количестве 3—4%. На переправе было много хлопот с 16 верблюдами: они не желали перешагивать через высокие борта лодки, ревели и плевались.

За рекой экспедиция вступила в пределы Ордоса. Эта страна занимает северную половину площади огромной излучины, описываемой Желтой рекой, которая, выходя из пределов Китая, обрезала от Монголии южную часть ее степей и потом опять повернула в Китай. Ордос занят большими площадями сыпучих и заросших песков, степями, плоскими горными грядами, а на западе более высокими горами; он населен монголами, а по южной и восточной окраинам — также китайцами. Он был разделен на семь хошунов (княжеств), которыми управляли князья из потомков Чингис-хана. Старший из них имел титул «вана».

Экспедиция прошла на юго-запад вдоль восточной окраины Ордоса и после двух переходов прибыла к стоянке князя хошуна Джунгор, представлявшей глинобитный городок и отдельные усадьбы, окруженные деревьями. Окрестности были очень унылые со скудной растительностью на песчаных холмах и пересыхающей речкой. Князь принял путешественников в отдельной усадьбе, перед воротами которой стояли две высокие мачты — обычное отличие жилищ важных чиновников. Передняя часть двора

представляла цветник и сад из нескольких деревьев. В усадьбе комнаты были уставлены хорошей мебелью, стены увешаны картинами. Но это был приемный дом, жил же князь в городке. Он считался образованным человеком, интересующимся европейцами. Князь особенно любил часы и имел коллекцию их в 200 штук, занимался их разборкой и сборкой, а также слесарным делом. Он принял путешественников очень любезно, дал им конвой из пятерых монголов и распорядился, чтобы все князья давали конвой при проезде экспедиции через их хошуны.

Князь сам посетил лагерь экспедиции в простом костюме, с интересом рассматривал инструменты, книги и карты, расспрашивал о задачах путешествия и, узнав про фотографический аппарат, просил снять его и всю его семью, состоящую из старой и молодой жены и двух сыновей. Последние также приходили в гости и вели себя очень просто, но за каждым из них ходило несколько слуг. Один нес собачку, другой — кисет, третий — дождевой зонт. Всего чаще посещала лагерь молодая жена князя; она приходила со слугой, который нес ведро простокваши для обеда приезжих. Александра Викторовна ходила также в гости к женам князя и обедала у них в городке, где обстановка была проще и уютнее. В доме князя, в одной из комнат, была библиотека монгольских и китайских книг, в другой — коллекция часов, в третьей — слесарный станок.

Экспедиция провела четыре дня в ставке и отправилась дальше. На пути к следующей ставке, занявшем шесть переходов, пришлось пересекать многочисленные овраги, образующие сети, связанные с долинами нескольких речек, текущих на восток, к Желтой реке, но начинающихся в пределах Ордоса. Долины этих речек имели крутые склоны в 100—150 метров высоты и широкое песчаное дно, по которому еле струился небольшой мелкий ручей; самый большой из них имел 2 метра ширины и 5 сантиметров глубины. Жители Ордоса рассказывали о чуде, совершенном одним великим святым, который заставил эту речку потечь вверх по долине. Григорий Николаевич по поводу этого замечает, что святому не пришлось израсходовать много чудотворной силы на это чудо, так как течение реки очень медленное.

В этой местности экспедиция встречала не только монголов, но и китайцев; последние занимались земледелием и жили в отдельных усадьбах и небольших деревнях, частью в фанзах, частью в пещерах, вырытых на склонах оврагов. Монголы жили также в фанзах или в мазанках из плетня; юрты виднелись редко. Миновали также монастырь Джунгор-чжао, самый крупный в хошуне, имевший до семисот лам. Видели также могилу жены

Чингис-хана в виде двух юрт, поставленных плотно одна к другой; в задней хранились останки. Юрты были огорожены грубым плетнем, и возле них стояло до десятка мазанок монголов — хранителей святыни.

25 августа экспедиция пришла к ставке ордосского вана, старшего из князей. Он был болен, принимал лекарства, и лечившие его ламы боялись, что близость европейцев плохо отразится на течение его болезни. Поэтому ван отказался принять путешественников; он послал навстречу экспедиции чиновника, который отвел место для ее стоянки в 7 километрах от ставки, из опасения вредного влияния чужестранцев на состояние здоровья вана. Этот чиновник остался при экспедиции и протестовал, если кто-нибудь из путешественников намеревался прогуляться в сторону ставки; он выражал беспокойство, даже если кто-нибудь из них упорно смотрел в ту сторону.

В 10 километрах от места стоянки находилась святыня всего Ордоса — Ихэ-еджен-хоро, юрта с останками самого Чингис-хана. Осмотреть ее разрешили и дали проводника.

Святыня представляла собой две большие нарядные юрты, отличавшиеся от обыкновенных острой верхушкой (вместо отверстия для выхода дыма, конечно, не нужного в усыпальнице) и стоявшие плотно рядом. Они были окружены высокой оградой с навесами, но часть ее развалилась от ветра. По соседству стояли жилые юрты тархатов, хранителей святыни; это особое сословие насчитывало до 50 дворов, было избавлено от всяких повинностей и налогов и пользовалось почетом. Тархаты, кроме охраны, были заняты разъездами по Ордосу и соседним землям для сбора дани на содержание усыпальницы (и ее хранителей) и возили с собой знамя и меч Чингис-хана. Подъехав к какому-нибудь дому или юрте, они водружали перед собою знамя, втыкали в землю меч, рукоятка которого была обвешана шелковыми платками, ставили серебряную чашу и, прочитав молитву, спрашивали хозяина: «Ты что даешь Чингису-богдо — корову, лошадь или серебро?» Они не просили, а требовали дань.

Тархаты приняли экспедицию любезно, отвели для нее юрту, позволили сфотографировать усыпальницу, внутрь ее не пустили. У ее входа разостлали войлок, на который стали на колени двое лам, оставив между собой место для Потанина. После того как все трое совершили троекратный поклон, из дверей юрты высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горящим маслом. Потанину велели взять блюдо и подержать его. Потом опять совершили три поклона, и этим все кончилось. Григорий Николаевич успел рассмотреть только, что в первой юрте был стол с пятью горящими лампочками; позади

каждой из них стоял железный щиток с надписями. Над ними на стене висело зеркало, вероятно закрывавшее вход в заднюю юрту, загороженный также столом.

После поклонения Григория Николаевича угощали чаем и расспрашивали, кто он, — сиян (западный человек) или представитель другого народа. Тархатов интересовал вопрос о народе нохой-ирит, который живет на крайнем западе, западнее сиянов; у него мужчины имеют вид собак, и только женщины похожи на людей.

В Ордосе более чем где-либо сохранились память о Чингис-хане и легенды о нем. Так, здесь говорили, что он не умер, а только спит, лежит в одной из кумирен, в серебряном гробу, под желтым покрывалом. Каждый вечер ему ставят жареного барана, и к утру он его съедает. Со дня его смерти прошло 650 лет, а до воскресения осталось 300 лет. Время воскресения определил сам Чингис-хан. К этому времени в Китае также воскреснет богатырь, с которым Чингис-хан сразится, победит его и освободит свой народ от подчинения Китаю.

Пять переходов до следующей ставки князя Ушин шли по холмистой равнине, представлявшей много мелких и крупных озер, рассеянных среди площадей песков, то голых и сыпучих, то более или менее заросших; попадались также речки, соединявшие озера друг с другом, и луговые площади вокруг озер. Кое-где были небольшие монастыри.

Князя Ушин путешественники не видели, он куда-то уехал, а может быть просто не хотел принимать их; им передали, что он относится враждебно к иностранцам. По владениям этого князя путешественники шли 11 дней до миссии Боро-балгасун, на южной окраине Ордоса.

Местность представляла равнину с глинисто-песчаной почвой, из которой местами выступала вода, образуя мелкие озера или лужи, окруженные лучшей растительностью и являвшиеся пастбищем. Встречались песчаные пространства в виде подвижных барханов и небольшие речки. На пути экспедиция видела два монастыря. Местность была населена монголами и китайцами; последние занимались земледелием, жили отдельными усадьбами и небольшими поселками. Их пашни страдали от заноса песка с барханов, которые местами наступали вплотную и на поселки, засыпая деревья и стены фанз.

Боро-балгасун представлял развалины довольно большого города, окруженного стеной и занимавшего площадь в 800x1000 шагов. Стена, когда-то одетая кирпичом, большею частью уже превратилась в вал; ворота сохранились без кровли. Внутри только в одном углу были еще остатки зданий, среди которых

находился ханский дворец; кое-где виднелись плоские бугры и холмы. Часть старого города была занята большим домом католической миссии с церковью и мазанками монголов-христиан.

Местные жители не могли сказать Потанину, когда город был построен, а разрушение его, как и других городов Ордоса, приписывали Чингис-хану.

Экспедиция возлагала большие надежды на помощь миссионеров Боро-балгасуна в отношении найма надежных рабочих-монголов. Китайские слуги, взятые в Пекине, как мы уже упоминали, оказались как городские жители мало пригодными для путешествия. Курильщика опиума рассчитали в Гуй-хуа-чене, а второй, Ли, который важничал и был своекорыстный, сам покинул экспедицию уже в Ордосе, вероятно, опасаясь показаться в миссии; третий, Цуй-сан, был хорошим слугой в городских условиях; но ни он, ни Ли не желали и не умели заботиться о лошадях путешественников и о целости снаряжения. Когда экспедиция подошла к Боро-балгасуну, половина седельного прибора оказалась разворованной; седла были без стремян или с деревянными стременами вместо железных, узды без удил и даже без поводьев.

По Ордосу экспедиция шла от ставки до ставки с конвоем из монголов, который давали князья и который менялся. Конвоиры и соблазнялись седельными приборами, которые никто не берег. В Китае на постоялых дворах и при покупках путешественники, находившиеся в зависимости от своих нерадивых и своекорыстных слуг, переплачивали лишние деньги и вообще играли роль неопытных обкрадываемых чужеземцев. Это нужно было прекратить, так как иначе экспедиции грозил преждевременный конец за истощением отпущенных ей денег.

Бельгийские миссионеры выручили экспедицию. Они выбрали из своей паствы трех надежных монголов: Очира, Омолона и Пурина, которые оправдали доверие и сопровождали экспедицию до весны. Кроме них поступить на службу в экспедицию согласился еще старый монгол Сантан-джимба, опытный в путешествиях. Родители хотели сделать его ламой и отдали в монастырь; но здесь учитель так жестоко обращался с ним, что мальчик сбежал, скитался по Монголии и, наконец, попал в миссию, где вырос и принял христианство. С миссионерами при их разъездах он побывал и в Пекине, и в Манчжурии, а затем, в качестве слуги, сопровождал Гюка и Габэ в 1844—1845 гг. во время их путешествия из Пекина в столицу Тибета Лхассу, где власти посадили его в тюрьму за измену буддийской вере и выпустили только при отъезде миссионеров.

Позже Сантан-джимба сопровождал еще миссионера-зоолога Давида, исследовавшего южную окраину Монголии, и дважды побывал в Кяхте, сопровождая из Пекина французского посланника и итальянского купца. Хотя ему было уже 68 лет, он был еще вполне здоровым и подвижным человеком; его пригласили в экспедицию в качестве посредника для сношений с китайскими чиновниками ввиду его опытности и знания китайского языка и для общего руководства рабочими. Он оказался очень полезным.

Автор этой книги также видел Сантан-джимбу девять лет позже в том же Боро-балгасуне у миссионеров и хотел его пригласить в свою экспедицию. Хотя старик был еще бодр, но ему было уже под 80 лет, и он не решился на новое путешествие.

Экспедиция провела в миссии пять дней, собирая у миссионеров, хорошо знакомых с Ордосом, сведения об этой стране и ее монгольском населении. Целая глава в отчете Потанина посвящена монголам Ордоса. Она содержит исторические данные о них, описание их жилищ, одежды, пищи, земледелия, охоты, семейных и общественных обрядов, верований и празднеств.

Из Боро-балгасуна экспедиция пошла дальше по южной окраине Ордоса до г. Хуа-ма-чен. К северу от дороги тянулся пояс сыпучих песков, покрывающий южный Ордос. На юге виднелись плоские горы, покрытые большой толщей лёсса, буро-желтого суглинка, который китайцы называли хуан-ту, т. е. желтая земля, и который тождественен с желтоземом Украины. Этот лёсс постепенно образовался в результате накопления мелкой песчано-глини- стой пыли, которую ветры приносили и приносят из Гоби на окружающие ее степи. Весь Северный Китай покрыт этим лёссом, образующим очень плодородную почву; из него в смеси с водой лепят ограды полей, стены зданий и делают кирпичи, черепицу, горшки. В толщах лёсса, очень мягкого, легко выкапывают подземные жилища, и в Северном Китае целые селения являются подземными. В жизни китайца Севера лёсс имеет большое значение; предполагают, что именно поэтому желтый цвет — священный и национальный цвет Китая.

Дорога, по которой шли путешественники, была проложена в промежутке между песками, с одной стороны, и горами, покрытыми лёссом, — с другой. Путешественники миновали несколько небольших городов, окруженных зубчатыми стенами, но содержавших больше развалин, чем жилищ. Попадались также поселки и отдельные фанзы китайских земледельцев и их пашни, однако чаще встречались пустыри и сухая степь на горных отрогах. На севере тянулась Великая стена, которая здесь, вдали

от столицы, состояла из сырцового кирпича или просто была сбита из лёсса, как и башни, поднимавшиеся над ней на некотором расстоянии друг от друга. Стена сильно пострадала от времени, местами полуразвалилась, местами барханы песка, нанесенного ветрами с севера, перекрывали ее и вздымались высоко вокруг стен городов. За стеной, вдоль окраины песков, видны были солончаки и кое-где соляные озера, на более крупных добывали соль, которая белела кучами на берегах. Путешественники заметили бродившие за стеной стада дзеренов и узнали, что зимой эти антилопы собираются тысячами на лёссовых горах к югу, где корм лучше, чем в Ордосе, а снега меньше. Григорий Николаевич по пути наблюдал форму и расположение песчаных барханов и в отчете, посвятив им несколько страниц и рисунков, рассмотрел вопрос о происхождении песков, занимающих так много места в Ордосе.

От Хуа-ма-чена экспедиция поднялась на лёссовые горы и целый месяц (октябрь) шла на запад и юго-запад по плато восточной части провинции Гань-су, покрытому большой толщей лёсса, расчлененного бесчисленными оврагами и долинами нескольких рек. До Лин-чжоу горы были плоские и местность мало населенная, попадались еще пески; в этом городе Потанин отметил целый лес из джигды (жужубы), яблонь, персиковых и абрикосовых деревьев, окружавший стену с двух сторон; среди леса стояла многоэтажная башня. Вдали видна была долина Желтой реки.

От этого города путь резко повернул на юг, где он пересекал долины мелких притоков этой реки и промежуточные между ними лёссовые горы и овраги; довольно часто попадались китайские поселки и города, но встречалось также много развалин. Большая часть населения этой местности имела не китайский, а тюркский тип; это были дунгане, китайские мусульмане, которые являлись древними выходцами из Туркестана, но сохранили только свою веру, а язык, жилища и одежду переняли китайские. Часто видны были черные и седые бороды — очень редкие у китайцев.

В долинах попадались залитые водою рисовые поля, рощи и сады. В некоторых селениях люди жили в пещерах, вырытых в обрывах лёсса. Пещера, заменявшая фанзу одной семьи, представляла галлерею, шедшую в глубь лёсса. Вход в галлерею был закрыт стенкой из сырца с дверью и окном над ней или возле нее. Передняя часть пещеры была занята каном, который топился снаружи, а задняя часть имела ясли для скота. Постоялые дворы в таких селениях также состояли из нескольких пещер, вырытых друг возле друга с промежутками, и путешественникам часто

приходилось ночевать вместе со своими лошадьми и верблюдами в одной пещере. Встречались и нежилые, уже разрушавшиеся пещеры. Иногда в поселках трудно было достать корм для животных; в поселках, расположенных высоко на склонах, приходилось платить за воду, так как ее приносили издалека. Топливом местами служил каменный уголь, добывавшийся в ближайших угольных копях.

В конце этого пути дорога спускалась к Желтой реке, которая пересекает лёссовое плато по ущелью, местами непроходимому. Два дня шли по правому берегу, затем переправлялись на левый в большой лодке, которая вмещала только шесть верблюдов, так что лодка должна была ходить пять раз туда и обратно, чтобы перевезти всю экспедицию.

За перевозом опять углубились в горы, покрытые лёссом, и через два перехода спустились к Желтой реке против г. Лань-чжоу, столицы провинции Гань-су. Здесь через реку вел пловучий мост на судах, привязанных к большим канатам, протянутым поперек реки. Канаты образовали в связи с сильным течением дугу, так что мост был кривой. Но хуже было то, что настил был из тонких бревен, ничем не скрепленных друг с другом и шевелившихся под ногами. Поэтому верблюды боялись ступать по ним, и перевод их потребовал много хлопот и времени.

На всем этом пути по горам экспедицию сопровождал небольшой конвой из китайских солдат, сменявшихся в каждом городе. На постоялых дворах конвой охранял путешественников от любопытных, собиравшихся толпами, чтобы взглянуть на «заморских чертей», никогда еще не посещавших этот глухой угол провинции. В каждом городе, при смене конвоя, экспедиция посылала паспорта с Сантан-джимбой в ямын.

Лань-чжоу — очень большой, окруженный садами город, расположенный на правом берегу Желтой реки. Он ограничен с юга склонами хребта Гуан-шань, на которых в разных местах красиво лепятся кумирни. Лань-чжоу является резиденцией генерал-губернатора провинции Гань-су: в него сходятся с разных сторон большие дороги; его торговый оборот очень велик. Экспедиция сначала поместилась в тесном постоялом дворе, но затем перебралась в католическую миссию, где холостым членам отвели комнаты, а Потанину с женой нашли тихий постоялый двор по соседству.

Экспедиция на зимние месяцы разделилась. Скасси остался в миссии вычерчивать свои съемки. Березовский уехал в город Хой-сянь в горах на юго-востоке, где были лучшие условия для охоты, а Григорий Николаевич с женой и Сантан-джимбой отправился на зимовку на родину последнего, в местность Сань-чуань в горах

Нань-шаня на западе, где рядом жили племена монголов-широнголов и саларов, а также тангуты, изучение которых представляло для Потанина большой интерес.

Глава XI. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. ПО ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ТИБЕТА (1884—1886)

Лессовое плато и террасы. Племя саларов. Зимовка в Сань-чуане. Широнголы. Дорога в Си-нин. Прием у губернатора. Тангутский конвой. Гостеприимство тангутов. Сушила. Лабран, его храмы и гэгэн. Нагорье Амдо. Тангутский князь. Природа и дороги окраины нагорья. Землетрясение в г. Си-гу-чен и плясовая болезнь. Стоянка в г. Сун-пан. Секта бонбо и их храм. Гора Сюз-шань и долина Золотого озера с водопадами. Трудная дорога в Лунь-ань-фу. Река Хей-шуй-цзянь и с. Пи-коу. Возвращение на север через Цзин-линь-шань. Развалины Пи-лин-сы.

14 ноября 1884 г. Потанин с женой, Сантан-джимбой и монголом Очир вышел из Ланьчжоу на запад. Дорога поднялась на высокое плато, покрытое лёссом и глубоко изрезанное оврагами и долинами притоков Желтой реки; она то шла по узкому промежутку между оврагами, и с нее открывался широкий вид во все стороны, то спускалась в долины, и путешественникам казалось, что они идут между высокими горами. Все деревни были расположены в верхних концах оврагов на толщах лёсса, а пашни — по склонам на террасах; толща лёсса имеет свойство оседать уступами на склонах долин и оврагов, и китайские земледельцы пользуются этим, потому что на поверхности террас гораздо легче обрабатывать почву, пахать и сеять, чем на косогорах. Они искусственно увеличивают число террас и ограждают каждую со стороны обрыва небольшим валиком или стенкой; благодаря этому дождевая и снеговая вода задерживается и впитывается в почву, тогда как по косогору она бы стекала быстро.

В одной из деревень на пути Потанин впервые видел китайцев-ламаистов; на многих домах были флаги с написанными молитвами, а древки были украшены серпом луны с кругом между рогами. Жители объясняли, что флаги ставят тангутские ламы по приглашению хозяев, если кто-нибудь болен в доме. Некоторые селения были мусульманские; в них имелись мечети.

Нередко встречались развалины — следы дунганского

восстания. Так, г. Хэчжоу во время восстания был весь разрушен. Жители бежали из него и вернулись только недавно, так что в городе дома были новые и строились они только по середине города в одну улицу, а кругом были пустыри. Город славился обилием грецких орехов.

На дне долин часто попадались заросли облепихи, караганы, шиповника и спирей, а также усадьбы, обсаженные деревьями. На одном ночлеге на перевале путешественникам пришлось спать в тесной хижине на общем кане со слугами, подводчиками мулов и семейством почтаря, возившего почту мандаринов. Через щели дул ветер, а холод на дворе достигал —9° Ц.

В селении Ташкуль Потанин собирал сведения о племени саларов, живших здесь и по соседству, и записывал их сказки. Об этом народе и его языке почти ничего не было известно. Это были мусульмане, они говорили на тюркском языке и для письма употребляли тюркскую азбуку. Но мечети у них были китайской архитектуры; крыши их были украшены драконами, на стенах были изваяны барельефы львов и тигров. Мужчины одевались по-китайски, но женщины носили широкие синие шаровары с красной оторочкой внизу, белую кофту и широкий балахон, часто надетый внакидку, с одной пуговицей на шее; на голове они носили островерхий башлык, покрывавший и верхнюю часть спины. Ноги женщины не уродовали и носили большие башмаки. Салары рассказывали, что они пришли из Самарканда; их предки были изгнаны за воровство скота и шли до тех пор, пока не остановился верблюд с их пожитками. Он остановился там, где они теперь живут.

Местность Сань-чуань, где Потанин остался на зимовку, представляла расширение долины Желтой реки и была родиной Сантан-джимбы, из которой он убежал 40 лет назад. В селении Ни-чжа он нашел еще своих сверстников и племянников. Путешественники наняли фанзу у его родственников, оклеили окно новой бумагой, вставили в одном месте старую стеклянную фотографическую пластинку, поставили возле кана жаровню, в которой каменный уголь горел целый день, заткнули соломой дыры в стенах под кровлей и обили войлоком щели в дверях. В пристройке возле фанзы, где поселился Очир, устроили кухню. Сантан-джимба жил у своего племянника.

В такой обстановке Григорий Николаевич с женой провели четыре холодных месяца до половины апреля 1885 г., наблюдая жизнь населения, состоявшего из монголов-широнголов. Они записывали их сказки, легенды, пословицы и поговорки, вели также метеорологические наблюдения, а в начале весны делали экскурсии в окрестности, для сбора растений.

Широнголы рассказывали, что пришли в Сань-чуань с Чингисханом в качестве его войска, остались жить в этой местности и поженились на китаянках. Они говорили по- китайски, придерживались многих китайских обычаев, монгольского письма не знали и своей письменности не имели. Ламы изучали тибетскую письменность.

Религия у них была буддийская, но часть широнголов перешла в мусульманство. По внешнему виду широнголы представляли два типа: одни были смуглые с резкими чертами лица, с черными глазами и волосами, другие — голубоглазые и белокурые. Среди тех и других было немало красивых лиц, особенно у женщин. Почти все были высоки, стройны и крепки. Многие доживали до глубокой старости.

Женщины отличались от монголок и китаянок одеждою и головным убором. Последний был у них очень разнообразен и различен по местностям; они носили кокошники из яркой материи с бахромой и блестками и с фатой, низкие бархатные шапочки, вроде монашеских камилавок, простой обруч на шиньоне с бахромой. Оригинальны у них были юбки с разрезом сзади и с передником европейского образца; юбка кончалась немного ниже колен, и из-под нее были видны синие дабовые шаровары. Подобно китаянкам, широнголки бинтовали свои ноги, но каблуков не носили и потому ходили лучше.

Широнголы обладали веселым нравом и были очень трудолюбивы, особенно женщины, которые справляли всю домашнюю работу, помогали мужьям в поле, приготовлял- ли удобрение и собирали его на дорогах. Мужчины валяли войлоки; среди них были и специалисты-ткачи. Для надзора за полями выбирали особых «тереучей», которые собирали штрафы за потравы и были обязаны отвращать грозы и градобития. Как только начиналась гроза, все тереучи выбегали на улицы, стучали палками и били в бубны, невзирая на проливной дождь. Если гроза продолжалась, они бежали на перекрестки и пригорки продолжать свое странное занятие.

Жена Потанина имела возможность близко познакомиться с семейной жизнью широнголов и записала много сведений о родинах, свадьбах, похоронах, домашних работах женщин, наблюдая хозяев своего дома. Из ее записей отметим два обычая: опасаясь смерти ребенка, родители при его рождении сами не давали ему имени; отец украдкой брал дитя, выносил его на дорогу и просил первого встречного дать ему имя. Если встречалась собака, отец давал ей хлеба, ласкал и, подражая урчанию собаки, давал ребенку имя «коу-выр», причем считалось, что это имя дала ребенку собака. Ребенку одевали на шею

железную цепочку и замыкали ее замком. Это значило, что это не ребенок, а щенок; этим способом надеялись обмануть злого духа, несущего смерть. Другой странный обычай — женить мальчиков 10—12 лет на взрослых девушках. Такой муж играл еще на улице, а жена работала в доме по хозяйству.

Широнголы любили мастерство и не были лишены изящного вкуса. Среди них были искусные плотники, столяры и резчики. В соседнем большом монастыре Гумбум почти все изящные работы выполнялись широнголами. Женщины были искусны в рукоделиях, в составлении узоров для тканья и вышиванья.

Вскоре по приезде в Сань-чуань однажды вечером путешественники заметили особенное оживление в деревне. Хозяйки выметали сор на улицу и сжигали его. Оказалось, что они «выгоняли чорта». В то же время на всех высотах вокруг деревни вспыхнули огоньки.

Поздней осенью был шутовской праздник с маскарадом. Замаскированные ходили с цветными фонарями. Праздник нового года, длившийся две недели, справлялся очень торжественно в деревне; во всех окрестных монастырях с наступлением его начинались религиозные пляски и представления, на которые ездили Потанины. Между прочим, они посетили подворье Кадан-сумэ, принадлежавшее монастырю Кадигава. Постройки его лепились, подобно гнездам ласточек, на уступах огромной скалы, сбегавших в глубокое ущелье. У подножия главного храма с высоты 20 м низвергался водопад, а веранда храма висела над пропастью. Из отверстий в задней стене было видно высеченное в скале подобие лежащего человека. Это бог Шанбалончжа; ламы уверяют, что это изваяние нерукотворное, оно само выступило из скалы. В самом монастыре, глубоко внизу, Потанин видел религиозные пляски. Заметим кстати, что в Китае и Тибете монастыри часто строят в очень живописных местах на вершинах и крутых склонах. Это привлекает паломников, которые, карабкаясь на высоту, считают, что этим трудом они совершают богоугодное дело. Иные совершают восхождение на коленях или ползком, шепча молитвы.

В начале апреля из Лань-чжоу прибыл Скасси с двумя китайцами и ордосскими монголами, и экспедиция начала готовиться к отъезду. Три монгола из Боро-балгасуна возвращались домой и получили в подарок по лошади. Сантан-джимба остался при экспедиции, которой пришлось искать новых рабочих. Наняли восемь широнголов и одного тангута. Среди них выдавался по качествам лама Сэрэн, оказавшийся прекрасным помощником и прошедший с Потаниным до конца путешествия, и тангут Самбарча, необходимый как переводчик при путешествии

по окраине Тибета.

Вместо мулов, которых не было в Сань-чуани, пришлось взять лошаков. Лошак — помесь жеребца и ослицы — меньше и слабее мула, но столь же понятлив, выносливи и хорошо идет по горным тропам. На стоянках на пастбище лошаков не нужно треножить, они не ходят далеко и сами приходят, когда их зовут для вьючки. В деревнях лошак иногда забегает в комнату, чтобы попросить хлеба.

15 апреля экспедиция направилась в г. Си-нин, на северо-запад от Сань-чуани, чтобы получить у китайского губернатора рекомендательные письма для путешествия по тибетскому нагорью Амдо, которое было подчинено ему. Дорога опять шла по лёссовому плато, расчлененному глубокими долинами, в которые приходилось спускаться. Но затем дорога вышла в долину большой реки Синин-гола и пошла вверх по ней до города. Эта долина также врезалась в плато, местами суживалась в щеки, была очень населена и живописна; по ней шла большая дорога из Лян-чжоу. Склоны ее, часто скалистые, состояли из красных конгломератов и песчаников, а вверху — из желтого лёсса. На скалах местами лепились кумирни. На каждом дневном переходе миновали 5—6 деревень; дорогу очень оживляли торговые караваны на мулах, иногда по 30—40 в каждом. Путь до Си-нина занял 9 дней.

В Си-нине экспедицию окружила большая толпа и проводила ее через весь город до квартиры, отведенной путешественникам в экзаменационном доме; в нем, в определенные месяцы, производились обычные в Китае экзамены студентов, съезжавшихся из провинции для получения ученых степеней. Для студентов в боковых флигелях были нагорожены маленькие кельи, в которые их запирали на время экзаменов. В другом флигеле были три комнаты для экзаменаторов. В них поместились путешественники, которые тотчас же послали свои визитные карточки сининскому амбаню (губернатору) и получили приглашение посетить его. Прием был назначен на следующий день в одной из городских кумирен.

Когда пушечные выстрелы возвестили всему городу, что китайские мандарины выехали из своих ямыней в кумирню, Потанин и Скасси также отправились туда верхом на мулах в сопровождении Сантан-джимбы и других слуг. Улица у кумирни была уже запружена народом, а у ворот стояли повозки и паланкины (носилки), в которых прибыли мандарины. В воротах толпились телохранители амбаня в особых костюмах с секирами в руках. Во дворе также была толпа зрителей. На боковой веранде восседали мандарины всех пяти ямыней города в полном составе,

а на возвышении, покрытом цыновками и коврами, сидел губернатор (чин-цсай) и второй главный чиновник (тао-тай), разделенные столиком. Все были в черных шелковых курмах[36] с длинными ожерельями из крупных цветных камней и бус.

Когда путешественников впустили и они сделали поклон, чин-цсай приподнялся с места; то же сделали и другие мандарины; путешественникам предложили кресла, стоявшие недалеко от губернатора, и начался разговор через Сантан-джимбу, который вел себя с большим достоинством, без подобострастия. Разговор шел о предстоящей дороге через нагорье Амдо. Губернатор говорил, что этот край не безопасен от разбойников, и советовал избрать другой путь, ближе к населенной китайцами окраине нагорья. Он напомнил, что хотя Пржевальский и ходил по разбойничьим местам, но у него были большой конвой и хорошее оружие, а у экспедиции Потанина ничего нет. Григорий Николаевич ответил, что он выбрал путь согласно своей инструкции и не может его изменить, что конвоя ему не нужно и что он просит только дать письма к начальнику попутного г. Гуйдуй и к гэгэну монастыря Лабран. Чин-цсай обещал сделать это, но сказал, что путь через Амдо будет зависеть от начальника г. Гуйдуй, знающего опасные места.

По окончании беседы Скасси предложил снять фотографии со всех мандаринов; он привез с собой фотоаппарат.

Чин-цсай согласился, просил сделать это тут же и снимался первым. Народ, толпившийся во дворе, стал еще больше тесниться к камере; Скасси приходилось действовать в тесноте; некоторые зрители пытались заглянуть в объектив во время самой съемки. Полицейские с трудом удерживали любопытных и иногда били их бичом по спинам. Чин-цсай хотя молчал, но сильно морщился. По окончании съемки путешественники откланялись и вернулись домой, сопровождаемые толпой зевак.

Этот губернатор как во время приема, так и позже был очень любезен. Он дал Потанину письма такого содержания, что экспедиция встретила в Гуйдуе и Лабране самый лучший прием. Он, далее, назначил чиновника Вана проводить экспедицию до Лабрана. Он, наконец, отправил письма путешественников в Пекин. Эти письма, а также изготовление фотографий мандаринов задержали экспедицию в Си-нине на два дня. Пожелала сняться даже жена мандарина, и для этого Александра Викторовна ездила с камерой к ней на дом.

Из Си-нина дорога на нагорье Амдо идет сначала прямо на юг, вверх по долине небольшой реки, к перевалу через высокий хребет Ла-чи-сань, который отделяет долину реки Синин-гол от долины Желтой реки. Перевал достигал почти 4000 м над

уровнем моря, и хребет составлял климатическую границу, — к югу от него было заметно теплее, и весна сильно подвинулась. Спуск привел к Желтой реке, вверх по которой дорога шла до г. Гуйдуй. Он славился теплым климатом — в садах были абрикосы, персики, груши, жужубы, сирень и много разных цветов. Население в деревнях по реке состояло уже из оседлых тангутов.

Начальник г. Гуйдуя оказывал экспедиции всякое содействие; сначала он пытался убедить ее изменить маршрут в Лабран, но когда Григорий Николаевич отказался, мандарин назначил проводника и конвой из тангутских милиционеров, которые внушали больше доверия, чем китайские солдаты. Они были одеты в нагольные шубы, затянутые поясом, но обычно спущенные с обоих плеч и висевшие мешками спереди и сзади; на шапках и сапогах были нашиты красные и зеленые ленты. Они держались прямо и были вооружены длинными винтовками, которые носили за спиной горизонтально. Их старшина поддерживал строгую дисциплину в своем отряде. В пути он разделил отряд на три части; одна шла впереди как авангард, вторая врассыпную по обеим сторонам каравана, а третья образовала арьергард. Все приказания его исполнялись беспрекословно. В опасных разбойничьих местах во время ночлегов всю ночь горел огонь, который поддерживал старшина; вокруг лагеря были расставлены часовые, которые всю ночь обменивались каким-то особым мудреным криком без слов, одной вибрацией голоса. Таким же криком тангуты обменивались при встречах на расстоянии, например если одни шли по дну долины, а другие по горе; иногда две компании перекликались подобным образом, пока не теряли друг друга из вида. Женщины издавали этот крик с такой же силой, как мужчины.

Экспедиция вышла из Гуйдуя 8 мая 1885 г. вверх по долине притока Желтой реки и поднялась по ней на нагорье, высота которого достигала 3300 м. Оно представляло собою плато с мелкой, но густой травой, росшей щетками и служившей хорошим пастбищем для яков — главного домашнего и вьючного животного тангутов. Над плато, в стороне от дороги поднимались горные цепи, еще покрытые снегом. Затем дорога спустилась в глубокое ущелье речки, по которому шла до города Боу-нань. Спуск был очень крутой и головоломный. По дну ущелья дорога часто переходила через речку, с одного берега на другой.

На ночлеге в этом ущелье экспедиция вечером была встревожена гулом точно от пушечного выстрела. Оказалось, что недалеко обрушилась с обрыва скала, и осыпание глыб продолжалось с перерывами всю ночь и утром. Каждый раз при падении глыб взлетал столб пыли в 40 метров высоты, и камни

перелетали на другой склон. Перед Боу-нанем речка впадала в другую, большую. Брод через нее был выше живота лошади, и при переправе тангуты показали свою ловкость и услужливость. Они сняли платье и перевели всех лошаков под уздцы через холодную воду; каждый перевел двух лошаков, так что им пришлось бродить два-три раза взад и вперед.

До Боу-наня по реке Уруньву тянулись сплошь пашни; мандарин этого города хотел оказать экспедиции большое внимание и выехал ей навстречу при пушечном выстреле. Но он опоздал; экспедиция была уже в городе, и он встретил только Скасси, который отстал при съемке пути. Перед мандарином несли почетный зонт. Город был населен китайцами, тангутами и широнголами. Женщины последних носили черные цилиндрические шапочки, вроде клобуков, а девушки втыкали в косу на затылке медное украшение в виде стрелы или кинжала.

В Боу-нани отдыхали один день; выезд экспедиции мандарин все же обставил помпой; почти все население высыпало за восточные ворота, и, когда караван показался из ворот, раздались выстрелы из ракеток, а мандарин проводил его до устья другой речки, вверх по которой пошел путь.

У ближайшей тангутской деревни один домохозяин выставил у дороги стол, разостлал войлоки и пригласил путешественников напиться чаю. Этот обычай Григорий Николаевич отметил и далее на нагорье; тангуты выносят караванам и проезжим чай или кислое молоко. Он представлял себе тангутов диким и недоступным народом, а они оказались гостеприимными и приветливыми, но обнаруживали эти черты не сразу.

В долине реки Ланчжа путешественники видели сушила для хлеба, состоящие из жердей в 6 метров, врытых в землю рядами и соединенных поперечинами на нескольких уровнях.

На эти поперечины снопы сажают верхом, колосьями вниз. Этот способ сушки, вероятно, был обусловлен обилием дождей во время уборки хлеба.

Местность была живописная. По дну долин раскинулись пашни; склоны и более высокие горы заросли хвойными лесами с подмесью осины, кустарной березы, ивы, ольхи; листья последней тангуты употребляли вместо чая.

Путь далее шел через несколько перевалов в промежутках между долинами, врезанными в нагорье; по сторонам видны были снеговые горы. Миновали два мужских монастыря: один китайской, другой тибетской архитектуры, и женский. На нагорье видны были черные палатки кочевых тангутов. Перед спуском в долину с монастырем Лабран экспедиция прошла через деревню китайских мусульман, которая поражала своей

нечистоплотностью; улицы были завалены всякими отбросами, образовавшими зловонные бугры.

В Лабране экспедиция провела два дня. Этот монастырь лежал на высоте почти 3000 м, на границе земледелия; он являлся одним из главных рассадников буддизма в Амдо и по своему влиянию в Северном Тибете и Монголии не уступал Гумбуму, хотя был основан гораздо позже, в XVI веке. В него стекались молодые ламы не только из Монголии, но даже бурятские из Сибири, чтобы учиться и утверждаться в вере. Старик тангут, которого Потанин нанял в Лабране, рассказывал с благоговением о трудолюбии лам монастыря: «В длинные темные ночи сидят ламы при свете лампад и все пишут и пишут». Как известно, одним из главных занятий буддийских лам являлась переписка священных тибетских сочинений для углубления своих познаний в вере и для снабжения сочинениями вновь основываемых или бедных монастырей. Истинному просвещению народа это трудолюбие, конечно, ничего не приносило.

Экспедиции отвели два двора за окраиной монастыря. В нижнем этаже трехэтажного дома, лишенном окон, поместились все животные, в среднем — рабочие. Потанину с женой и Скасси отвели одноэтажный дом ближе к монастырю.

Письмо сининского амбаня, доставленное гэгэну Лабрана, оказалось очень полезным. Гэгэн назначил путешественникам аудиенцию и прислал сказать им, что очень рад их приезду и принимает на свой счет их содержание на время их пребывания в Лабране. На следующий день Потанин и Скасси отправились к гэгэну. Их сопровождали почти все слуги, горевшие желанием получить благословение и приложиться к святыням. Миновав кривые переулки, они через ворота попали в обширный двор; гэгэн уже ждал их в длинном приемном зале бокового флигеля, окна которого были затянуты шелком с вышитыми на нем цветами. Другая стена зала, без окон, была занята витриной, разбитой на клетки; в каждой помещалась статуэтка какого-нибудь божества. С потолка свисали ряды китайских фонарей разной формы.

Гэгэн сидел в конце зала на возвышении из плоских подушек или матрасов, наложенных друг на друга на лежанке вроде кана; на нем была желтая шелковая мантия, на голове диадема. Стена за его спиной была заставлена хоругвями, колесами веры и разной церковной и нецерковной утварью, среди которой красовался и простой русский фаянсовый молочник. Перед гэгэном стоял красный низенький столик. С обеих сторон гэгэна стояли два монаха в тёмнокрасных одеяниях. Они служили посредниками при разговоре гэгэна и при передаче ему

путешественниками знаков приветствия в виде хадаков, т. е. шелковых шарфиков.[37]

Путешественники поочередно подходили к гэгэну и подносили хадаки, перекинутые через кисти рук; монахи принимали эти дары. Слуги Потанина делали земные поклоны и получали благословение. Когда эта церемония окончилась, гостей пригласили сесть на плоские подушки, разложенные вдоль боковых стен. Перед подушками стояли низкие столики. Подали чай и разные лакомства. Когда гости, выпив чай, откланялись, лакомства отнесли к ним на дом.

Потанин посетил гэгэна еще раз, а Скасси бывал у него чаще, так как фотографировал его, главных лам и приемный зал.

Гэгэн снимался в разных позах — стоя, сидя в креслах и в парадной одежде в зале, и держался очень просто. Он жил в небольшой келье в пять шагов длины и ширины, одевался как и все ламы, в кусок тёмнокрасного тибетского сукна, который в виде шали накидывал на плечи. Его кладовая, как у всех гэгэнов, была наполнена европейскими вещами, которые подносили богомольцы, приходившие из Пекина и с границ Сибири. В ней были разные часы, ширмочки, самовары, и гэгэн часто занимался тем, что заводил часы с кукушкой, чтобы она куковала. Экспедиция также поднесла кое-что гэгэну, а получила от него два свертка красного тибетского сукна и глыбы особого сахара, покрытого зеленой коркой.

Желание Потанина осмотреть все храмы Лабрана не встретило никаких препятствий со стороны лам. Ему дали провожатого, и он вместе с Сантан-джимбой и ламой Сэрэном, поступившим на службу в экспедицию, осмотрел почти все храмы. Не показали им только один, в котором постоянно молятся и где гэгэн присутствует при богослужении.

Храмов в Лабране было 18. Расположены они были в два ряда. Храмы разной величины к архитектуры были посвящены богам и содержали различное количество серебряных, медных и позолоченных изображений богов.

В одном храме было до тысячи медных статуй богини Дараэкэ; этих богинь было две — белая и зеленая; их перевоплощение Потанин видел в Улангоме в виде богодевиц, описанных нами. У стены храма стояло дерево из бронзы с цветами, в каждом из которых сидела миниатюрная статуэтка этой богини; таких цветов дерево имело до 500.

Одной из главных святынь был другой храм — с позолоченной кровлей и со статуей бога Майдари в три метра высоты;[38] перед ней стоял серебряный котел с искусственными цветами. В третьем храме путешественники видели 16

одинаковых изображений одного святого, сидящего в пещере; в четвертом, самом обширном храме, потолок поддерживался 165 колоннами, стоявшими в 11 рядов. Пятый храм был замечателен толстыми четырехгранными колоннами в 10—12 метров высоты, красного цвета под лаком. Шестой представлял огромный субурган с храмом внутри. Вообще храмы представляли большое разнообразие и по архитектуре и по внутреннему устройству, свидетельствовали о богатой фантазии служителей и строителей буддийского культа и делали понятным обаяние Лабрана среди темных и простодушных народов Внутренней Азии.

Лабран был живописно расположен среди довольно высоких гор, склоны которых вверху были покрыты лесом, а ниже кустами караганы, весной покрывавшимися желтыми цветами, т. е. цветом, любимым буддистами. На солнце горели золотые маковки и другие украшения Лабрана, а над всем господствовало золотая крыша резиденции гэгэна. построенной в китайском стиле у самой горы, на ее приподнятом подножии.

Солнце, золото и растительность, писал Потанин, как будто сливались в общем согласии, символизируя торжество буддизма.

Гэгэн Лабрана был самый знаменитый во всем Амдо и в Сань-чуани; монголы уверяли, что добиться свидания с ним и получить его благословение очень трудно, что это стоит очень дорого, не менее 400 лан серебра (т. е. 800 рублей).

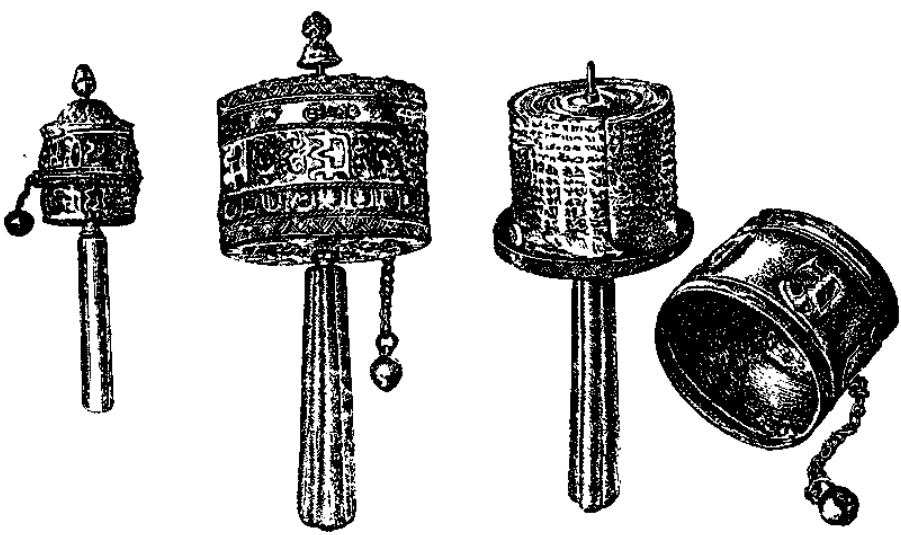
Григорий Николаевич отметил также, что Лабран содержался очень опрятно; в этом отношении его нельзя было сравнить с грязноватым Гумбумом. Улицы Лабрана были чистые; во всех заворотах и углах, которые могли бы соблазнить богомольцев, монахи нарисовали на земле белой краской фигуры кумирен, чтобы предупредить их загрязнение.

Экспедиция наняла в Лабране еще трех слуг из тангутов, которые оказались отличными людьми.

21 мая путешественники отправились дальше и сделали семь переходов по нагорью; сначала по глубоким долинам, а затем по высокой местности, на которой кое-где выпадал еще снег. В пути встречались деревеньки и отдельные усадьбы тангутов. Встретились также два монастыря, расположенные в живописных местах. Горы были покрыты лесами из ели с подмесью осины, изредка березы; в долинах росли тополя, на больших высотах — заросли древовидного можжевельника. На полях видны были посевы ячменя и овса; другие хлеба на этой высоте не вызревали Были слышны крики фазанов.

В первый раз путешественники видели здесь тангутских породистых собак черной масти, с густыми длинными волосами по бокам шеи, образовавшими воротник.

В деревнях тангутские женщины держали в руках молитвенные мельницы и постоянно заставляли их вращаться Заметим кстати, что автоматическое моление — своеобразная черта буддийского культа. В кумирнях имеются большие барабаны на вертикальной оси, обклеенные бумагой с тибетскими молитвами; вращая их, богомольцы совершают богоугодное дело, так как молитвы возносятся к небу. В горах на быстрых речках ставят подобные же барабаны под крышей на четырех столбах; внизу на той же оси насажено колесо с лопатками, которое вращается под напором воды, и молитвы возносятся беспрерывно. Маленькие барабаны с молитвами, посаженные эксцентрично на ручке, приводятся во вращение движениями руки, и богомольные люди проводят за этим занятием целые часы на пастбищах, при поездках верхом и во время паломничества, а женщины — среди домашней работы.



Ручные молитвенные мельницы

С нагорья экспедиция спустилась к городку Джони в долине большой реки Тао-хэ, которая начинается далеко на западе, на нагорье, и впадает в Желтую реку выше Лань-чжоу, круто повернув на север и прорываясь через северные цепи, поднятые над нагорьем. Городок был окружен зубчатой стеной и служил резиденцией тангутского князя Ян, управлявшего двумя родами тангутов в долине реки Тао-хэ и племенем Тебу в горах к югу. Это племя имело репутацию смелых разбойников и грабило проезжих, а князь был бессилен воспрепятствовать этому. Потанин и Скасси сделали визит князю и на пути к нему из предместья, где

экспедиция остановилась, увидели у ворот города две клетки с головами тангутов, принадлежавших к племени Тебу. Незадолго до этого Тебу напали на какого-то гэгэна, ехавшего в монастырь, и ограбили его; головы были возмездием за это, но Потанин слышал, что люди князя поймали первых попавшихся Тебу, которые и поплатились за грабителей.

Князь был еще молодой человек. Он принял путешественников вместе со своим старым отцом, отказавшимся от управления. Скасси снимал их обоих и дочерей старика, вместе с которыми он непременно хотел сняться. В ответ на подарки молодой князь прислал экспедиции китайское варенье в деревянных коробках и несколько картин собственной работы.

В Джони к экспедиции присоединился Березовский, зимовавший в г. Хой-сянь и теперь выехавший ей навстречу.

Путешественники направились вниз по реке Тао-хэ в большой город Мин-чжоу. В этом городе, во время пребывания там Березовского, случилось наводнение: разлилась небольшая речка, впадающая у города в реку Тао-хэ, и затопила его улицы; чтобы укротить воду, жители зарезали белого петуха и белую курицу и бросили в реку.

В Мин-чжоу мандарин отказался отправить в Пекин письма экспедиции, а карточки сининского амбаня, которые Скасси приготовил по дороге, хотя и принял для отправки в Синин, но не доставил, хотя сам ездил в этот город.

Экспедиция направилась далее на юг в г. Ситу-чен по окраине нагорья Амдо, представлявшей очень живописную местность. Дорога шла вверх на перевал Я-ли-сань через хребет Мин-шань. Горы были еще безлесны, хотя покрыты густой травой и кустами. Спуск привел путешественников в бассейн Голубой реки (Ян-цзе). Здесь ландшафт изменился. На склонах появились густые леса, воздух сделался влажным, высота гор все уменьшалась; глубоко врезанные долины сделались тесными, и китайские деревни часто лепились по косогорам. Появились остроконечные соломенные крыши и двухэтажные деревянные дома; нижний этаж предназначался для скота, в верхнем складывали и веяли хлеб и в тесноте жили люди. Постоялые дворы также были двухэтажные, комнаты верхнего этажа соединялись галлереями. Становилось все теплее, в садах видны были уже не только персики и абрикосы, но и фиговые и гранатовые деревья, флора принимала субтропический характер. Дорога часто вела через реки по мостам, среди которых были и висячие на канатах, а местами дорога шла по деревянным балконам, подвешенным к отвесным скалам над бурлящей рекой.

Си-гу-чен оказался настоящим горным городком в тесной

долине среди высоких гор с острыми, как сахарные головы, вершинами. Улицы были узкие, дома тесно прижаты друг к другу; все они были деревянные, двухэтажные, старые и гнилые; колонки галлерей у них покосились, черепицы крыш оттопырились; казалось, что, если бы эти дома не поддерживали друг друга, они бы развалились. Внутри каждого дома был небольшой дворик; в нижнем этаже уличная сторона была занята лавкой или харчевней; внутренние представляли склады и хлевы; верхний этаж состоял из жилых комнат. Крутые лестницы вели из дворика на галлерею, которая окружала дом, и дальше на плоскую крышу, на которой складывали и веяли хлеб; там же женщины сидели с шитьем или другой работой. Сообщение между населением верхних этажей часто велось по крышам, а не по улице. В городе было много зелени, больших деревьев, между прочих каки (хурма) и мыльное дерево, стручья которого употребляли вместо мыла.

Экспедиция провела в Си-гу-чене восемь дней, в течение которых очень страдала от духоты на постоялом дворе. Небо было покрыто облаками, часто шел дождь Сильной жары не было, днем термометр в тени показывал не больше 26° Ц. Но зато и ночью температура падала только на 1—2°.

Большое затруднение составили поиски бумаги для гербария; флора страны была богатая и давала большие сборы, а запас бумаги, купленный в Си-нине, кончался. В лавках городка бумаги было мало, она была дурного качества и небольшого формата. Лама Сэрэн три раза обошел все лавки, скупил всю бумагу, и цена на нее поднялась до невиданной высоты.

Второе происшествие состояло в том, что один из лошаков от неизвестной причины околел и, хотя это случилось на улице, местный торговец мясом использовал труп: он снял шкуру и вывесил мясо для продажи в лавке нижнего этажа того же дома, где жили путешественники. Это не должно удивлять читателя: в Китае мясо павших животных часто употреблялось в пищу, за исключением случаев повального падежа от эпизоотии.

Потанин подсчитал остаток экспедиционных средств и пришел к выводу, что нужно сократить расходы, иначе нельзя будет проникнуть дальше на юг. Он решил уменьшить состав каравана, рассчитал менее усердных рабочих, отобрал лишние вещи и собранные коллекции и отправил небольшой караван под начальством Сантан-джимбы в Сань-чуань, куда экспедиция намеревалась вернуться осенью. Березовский остался в Си-гу-чене для охоты, а Григорий Николаевич с женой, Скасси и сокращенным штатом пошел дальше в г. Сун-пан.

Район вокруг Си-гу-чена подвержен землетрясениям;

последнее, очень сильное, случилось здесь за шесть лет до приезда экспедиции; в некоторых деревнях ниже по реке не уцелел ни один дом, и погибло много диких животных. Это землетрясение вызвало в населении странную нервную болезнь — заразительную пляску, которая распространилась по всем деревням. Плясали все взрослые, примерно от семнадцатилетнего возраста, мужчины и женщины, но не старики. Испытавшие эту болезнь рассказывали Березовскому, что сначала начинало болеть и биться сердце и пропадал аппетит, а после пляски все проходило; во время пляски люди как бы действовали бессознательно, двигались механически. Потом они ничего не могли вспомнить о том, что с ними происходило. Стоило заплясать одному, и при виде его тотчас начинали плясать все другие, подверженные этой болезни. Рассказывали, что во время пляски больные чувствовали необыкновенный прилив сил. Плясали с домашним мельничным жерновом в руках, или, схватив с очага треножник или железный котел, плющили их в руках, или втыкали одним ударом толстую жердь так глубоко в землю, что могли влезть по ней до верхнего конца. Пляской охвачены были не только многие тангуты, но и некоторые китайцы. Тангуты болели в течение целого года.

Путь экспедиции в Сун-пан шел большею частью по глубоким долинам притоков бассейна Голубой реки, местами же по высоким перевалам через горные цепи, разделявшие эти долины. Флора становилась все более разнообразной, а при подъемах на горы можно было собирать растения альпийского пояса и следить за сменой флор.

Население было частью тангутское, частью китайское. В некоторых долинах попадалось много людей с зобами.

Деревни были небольшие, дома деревянные, двухэтажные, тесные, и ночлеги на постоялых дворах неудобные. Было очень жарко и душно от частых дождей и нависших туч. Дорога нередко была плохая, очень грязная, с крутыми и каменистыми спусками и подъемами, как по отрогам гор, стеснявшим долины, так и на перевалах. Красота местности и разнообразие флоры сочетались с трудными условиями дороги и ночлегов и с дождливой погодой, характерной летом для всего Южного Китая. Поэтому переходы делались небольшие, шли не больше шести часов в день. Дожди очень мешали сушке растений, затрудненной и недостатком бумаги.

Ближе к г. Сун-пан леса на склонах сильно сократились, горы сделались более плоскими и представляли больше простора для земледелия. На высоких лугах видны были стада яков и коров, пригнанных из глубины Тибета для продажи в Китае. Их пастухи

жили в черных палатках. Растительность на высотах имела альпийский тип.

Въезд в г. Сун-пан неожиданно вышел очень торжественным. Конвойные солдаты, сопровождавшие экспедицию от города до города, ушли с последнего ночлега вперед и по всему городу разнесли весть о прибытии европейцев. Все население вышло на улицу; ворота, заборы, галлереи и крыши домов были усеяны детьми и женщинами, а в переулках, выходивших на главную улицу, стояли повозки с нарядными женщинами в ярких шелковых костюмах с веерами в руках. Толпа вела себя приветливо, хотя костюмы путешественников, в особенности Потанина, одетого в крестьянскую курму, носившего широкополую шляпу и обутого в простонародные веревочные сандалии, могли дать повод для насмешек.

Квартира, нанятая для экспедиции, находилась в предместье на другом берегу реки. Чтобы попасть в нее, путешественники должны были пройти через весь город по главной улице и по мосту, на всем пути приветствуемые собравшимся народом. Дома в Сун-пане имели двускатные крыши, как в русских деревнях. Григорий Николаевич с женой поместился на чердаке, а Скасси — внизу у хозяев. На чердаке было два отверстия; одно из них было входом, к которому нужно было подняться по простой приставной лестнице. Это избавляло от любопытных, так как со двора и с улицы ничего не было видно, а когда кто-либо из любопытных решался лезть наверх, достаточно было пошевелить лестницу, чтобы его спугнуть. Толпа ежедневно собиралась на дворе и на склоне горы, против отверстия на чердаке.

Сун-пан стоит на высоте в 3080 м на берегу реки Мин-цзянь, среди территории, густо населенной тангутами и усеянной буддийскими монастырями. Это был важный торговый пункт на границе нагорья Амдо. Из Китая сюда приходили караваны товаров на мулах или на носильщиках; здесь они перегружались на яков и расходились по дорогам в глубь Тибета. Вокруг города было много тангутских деревень, и тангуты по утрам приносили в город на продажу вязанки хвороста, сена, кур, яйца и другие товары и оглашали улицы своеобразным мелодичным криком.

Пограничное положение Сун-пана представляло большое удобство для Потанина, так как от приезжих он мог здесь собирать сведения о природе, дорогах, населении а монастырях нагорья. Поэтому экспедиция прожила в городе 25 дней; за это время только пять дней не было дождя.

Потанин посетил один из соседних монастырей по приглашению его гэгэна.

С ламой Сэрэном он поехал в обитель гэгэна Ной, где им

устроили торжественную встречу: вынесли почетный зонт, и два трубача трубили при их входе в ворота; при отъезде их заставили садиться на мулов с возвышения, покрытого ковром. В обители было два гэгэна — старый и молодой. Реликвиями были обломки разных костей, якобы принадлежавших богам или святым, вмазанные в какую-то красную мастику, костяные шарики, будто бы вынутые из сердца, а также черепные кости с нерукотворными буквами на них. Главную святыню представляла серебряная статуэтка бога Лачин-джамба, закутанная в сотни шелковых оболочек, которые ламы не поленились развернуть с пением молитв, чтобы показать Григорию Николаевичу.

Храм в обители Ной был новый, внутри почти пустой, только на стенах было 19 изображений богов.

Поездка в Ной была важна тем, что благодаря ей удалось устроить поездку к снежной горе Сюе-шань и в интересную долину Ксернцо. Гэгэн дал проводника, и Потанин с ламой Сэрэном отправился туда. Дорога поднималась из долины реки Мин-цзянь на горы, отделявшие ее от долины реки Хотон, спускалась по последней до устья реки Ксернцо и шла вверх по этой реке, пробираясь узкой тропинкой по лесу из елей и рододендров.

Ночевали в кумирне, в которой обширный двор был окружен верандами для ночлега богомольцев; последних было около 30, в том числе и девицы; это были молодые тангуты; весь вечер раздавались громкие голоса, смех и, песни.

Долина реки Ксернцо начиналась цирком у северной подошвы горы Сюэ-шань, которая поднимается над альпийскими лугами в виде двух конических вершин, покрытых снегом. Верхняя половина долины, длиной в пять километров, безлесна; склоны были заняты альпийскими лугами; затем следовал уступ в 20 метров, по которому река срывалась каскадами, образуя ниже целый ряд озерков или бассейнов; далее река текла по нижней половине долины, по гладкому желтоватому руслу, окаймленному густым лесом, покрывавшим склоны. Дно каскадов, озерков и русла состояло из беловато-желтого известкового туфа, который осаждался из воды этой речки, представлявшей минеральную воду. В своем нижнем течении река образовала еще два водопада: верхний в семь метров высоты и нижний, состоявший из трех уступов. Дно всей нижней части долины было сложено толщами туфа, отложившегося из воды с незапамятных времен и продолжавшего отлагаться теперь.

Красота местности здесь была необычайная. Поражали пейзажи: зеленые склоны узкой долины, на заднем плане снеговые пики Сюэ-шаня и внизу каскады и бассейны,

расположенные лестницей, по которой скатывались широкие струи воды. Каждый бассейн был окаймлен дугообразной стенкой из туфа.

Вид на долину Ксернцо представлял большие контрасты в зависимости от того, смотрели ли сверху вниз или снизу вверх. При взгляде сверху открывался ряд изумрудно-зеленых зеркал, падавших уступами вниз, а при взгляде снизу видна была только огромная лестница желтоватого цвета из 15—20 ступеней, по которой лилась широким потоком вода.

Интересна была пещера под водяным сводом верхнего водопада. Она начиналась низким отверстием, в которое входили согнувшись; потом нужно было спускаться в отвесную трубу, глубиной в пять метров, по трем бревнам с зарубками и, наконец, по скользкому спуску — в расширение пещеры. Здесь на бугре, спиной к входу, стояли три статуи богов в половину роста человека. С потолка на них капала вода, отлагавшая туф, и черты лица богов уже сгладились. Стены пещеры также состояли из туфа; в нем видны были отпечатки листьев, упавших с деревьев, которые ветер в давно минувшие времена сносил со склонов долины в бассейн, отлагавший этот туф. Богомольцы отламывали куски туфа с этими отпечатками, а также кусочки накипи со спины статуй, которые считались нерукотворными; люди прижимались также лбом к статуям.

По возвращении Потанина в Сун-пан экспедиция 9 августа тронулась в обратный путь в Лань-чжоу, но по другой дороге — через китайскую провинцию Сычуань. Экспедиция прошла вниз по долине реки Хотон и завернула в долину реки Ксернцо, чтобы посетить водопады. Ксернцо по-тангутски значит золотое озеро, и все буддисты экспедиции желали посмотреть его и приложиться к богам в пещере. По выполнении этого тангуты наломали ветвей можжевельника и зажгли их; аромат горящего можжевельника должен был усладить богов Ксернцо. Когда из кучи горящих ветвей поднялся дым, тангуты стали обходить ее вприпрыжку, читая нараспев молитвы.

Потанин с одним из слуг предпринял восхождение на Сюэ-шань и поднялся до цирка верховий реки Ксернцо для сбора альпийской флоры.

Посетив это живописное место, экспедиция пошла дальше по долине реки Хотон (Пу-цзянь) и в десять переходов прибыла в г. Лун-ань-фу, хотя расстояние до него было всего 150 километров. Дорога была очень трудная. Когда-то она была приспособлена для передвижения вьючных животных; в скалах были вырублены карнизы, на косогорах проложены выемки, устроены длинные ступенчатые подъемы и спуски в тех местах, где береговые утесы

узкой долины заставляли дорогу подниматься на склоны; через бурную реку были перекинуты мосты, некоторые даже на железных цепях. Но дорогу давно не чинили, и она сделалась доступной только для носильщиков, которые вообще в гористой части Южного Китая играли роль главного вьючного транспорта — большая часть товаров переносилась ими.

Из-за плохого состояния дороги пришлось делать небольшие переходы, так как много времени уходило на ее починку, которой руководил китайский офицер, начальник конвоя, сопровождавшего экспедицию. Он сам показывал, как и где копать, сам вел под уздцы вьючного лошака в опасных местах. Так как у конвоя был только один заступ, пришлось пустить в ход все инструменты экспедиции, топоры и даже ботанические корнекопки. Особенно опасно было переходить мосты, перекинутые через реку Хотон и ее притоки: они были ветхи, гвозди из их настилов были повытасканы, и доски плясали под ногами; животных приходилось переводить под уздцы по одному. Все-таки один лошак сорвался, но упал в глубокую воду и не разбился; его вьюк состоял из гербария, и на следующей стоянке пришлось затратить много сил и времени на то, чтобы высушить всю бумагу и растения.

Другой лошак сорвался с тропы и скатился в реку Хотон, где он два раза перевернулся, но выплыл на другой берег; его вьюк с платьем рабочих экспедиции унесло течением.

Деревни в этой долине были тесные. Дома в них были выстроены из дерева, но улицы были вымощены большими плитами; иногда улица представляла каменную лестницу. На крутых склонах виднелись участки полей, на которых сеяли только бобы и кукурузу; на всем пути путешественники питались тяжелым хлебом из кукурузы. Кукурузные поля этой местности часто страдали от нападения обезьян, принадлежащих двум видам; одни, так называемые «золотые», жили в зоне хвойных лесов и имели на плечах капюшон из золотисто-желтых длинных волос; другие, поменьше, жили в теплой долине и грабили поля. По словам крестьян, они губили много кукурузы зря: сорвут початок, положат подмышку и забудут о нем, рвут новый и кладут туда же, прежний падает на землю.

Обилие и разнообразие флоры доставляло много работы по ее сбору и сушке; поражало количество разных вьющихся растений, которые окутывали кусты и деревья. Нужно отметить веерные пальмы, бамбук, лаковое и восковое дерево, мирты, аралии, лавровишню, множество папоротников. В боковых долинах иногда открывался вид на водопады по притокам реки, которая часто заливала все дно долины. Местами дорога

представляла карнизы или полутоннели, вырубленные в отвесной скале на большой высоте над бурной рекой.

Город Лун-ань-фу был небольшой, чистенький и оживленный. Против города на скале высилась кумирня. Эта скала называлась Лунь-ань, т. е. гнездо дракона, откуда и название города.

Это был самый южный пункт, достигнутый экспедицией. В садах видны были бананы в два метра высоты; но их разводили для украшения, плоды не вызревали. Потанин посетил и описал монастырь в городе, замечательный по огромной молитвенной мельнице и небольшой статуе божества Арья-боло с 11 головами и многими руками. В одной из трех главных кумирен весь потолок состоял из цветных изразцов, составлявших красивую картину. Но храм привлекал мало богомольцев и потому приходил в упадок, монахи не имели средств поддерживать его.

Отсюда экспедиция прошла еще немного вниз по той же долине до селения Коу-чен, где через поток реки мост был такой ветхий, что пришлось все вьюки перенести по нему на руках, а животных перегнать вброд. Перед мостом дорога шла по каменной мостовой среди залитых водою рисовых полей. Отсюда она повернула на северо- восток и до селения Пи-коу сделала несколько перевалов через горные цепи; спуски и подъемы местами представляли лестницы, высеченные в скале или вымощенные толстыми плитами, по которым лошакам приходилось карабкаться.

Пи-коу представлял большое торговое село на реке Хей-шуй-цзянь, которая отсюда становилась судоходной; товары, прибывшие из Тибета на носильщиках, отправлялись дальше в Китай на лодках. Выше Пи-коу долина реки превращалась в ущелье, а немного далее в нее впадала река Бо-шуй, также текущая по ущелью. Экспедиция шла по этим ущельям по такой же трудной дороге, как описано выше, часто по карнизам, выбитым в скалах. Встречались исключительно носильщики с товарами, состоявшими главным образом из табака и ароматных корней растения, называемого тан-гуй. Носильщики шли партиями; у каждого на спине был большой тюк, килограммов по 40—50 этого товара. Останавливаясь для передышки, они не садились, а отдыхали стоя, подставив под тюк свою палку, так как если бы они садились, то потом им трудно было бы встать.

У г. Вэнь-сянь путешественники покинули ущелье реки Бо-шуй, которое тянется дальше на северо-запад к окраине нагорья Амдо, повернули через горы на северо-восток и через два дня вышли опять в долину реки Хей-шуй-цзянь.

Дальше до г. Кье-чжоу дорога шла опять в долине реки Хей-шуй-цзянь, но стала лучше; хотя встречались карнизы, но они

были в исправности. Горы на всем этом пути от Пи-коу местами были покрыты лесом, местами только густым кустарником, местами же склоны состояли из голых скал и осыпей камня. Деревни имели тот же характер ряда домов вдоль реки по косогору; но кроме деревянных видны были и каменные одноэтажные дома.

Южная растительность постепенно исчезала; экспедиция здесь в последний раз видела веерные пальмы. Перед г. Кье-чжоу долина реки стала шире, горы отступали и немного понизились; вместе с тем на их склонах появился лёсс, характерная почва севера Китая; одновременно деревянные дома стали уступать место глинобитным или сложенным из сырца, а постоялые дворы сделались немного более просторными. Кончилась теснота жилищ, составлявшая одну из неприятностой пути по Южному Китаю.

Из Кье-чжоу до г. Лань-чжоу экспедиция шла еще больше месяца, с половины сентября до 20 октября, без особых приключений. Она пересекла горные цепи системы Цзин-линь-шаня (вост. Куэн-луня), которая разделяет бассейны Голу1бой и Желтой рек, а на западе переходит в нагорье Амдо, пройденное уже на пути на юг. Дорога то шла по долинам рек, то поднималась на горы, переходя из одной долины в другую. Горы частью представляли плато, покрытое лёссом, слой которого, впрочем, не был такой мощный, как на севере Китая. Местность была безлесная; даже площади, покрытые густым кустарником, встречались редко; однако деревья — ивы, пирамидальные тополи и фруктовые — всегда видны были вокруг селений, очень многочисленных.

В Лань-чжоу экспедиция получила новые средства в виде серебра, переведенного из Пекина, но не добилась аудиенции у генерал-губернатора. Он, повидимому, был обижен тем, что Григорий Николаевич при первом пребывании в городе не сделал ему визита. Григорий Николаевич, Скасси и Березовский в назначенное заранее время явились во дворец, где их продержали под разными предлогами больше часа, а затем заявили, что генерал-губернатор после обеда лег отдыхать. Получив серебро, Березовский уехал опять на юг охотиться на окраине нагорья, а супруги Потанины и Скасси отправились через Сань-чуань в монастырь Гумбум на зимовку.

По дороге туда, частью уже знакомой, они посетили развалины монастыря Пилинсы, в теснине Желтой реки. Этот монастырь замечателен тем, что он выстроен на высоких скалистых обрывах берегов, разрезанных оврагами и ущельями на скалы, подобные колокольням и башням; в этих обрывах были

высечены, часто на большой высоте, ниши с изваяниями богов разной величины. В одной нише путешественники видели фигуру лежащего Будды в девять метров длиной, в другой — огромную полустатую Майдари (Жянба) в 20 метров высоты. Но от построек монастыря, в котором считалось до пятисот лам, остались только груды развалин. На уровне головы Майдари прежде были висячие кумирни, висячий балкон обегал нишу над его головой, и витые лестницы вели от подножья статуи наверх к кумирням. Все это сожгли дунгане во время гражданской войны; уцелел только кусочек балкона над левым ухом статуи.

Ниже Пилинсы в скале была пещера с родником воды, стекавшей в бассейн, и с статуей богини Гуань-ин-пу-сы в стеклянном киоте. Эта богиня когда-то укротила свирепого бога Лун-вана, властителя небесной влаги. Поэтому широнголы Сань-чуани в случае засухи ставили статую этого бога на ночь в пещеру возле богини, чтобы он испугался и растворил небо. В процессии принимали участие тереучи — смотрители за посевами и укротители грозы.

Глава XII. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ. НАНЬ-ШАНЬ И ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЦЕНТРАЛЬНУЮ МОНГОЛИЮ (1885—1886)

Монастырь Гумбум. Ламы, их разряды и занятия. Религиозные пляски и барельефы из масла. Переснаряжение экспедиции. Донкыр. Озеро Куку-нор. Остров отшельников. Переход через два хребта. Кризис с верблюдами и наем яков. Шира-егуры. Оазис Гань-чжоу. Коварный солончак. Путь вдоль р. Эцзин-гол. Окраина пустыни. Торгоуты, их князь и княгиня. Переход через Гоби. Озеро Гашун-нор. Цепи Монгольского Алтая и долина озер. Южный склон Хангая. Ламын-гэгэн и его монастырь. Путь по Хангаю до Кяхты. Результаты путешествия

Монастырь Гумбум, один из самых знаменитых в нагорье Амбо, был расположен в 25 километрах на юго-запад от г. Синина в обширной холмистой котловине, окруженной плоскими горами. По холмам в беспорядке были разбросаны одноэтажные с плоскими или двухскатными крышами здания отдельных храмов и окруженные стенами дворы с фанзами лам. Храмы были разной архитектуры. Они выделялись по высоте и яркой раскраске на общем желто- сером фоне котловины. Зелени почти не было видно. Только кое-где были отдельные деревья. Окружающие горы были покрыты зеленью весной и до половины лета. В Гумбуме жило около трех тысяч лам, а в прилегающих к нему слободах — китайцы, широнголы и тангуты. Монастырь служил сборным пунктом для караванов богомольцев, отправлявшихся из всей Монголии и Ордоса в Лхассу, столицу и духовный центр Тибета. Эти караваны приходили в Гумбум осенью на верблюдах, которых продавали здесь, зимовали и в марте отправлялись дальше в Тибет уже на яках, так как верблюды плохо выносят климат высокого нагорья. Яки везли только вещи — платье, пищу, палатки и юрты, а богомольцы шли пешком. Поэтому зимой в Гумбуме население значительно увеличивалось.

Скасси приехал в Гумбум раньше остальных, и ему отвели для экспедиции сначала заброшенный двор с полуразвалившимися фанзами. Но после протеста, а также благодаря поступившим сведениям о том, что сининский

губернатор покровительствует экспедиции, для нее очистили один из жилых дворов, выселив из фанз их обитателей — лам; их оставили жить только водном флигеле у ворот.

Один лама Машен был приставлен к экспедиции; он бывал в Забайкалье, видел русских людей, был немного знаком с русскими порядками и даже знал слово «матушка». Стены и потолок помещения были расписаны красками; на них были нарисованы горшки с цветами и сюжеты из китайских сказок и повестей. Двери и ставни также были покрыты рисунками, а балки, поддерживавшие потолок, представляли как бы свитки материй, затканных цветами.

Вскоре от управителей монастыря пришли ламы поздравить членов экспедиции с приездом; они принесли ведро рисовой каши с изюмом и джумой (корешки одного растения). Позже ламы не раз пытались выманить у путешественников пожертвования; приходили депутации от разных храмов с поздравлениями по случаю каких-нибудь праздников и приносили бумажные пакетики, содержавшие горсть черного сахара, горсть леденцов, десятка два плодов жужубы. Пришлось давать за это серебро, которое шло как бы в уплату за даровую квартиру.

Во время зимнего праздника, когда ламы-художники лепили из козьего масла рельефные картины для выставки, приходили депутации с просьбой принять участие в сборе на материал для этой работы.

Ламы в Гумбуме, как и в других монастырях, делились на четыре разряда. Одни были заняты церковной службой и гаданием для богомольцев; в их числе были также ремесленники и художники. Другие считались врачами; они изучали тибетскую медицину, собирали лечебные травы и составляли из них лекарства. Третьи изучали и переписывали священные книги, а также устраивали публичные диспуты по различным вопросам. Наконец, ламы четвертого, высшего, разряда предавались созерцанию, молились днем и ночью, читали книги тарни, недоступные для других; они ели только раз в сутки, ходили не толпой, а только гуськом, при этом не оглядываясь по сторонам. Кроме того, имелись ламы чернорабочие, их обязанностью было обслуживать лам первых четырех разрядов. В монастыре жили также мальчики, привезенные их родителями для обучения у лам; эти будущие ламы часто вылезали на крыши домов и читали нараспев выученные молитвы.

Одежда лам отличалась от одежды мирян. Они не носили панталон, а надевали две юбки — белую внизу и красную сверху — и носили безрукавку, оставлявшую шею и руки голыми;

широкий пояс из желтой материи стягивал стан. Сверху ламы носили кусок грубого красного тибетского сукна, накинутый шалью, — в него они кутались и зимой. В Монголии, где зимы холодные, ламы носили под шалью шубы, но в Гумбуме это разрешалось только в случаях, когда ламы, отправлялись в поездки. Идя на богослужение, ламы надевали желтую мантию и желтую шапку, похожую на фригийский колпак; вообще же они ходили с непокрытой головой.

На чистоту улиц в Гумбуме не обращали такого внимания, как в Лабране. Если бы не собаки и, в особенности, не китайцы соседних деревень, приходившие в монастырь для сбора удобрения, улицы были бы полны нечистот, так как ламы не стеснялись оправлять нужды не только ночью, но и днем прямо на улицах и даже перед храмами.

Гумбум — древний монастырь, построенный на родине Цзонкавы, основателя ламаизма — северного буддизма; его день рождения празднуется в начале зимы большой иллюминацией, которую путешественники видели вскоре после приезда. Владелец каждой кельи выставил у себя на крыше ряд масляных лампочек. Вид был очень красивый; на темном фоне неба и холмов, на которых амфитеатром были разбросаны дома, тянулись линии огоньков одна над другой. На кровлях видны были группы монахов в красных одеяниях; поставив лампочки, они творили земные поклоны в сторону главного храма, откуда доносились звуки труб и барабанов.

Кроме этого праздника в Гумбуме справлялись еще шесть праздников в году — в первом, четвертом, шестом, девятом, десятом и двенадцатом лунных месяцах,— большею частью с религиозными плясками лам, замаскированных разным образом. Эти пляски особенно привлекали богомольцев; они назывались «цам».

Накануне нового года путешественники видели сожжение «соров». Из каждого храма принесли «сор» — особым образом испеченный хлеб на подносе под пирамидой разных украшений, среди которых непременно должно было быть изображение мертвой головы. Ламы несли соры с музыкой, под балдахином, со знаменами; все соры принесли на площадь, где был приготовлен соломенный костер. Ламы разрубали соры и бросали в костер. На площадь, согласно ритуалу, вывели также лошадь, на седле которой были уложены стрелы и другие принадлежности ламы-гурьтуна, одаренного экстатическими свойствами.

Новогодние праздники, которые в Китае вообще продолжаются две недели, в Гумбуме закончились цамом и праздником масла. В тринадцатый день первого месяца цам

происходил во дворе самого большого храма; зрители сидели на лестницах зданий, окружающих двор со всех сторон, и на крышах. Гэгэн, молодой человек, восседал в парчевом одеянии в высоком кресле на галлерее и все время был неподвижен, подобно статуе. Ламы в масках выходили парами из храма, медленно, с пляской подходили к гэгэну, делали поклоны и двигались дальше, описывая круг.

Маски представляли головы быков и оленей с рогами; четыре мальчика изображали скелеты — их маски представляли мертвые головы, на груди были нарисованы ребра, а пальцы удлинены. Главная маска представляла быка с огромными рогами; это был бог Чойчиль. Две маски имели карикатурные человеческие лица; они забавляли зрителей и вместе с тем раздвигали толпу, очищая место; они вынесли ковер, кресло и вывели из храма маску, изображавшую дряхлого старика с огромной лысой головой; за полы его халата держались четверо маленьких бритоголовых ребят с пучками волос на висках. Старика усадили в кресло, дети разместились вокруг него; эта семья возбудила смех.

Маски были одеты богато. Они были обуты в белые шелковые сапоги и плясали медленно, но стройно, хотя иногда спотыкались на булыжной мостовой двора. Мальчики с оленьими головами встали перед гэгэном на колени и долго размахивали рогами, подражая движениям шаманов. После пляски разрубили на части какую-то фигуру, заранее положенную на ковре среди двора. Не плясавшие ламы сидели на ковриках по обе стороны гэгэна. На кровле над ними и на паперти храма помещались музыканты с трубами и медными тарелками. Перед почтенными лицами среди зрителей стояли столики с лакомствами.

Через два дня, 15-го числа, в Гумбуме был большой съезд на выставку художественных произведений из масла. Монахи в складчину скупали козье масло, красили его в разные цвета и лепили из него сложные барельефы «чоба». С утра возле монастыря открылась ярмарка; купцы раскинули палатки, разостлали цыновки с товарами. Когда стемнело, к путешественникам пришли ламы с фонарями и пригласили смотреть чоба; Сантан-джимба посоветовал взять с собой денег. Около главного храма толпа любовалась ярко освещенными щитами с барельефами из масла. На главном щите в виде треугольника в восемь метров высотой была вылеплена фигура далай-ламы, благодушно улыбающегося молодого человека с цветком в одной руке; другая рука благословляла; его сапог поддерживали маленькие амуры. На раме, окружавшей эту фигуру, были представлены сцены из жизни богов. Вокруг здания был расставлен целый ряд небольших щитов, выставленных

разными группами монахов На щитах были изваяны барельефы. На некоторых из них посредством нехитрого механизма фигуры двигались, что доставляло присутствующим большое удовольствие. Зрители ходили, любовались и жертвовали деньги в пользу художников. В одной палатке играла музыка, в другой ламы угощали чаем, зазывая почетных гостей. Праздник продолжался до полуночи, а затем огни погасили, щиты сняли, масло соскоблили и сложили в кучу, в короткое время уничтожив длившуюся целый месяц работу художников. Но верующие буддисты покупали это масло, считая его целебным. Эта выставка лепного искусства устраивалась каждый год, причем картины менялись. Они создавались художниками на память или по китайским рисункам.

Во дворе экспедиции — во флигеле — остались жить трое лам, жизнь которых было интересно наблюдать.

Старший из них, с лицом желтым, как дубленая кожа, по целым часам читал нараспев молитвы гробовым голосом, нагоняя на слушающих тоску; остальное время он переписывал тибетские книги. Второй был молодой художник, который с рассветом уходил на работу в мастерскую и возвращался в сумерки. Третий был хромой портной, он же топил кельи и варил пищу для товарищей. Шил он на галлерее, так как в кельях было темно и холодно; но его часто отрывали от работы нищие, которые заходили во двор и протягивали чашку, затягивая унылую песню. Портной вставал, шел, ковыляя, в свою келью и приносил чашку дзамбы нищему. Это повторялось несколько раз в день, но он никому не отказывал, подавая из своего скудного заработка.

В многолюдном Гумбуме только немногие ламы, отличившиеся в изучении писания и на диспутах, получали известное количество зерна для питания, а на платье и другие расходы они должны были зарабатывать. Большинство же лам, если они не получали постоянной поддержки от своих родных, должны были так или иначе работать — украшать храм или заниматься каким-нибудь ремеслом, врачеваньем, наконец, услуживать богатым ламам. Пожертвования богомольцев шли на украшение храмов и содержание только избранных — гэгэна и лам высшего разряда.

Гумбум был выбран экспедицией для зимовки не только ради этнографического интереса. Григорий Николаевич во время зимовки значительно пополнял свои записи о монголах-широнголах, что дало ему возможность посвятить в отчете о путешествии большую главу образу жизни, нравам и обычаям этого народа, оторванного от остальных монгольских племен и жившего среди тангутов и китайцев. Помимо того, он

рассчитывал встретить в Гумбуме среди паломников монголов, пришедших из Хангая, и расспросить их о дороге через Центральную Монголию, которую он хотел пересечь на обратном пути на родину ввиду полной неизученности этой страны. Он надеялся также недорого купить у них для этого пути верблюдов, на которых они прибывали в Гумбум. В последнем отношении он ошибся. Верблюды эти были недороги, но сильно истощены далекой дорогой, так как паломники брали с собой, конечно, не лучших, а плохих верблюдов, зная, что в Гумбуме их придется продать дешево. Ни один из купленных путешественниками верблюдов до Кяхты не дошел.

Весной 1886 г. караван был составлен из прежних служителей — широнголов, которые были отпущены на время зимовки, а весной вернулись, узнав, что Сантан-джимба едет с экспедицией до Кяхты. С ним они были согласны итти куда угодно. Взяты были еще три тангута. Все это были опытные люди и хорошие работники, но, к сожалению, они не знали обращения с верблюдами. Для этой работы Потанин взял лам, но они оказались малоопытными, испорченными монастырской жизнью; нанялись, конечно, ламы из числа тех тунеядцев, которые проводили время в шатании из монастыря в монастырь в поисках лучшего. Из них только один дошел до Кяхты.

10 апреля 1886 г. экспедиция вышла из Гумбума и, не заходя в Синин, направилась в г. Донкыр, последний китайский город перед страной Куку-нор, населенной кочевниками. В этом городе Потанин познакомился с отставным китайским генералом, который бывал в горах Нань-шаня. Он сообщил Григорию Николаевичу сведения о местности и дорогах; другой знакомый, местный ученый, дал Григорию Николаевичу китайскую книгу с описанием Сининского округа и картой Нань-шаня; последняя оказалась весьма несовершенной, и ее пришлось исправлять по своим наблюдениям. В Донкыре получили серебро, назначенное одним жертвователем на продление пребывания Березовского еще на год на окраине Тибета, и экспедиции пришлось расстаться с этим полезным сотрудником, который уехал обратно.

Из Донкыра экспедиция в четыре перехода достигла озера Куку-нор, того самого, о посещении которого мечтал знаменитый географ Гумбольдт и, читая его книгу о Центральной Азии, мечтал и Потанин.

Озеро было еще покрыто льдом, а горы его южного берега были затянуты пыльной мглой, так что вид на озеро не произвел особого впечатления. Это озеро имеет около ста километров в длину и около пятидесяти в ширину и лежит на высоте 3090 метров в широкой долине между двумя горными хребтами. С

востока его замыкают менее высокие горы, а на запад долина продолжается далеко, орошаемая рекой Бухаин-гол, главным притоком озера, которое стока не имеет, так что вода его горько-соленая. В ясную погоду озеро представлялось синим зеркалом (откуда и название: куку — синий) в зеленой раме, уходящим на запад, за горизонт; гребень окружающих гор еще был покрыт снегом. Северный хребет, более высокий и скалистый, кое-где имеет и снеговые вершины. С этих гор в озеро текут многочисленные речки.

Среди озера белел небольшой остров, на котором, как узнали путешественники, жило несколько буддийских отшельников. Они почти 10 месяцев в году были отрезаны от всего мира, так как лодок на озере не было; только зимой, когда озеро покрывалось прочным льдом, к отшельникам приходили паломники и приносили им запас пищи на год. Но в иную зиму, когда сильные бури взламывали лед, паломники не решались навещать отшельников, которые тогда довольствовались молоком от стада коз, пасущихся на острове. Жили они в пещерах и пили дождевую воду из ямы; они проводили все время в молитвах и созерцании, доили коз и лепили из глины фигурки богов, которые раздавали паломникам за продукты — дзамбу и чай.

Экспедиция прошла по восточному и северному берегам озера и осмотрела большие песчаные дюны, нагроможденные ветрами из песка, выбрасываемого волнами. На лугах северного берега видны были черные палатки тангутов, стада яков и длинношерстных тибетских овец. Прежде на берегах озера жили также монголы-олеты, но тангуты долины Бухаин-гола совершали на них грабительские набеги и постепенно вытеснили олетов на восток, хотя земли на Куку-норе продолжали считаться принадлежащими монгольскому князю.

Познакомившись с Куку-нором в неудачное весеннее время, когда озеро было покрыто льдом, грязным от пыли, нанесенной западными ветрами, Потанин не мог оценить красоту его и, не задерживаясь, повернул в долину реки Харги, текущей из северного хребта. По этой долине в три перехода достигли перевала через хребет; подъем шел по речке, еще покрытой толстым льдом; на горах в логах и впадинах лежал снег. Перевал имел 4150 метров высоты. Подъем и спуск были пологие, и рассказы тангутов, что перевал не доступен для верблюдов, оказались ложью. Спуск привел в широкую долину реки Да-тун-гол, которая отделяла этот первый хребет системы Нань-шаня от второго. Дно долины представляло во всю ширину сплошное кочковатое болото, но пройти его было нетрудно, — весна на этой высоте в 3550 метров едва начиналась, и болото еще не оттаяло.

Благодаря тому же обстоятельству река была не глубока, ее легко перешли вброд и остановились у подножия второго хребта, в устье ущелья. Пока ставили палатки, стадо баранов, которое было куплено еще перед Куку-нором для продовольствия, убежало; в это время начался снежный буран, и выследить баранов было невозможно; посланные люди вернулись без них. Буран продолжался всю ночь. Утром, когда он прекратился, возобновили поиски и, наконец, нашли стадо, укрывшееся в котловине между горами. Из-за этого потеряли целый день.

Дальше поднялись на второй хребет по короткому ущелью. Перевал в 4035 метров был под снегом, дул сильный холодный ветер, поднимавший снег; температура упала до —9°, руки мерзли. Спускать верблюдов с перевала по глубокому снегу пришлось по одному; с одного вьюк свалился, другой порезал себе подошву об острые камни под снегом. В конце спуска снега почти не было, но дно долины было болотистым, и верблюды скользили. На ночлеге с трудом нашли место для палаток,— везде были кочки. Стоянка была у границы леса, ниже ее видны были деревья можжевельника.

На следующий день перевалили на северном склоне в долину реки Бага-донсук. Спуск был очень болотистый, вся долина была занята болотом с густым кустарником; с трудом выбирали направление для прохода верблюдов. Ниже болото стало суше, но кусты стали выше, что тоже затрудняло проход вьюков; кусты караганы и колючей облепихи достигали двух метров высоты. Еще ниже на склонах появился лес из ели и можжевельника; здесь ночевали и на утро спустились в широкую долину реки Эдзин-гол, отделяющую второй хребет от третьего. Последний китайцы называли Па-бао-шань, монголы — Найман-эрдени-ола; то и другое значит — гора восьми драгоценностей. Вершины его были под снегом.

По долине реки Эдзин-гола экспедиция прошла до монастыря Па-бао-сы. Оба склона были заняты еловыми лесами, а дно долины было луговое с кустами ивы и облепихи до пяти метров высоты; ниже появился и тополь. У монастыря простояли два дня. Ниже его река Эдзин, приняв слева реку Бардун, текущую по той же продольной долине с запада, прорывалась диким ущельем через хребет Па-бао-шань на протяжении около 40 километров. Это ущелье было доступно для проезда только в самую малую воду, и экспедиция поэтому направилась вверх по долине реки Бардун. Вскоре из-за скал, подступивших к реке, пришлось переходить ее вброд два раза; броды были глубокие, в полбока лошади и по брюхо верблюду. На втором броду переправа верблюдов заняла два часа. Каждого вел под уздцы один человек,

а двое по бокам поддерживали вьюк.

Дно реки было завалено крупными валунами, на которых верблюды легко могли поскользнуться и упасть с вьюком в воду. За бродом пришлось остановиться, чтобы люди обсушились после холодной ванны. Дождь на следующее утро заставил простоять здесь еще один день.

Так как долина реки Бардун дальше превратилась в ущелье, пришлось уйти на правый склон, разрезанный боковыми долинами, проделать ряд подъемов и спусков через отроги, поднимаясь выше границы леса. Три верблюда так устали, что легли, и их вьюки переложили на других. Ночлег, после этого трудного перехода, в боковой Долине возле леса ознаменовался нападением волка на стадо баранов, которое шарахнулось и убежало в горы. Ночью найти стадо не могли, а утром оказалось, что восемь баранов были зарезаны, причем два были так изгрызаны, что не могли уже пойти в пищу людям. Остальные бараны были рассеяны по горам, их долго собирали, но двух совсем не нашли. Поиски и свежевание зарезанных задержали выезд с этого печального ночлега до полудня.

В этот день дорога шла по гористой местности, заросшей лесом, в котором приходилось держать баранов грудкой, не давая им рассыпаться, особенно на спусках. В одном месте выступ скалы разрезал стадо на две части; одна часть растерялась и бросилась бежать в сторону, пока не очутилась на краю отвесного обрыва, откуда их удалось вернуть. На этом переходе еще больше хлопот доставили верблюды; они уже устали, и на подъемах и спусках приходилось вести каждого отдельно, поддерживая вьюки с боков силами трех-четырех человек; спуски и подъемы были не длинны, но круты и каменисты.

Верблюды уставали так скоро после начала путешествия, по-видимому, не только потому, что они были не из лучших, но также и потому, что наступила пора их линяния к лету; в это время с тела верблюдов целыми клочьями слезает их старая шерсть, и они постепенно становятся голыми. А экспедиция как-раз находилась в высоких горах, где температура и в полдень редко была выше а по ночам мороз достигал —5 и —6°, причем нередко выпадал снег. Кроме того, были переправы через холодные реки. Это замедлило линьку и вызвало утомление. Более слабые верблюды шли без вьюков и все-таки порой отказывались итти; у них внезапно подкашивались ноги, они начинали дрожать всем телом, ложились, и никакими мерами нельзя было заставить их встать. Монголы объясняли это испугом и уверяли, что высокие горы своим видом вызывают у животных нервное потрясение. Скасси на основании своего опыта в

Туркестане подтвердил, что в это время года на высоких горах около половины верблюдов сразу лишается сил. Поэтому приходилось задумываться о судьбе каравана; стало ясно, что на верблюдах нельзя будет выбраться из Нань-шаня, так как предстоял еще переход через самый широкий северный хребет.

Григорий Николаевич просил одного из китайских чиновников, сопровождавших экспедицию из Донкыра, съездить к кочевникам шира-егурам, жившим в соседней долине, и нанять у них яков для перевозки вьюков, а в ожидании их прихода караван медленно подвигался вверх по долине реки Бардун. Населения здесь не было, но в разных местах встречались в виде ям, шурфов и отвалов признаки добычи россыпного золота, частью старые, частью недавние. По расспросам оказалось, что, когда устанавливается более теплая погода, в долину приходят китайцы из-за хребта и моют золото. Эту верхнюю часть долины они называют Е-нью-коу, т. е. долиной диких коров, так как в ней встречаются дикие яки, многочисленные в средней части Нань-шаня.

По прибытии 20 яков с шира-егурами караван повернул из долины реки Бардун на север и небольшими переходами, ради сохранения верблюдов, шедших порожняком, начал переваливать через целый ряд цепей северного хребта, останавливаясь в промежуточных между ними долинах. Дорога была трудная, и возни с верблюдами было много. В местах, размытых дождями, по которым яки шли свободно, для верблюдов надо было чинить тропы. Приходилось выводить их по одному на перевалы и водить под уздцы в трудных местах на косогорах. Яков меняли на стойбищах шира-егуров; последние иногда привозили на стоянки каравана угощение в виде свежего и кислого молока и масла в деревянных ведерках, а на продажу привозили муку и соль. Некоторые хлопоты доставляли и яки: навьюченные, они не шли гуськом, как верблюды, а всегда шли кучей, при этом то обгоняли друг друга, то теснились на одной тропе, сталкивая с нее друг друга. При этом ящики с коллекциями постоянно стукались, а так как ящики были плохие, они часто ломались, и их приходилось чинить. Один раз ящик со шкурками птиц совсем развалился и упал в болото. Шкурки подмокли, пришлось их совершенно распаковать, просушить и опять упаковать. На последней стоянке в горах большая компания шира-егуров организовала встречу каравана. Они выставили большую палатку, ламы из соседнего монастыря и старший из кочевников угощали в ней путешественников чаем и дали им муки, риса, хлеба, изюма, сахара и молока, так как узнали, что в караване все запасы истощились, осталось только несколько баранов.

За этой стоянкой злоключения экспедиции скоро кончились. Она спустилась с гор к китайскому городку Ли-юань, где ее встретил местный мандарин, очень беспокоившийся о судьбе путешественников и устроивший выезд к ним шира-егуров с провизией. Он сам приезжал в их палатки, стоявшие за городом, прислал им готовый обед, риса, муки и свинины, а его жена — редиску, капусту и лук. Отъезд экспедиции проходил в его присутствии и был обставлен торжественно: пускали ракеты, а городская милиция выполняла церемонию коленопреклонения.

В Ли-юани шира-егуры с яками были отпущены. Потанин использовал свое кратковременное знакомство с ними, чтобы собрать сведения об этом немногочисленном народе, обитавшем в северной части Нань-шаня в черных тибетских палатках. Пять восточных родов шира-егуров говорили по-монгольски, а два западных, называвшихся кара-егурами,— по-тюркски. Но все они были ламаисты. Китайцы называли их «хуан-фань», т. е. желтыми варварами.

Из Ли-юани экспедиция через предгория Нань-шаня вышла в длинный пояс оазисов западной части провинции Ганьсу, который тянется вдоль подножия Нань-шаня и отделяет эти горы от пустынь и степей Ала-шаня и Бей-шаня. Оазисы питались водой нескольких крупных и многих мелких рек, вытекавших из гор. Крупные уходили отчасти и дальше в пустыню, где кончались в озерах, мелкие целиком расходовались на орошение полей. В этом поясе были расположены три больших города — Лян-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу и много меньших. Экспедиция вышла в оазис Гань-чжоу, орошавшийся большой рекой Эдзин-гол (по-китайски Хый-хэ), которая, как нами было описано, прорывается через хребет Па-бао-шань на равнину. Вид этой равнины поразил некоторых рабочих каравана, которые всю свою жизнь провели в тесных горных долинах.

Верблюды каравана, еле дотащившиеся до пояса оазисов, где было уже жарко, нуждались в продолжительном отдыхе перед дальней дорогой через Монголию. Поэтому экспедиция прошла до небольшой деревни на западной окраине оазиса Гань-чжоу и простояла там 19 дней, до 24 июня. Но верблюды плохо поправлялись, и Потанин решил нанять у китайцев телеги, которые должны были довезти большую часть вещей до ставки торгоутского князя в низовьях реки Эдзин-гол, где он надеялся обменять самых плохих животных.

С этой стоянки пошли сначала на запад, по большой дороге в Су-чжоу, вдоль реки Эдзин-гол, по равнине, представлявшей солончак с лужами воды. Потом пришлось повернуть на север, куда ушла и река из пояса оазисов. Пересечение солончака в этом

направлении оказалось трудным.

Среди солончака завяз в глубокой грязи караван из 20 китайских телег, и жители соседней деревни уже два дня занимались их вытаскиванием и доставкой хлеба женщинам и детям, сидевшим на телегах. Пришлось остановиться и послать людей на поиски лучшего пути через топь. Дорога нашлась, по ней пустили сначала верблюдов, а затем и телеги и благополучно проехали. Хотя колеса глубоко вдавливались в верхний сухой слой почвы солончака, но не проламывали его, тогда как телеги китайского каравана погрузились до ступицы колес, и их после разгрузки вытаскивали силами 10 лошадей и 20 человек, бродивших по пояс в черной грязи.

За солончаком следовали невысокие холмы, целый ряд селений и небольшой город в низменности, составлявшей продолжение оазиса Су-чжоу и орошавшейся другой рекой, текущей из Нань-шаня. Но здесь уже чувствовалась близость пустыни; появились барханы сыпучего песка, голые холмы, усыпанные щебнем, и бесплодные площади. По этой местности подошли к реке Эдзин-гол, против последнего китайского городка Момин на ее правом берегу. Эта река, чистая и многоводная в горах и окаймленная зеленью в оазисе Гань-чжоу, не представляла здесь ничего привлекательного; буро-желтая вода струилась среди плоских берегов, дробясь на рукава между мелями и голыми островами. Вдоль берега тянулась узкая полоса деревьев — разнолистного тополя, джигды и ивы, местами образовавших рощи. Но местами деревьев совсем не было. Рощи были окаймлены кустами тамариска[39] и хармыка или зарослями чия. Дорога шла на некотором расстоянии от реки, по степи со скудной растительностью; попадались песчаные барханы, а слева подступали отроги остававшихся на западе пустынных гор в виде голых, скалистых или усыпанных щебнем холмов. Местами эти холмы отходили далеко в сторону, и дорога шла по краю пустыни, усыпанной щебнем. В рощах попадались юрты монголов-торгоутов.

На половине пути к ставке князя горы кончились, и узкий пояс растительности вдоль реки резко обрывался окраиной пустыни, усыпанной галькой и песком; по ней были разбросаны мелкие бугры песка, наметенного ветрами вокруг кустиков. Местность была унылая, почти безлюдная. На ночлег подъезжали к берегу реки, и чай приходилось варить из ее мутной воды, дав ей отстояться, чтобы ил, который переполнял воду, отчасти осадился. 20 июля остановились вблизи ставки князя, обменялись визитами с ним и вели переговоры о смене верблюдов. Меняли двух худых на одного хорошего или худого верблюда с приплатой

— на хорошего верблюда. Так как состав каравана при этом сократился, то наняли еще верблюдов до монастыря у подножия Хангая. Все это заняло 15 дней, так как новых верблюдов нужно было пригнать из Гоби, где они отдыхали на пастбищах в нескольких днях пути от ставки. Их угоняли на лето туда потому, что обилие комаров на берегах Эдзин-гола не давало бы верблюдам возможности откормиться. Это обилие комаров путешественники испытали и сами; днем еще можно было их терпеть, но вечером целые тучи комаров нападали на людей и животных. Чтобы отчасти избавиться от них, палатки перенесли в степь, подальше от реки, и вечером раскладывали дымокуры, так что весь лагерь заволакивался дымом. Донимала также жара; в полдень термометр в тени поднимался до 38° Ц; жара начиналась с утра; ночи тоже были теплые.

Монголы-торгоуты Эдзин-гола в общем бедный народ, даже их князь имел только 10 верблюдов. Занимались они только скотоводством; между тем теплый климат и большая река позволяли бы им заниматься хлебопашеством с орошением и садоводством. Все они были ламаисты и имели монастырь на правом берегу, конечно, с гэгэном.

В песках, в безводном месте, к востоку от реки, по словам торгоутов, находятся развалины древнего города, дома которого засыпаны песком; разрывая его, находят серебряные вещи. Потанин записал это указание, и позже экспедиция Козлова открыла в этой местности развалины города Хара-хото, в которых добыла очень ценные материалы для истории — ткани, рукописи, монеты, разные изделия средних веков.

Несмотря на двухнедельную стоянку вблизи ставки князя, Потанину удалось собрать только немного сведений о торгоутах во время разговоров с князем и его приближенными; представителей этого народа он видел мало. Сам князь несколько раз приезжал в лагерь экспедиции, а княгиня пригласила жену Потанина к себе. Александра Викторовна так описывает это посещение:

«Я поехала в ставку с Сантан-джимбой. Ставка не представляла ничего внушительного — те же юрты, только войлоки на них немного белее, чем у простых торгоутов. Перед одной из них стояли мачты. Из нее вышли две женщины, помогли мне сойти с лошади и повели в юрту. У дверей меня встретила высокая монголка, за халат которой цеплялось четверо ребятишек. По костюму я приняла ее за няню; но в юрте она меня усадила и стала занимать разговорами, и я поняла, что это княгиня, а ребятишки в засаленных халатах и грубых сапогах — ее дети. От обыкновенных юрт юрта княгини отличалась только

пунцовой шерстяной материей, которой она была обтянута изнутри. Против очага стояло низкое кресло с пунцовыми подушками; это было кресло самого князя.

Вскоре в юрту вошли несколько монголов с шариками на шапках; перед нами поставили скамеечки и подали чай в фарфоровых чашках; потом в тех же чашках нам подали пельмени. Чиновники скоро ушли и увели с собой Сантан-джимбу; после этого мой разговор с княгиней пошел успешнее. Я отдала ей маленькие подарки, которыми тотчас же завладели дети. Мы говорили о погоде, о жаре, о комарах, мучащих людей. Княгиня спрашивала меня о моих странствиях и призналась, что кроме своих степей она ничего не видала. Старшую девочку она уже приучала к хозяйству: она умела уже доить овец, но еще не умела доить коров.

Княгиня не жаловалась на бедность, но вся обстановка говорила о ней. Особенно поражали нас своими лохмотьями и попрошайничеством слуги князя. Они приходили в наш лагерь и просили еды и одежды. Хотя наши рабочие уже сами обносились, но их обноски годились еще для прислуги князя».

5 августа экспедиция на свежих, обмененных и нанятых, верблюдах пошла дальше вниз по реке Эдзин-гол. Местность сначала имела тот же характер, что и прежде, — узкая полоса рощ и зарослей тянулась вдоль берега реки, а к западу от дороги до линии горизонта расстилалась обширная степь с редкими кустиками, усыпанная галькой, местами сменяемая солончаками. По прежнему надоедали комары, но, несмотря на их присутствие, встречалось много юрт торгоутов. Через два дня река отклонилась в сторону, и экспедиции предстоял теперь большой переход через Гоби.

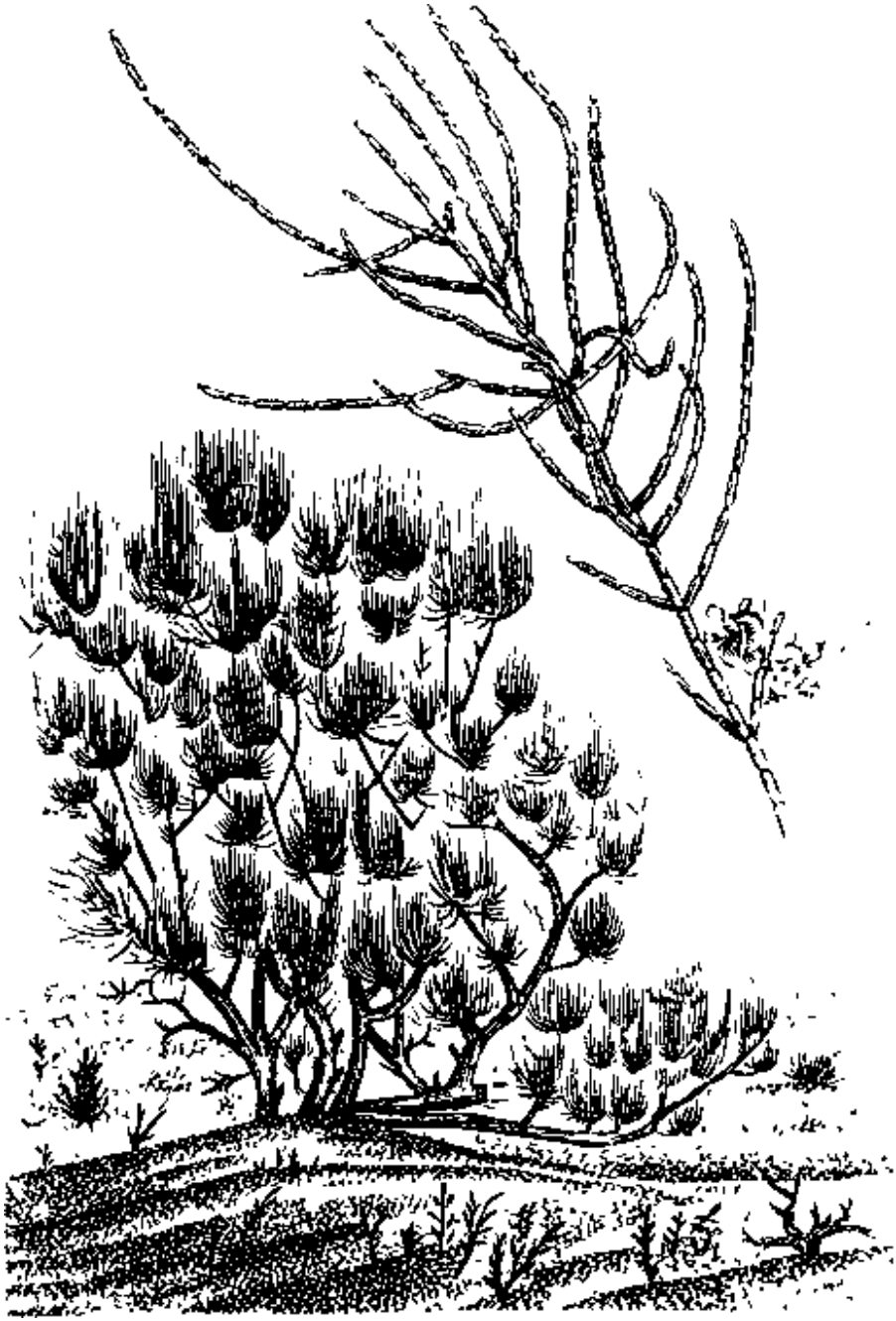
В первый день дошли до колодца Шара-хулусун по песчаной степи, по которой были рассеяны бугры песка с кустами тамариска и отдельные деревья саксаула[40]. Вода в колодце была соленая, пахучая и грязная; пришлось вычерпать всю воду и черную вонючую грязь на дне колодца и выждать, пока не набралась свежая сносная, хотя и солоноватая вода.

На следующий день тронулись в путь в пять часов утра, так как предстоял огромный безводный переход. Когда рассвело, увидели такую же песчаную степь почти бесплодную; редко попадались маленькие кустики и стебельки.

В 11 часов дня подошли к большому озеру Гашиун-нор, в которое впадает один из рукавов реки Эдзин-гол; здесь остановились для отдыха животных; корма для них не было никакого.

Потанин поехал к озеру, чтобы взять из него пробу воды;

берег был плоский и топкий; чтобы набрать чистой воды в бутылку, пришлось брести по колено более двухсот метров по соленой грязи, которая пузырилась под ногами и пенилась; на ней плавала зеленоватая слизь, ходили и стояли мириады мелких мух. Вода была горько-соленая и содержала 8.3% разных солей. Во время половодья реки озеро разливается и затопляет свои берега километра на три. Оно расположено на высоте 1000 метров среди обширной впадины, которая уходила в обе стороны на восток и на запад за горизонт. А впереди, на севере, тянулся непрерывный ряд скалистых гор; туда нужно было дойти, там были корм и вода.



Саксаул; вверху его ветка с цветами

Близ озера караван простоял пять часов, чтобы переждать жаркое время; термометр в тени показывал 31,5°. Сварили чай из привезенной в бочонках воды, напоили ею и лошадей и дали им немного травы, накошенной еще на берегу Эдзин-гола. В 4 часа пошли дальше и шли до полуночи по такой же песчаной степи,

усыпанной галькой и щебнем и почти лишенной растительности. Когда стемнело, с северо-запада подул сильный ветер и поднялась буря, но луна светила, и дорогу было видно. Около полуночи начались какие-то холмы; луна закатилась, стало темно; караван разбился на части, которые теряли друг друга из вида. Поднимался крик, начинались поиски и задержки. Пришлось остановиться, чтобы не утомлять напрасно животных. Уложили верблюдов, сняли с них вьюки, лошадей связали, а люди разлеглись на земле. Когда рассвело, оказалось, что караван расположился в долине между двумя рядами холмов; песчаная почва была усыпана щебнем и по прежнему бесплодна.

Покормив лошадей остатками травы, пошли дальше, сначала по холмам, а затем по открытой степи, с которой вдали, на юге, видно было озеро Гашиун-нор. Эта степь была значительно выше степи озерной впадины; северную кайму последней составляли холмы, среди которых остановились ночью. Там имелся колодец, но с горькой водой, которую не пили даже верблюды. После полудня караван вошел в предгорья скалистой цепи, которая видна была от озера. Здесь в три часа дня встретили воду в виде ручья в верховьях сухого русла. Переход через Гоби был окончен; он занял 34 часа, из которых 25 часов шли, а девять стояли — пять часов у озера и четыре в холмах. После утомительного перехода по пустыне журчащий по песку ручеек и зеленая полянка вдоль него показались усталым путешественникам каким-то раем.

Китайские путешественники, пересекавшие пустыни, толковали о «разговорах духов». Григорий Николаевич полагал, что эти рассказы имеют некоторое основание. Он сам и его жена на переходе через Гоби в жаркие часы испытывали ощущение, что откуда-то доносится неясный разговор.

Это, очевидно, была слуховая галлюцинация, вызванная утомлением, так как весь караван в это время шел далеко впереди и разговор оттуда не мог доноситься.

Этот переход через Гоби кончился благополучно благодаря тому, что был взят запас воды в бочонках не только для людей, но и для лошадей, а также потому, что на последней стоянке перед Гоби была накошена трава. Потанин отмечает, что все это было сделано благодаря распорядительности Скасси, который своевременно позаботился о том, чтобы бочонки были приведены в порядок и наполнены водой, а также и о правильном распределении времени на переходы и остановки. Он вспомнил тяжелый переход через Джунгарскую Гоби, стоивший нескольких лошадей. На этот раз не дошла до стоянки только одна лошадь, но и ту спасли; она отказалась итти дальше недалеко от конца

перехода, и за ней послали со стоянки человека с запасом травы и воды на верблюде.

Маленький оазис в начале гор был на 418 метров выше дна озера Гашиун-нор; вблизи ручья были даже деревья тополя, саксаула и тамариска. К воде прилетали стайки бульдуруков, штук по 30; они кормились в Гоби на свободе, вдали от человека, и издалека проносились стремительным полетом на водопой. По ночам слышен был крик совы.

У ручья простояли три дня, чтобы дать отдых животным и вернуть отставшую лошадь. На третий день пронеслась гроза с градом, и путешественники могли видеть, как по сухим руслам горных ущелий потекли ручьи мутной воды, выносившие мелкий материал из гор на пьедестал, где вода быстро растекалась, впитывалась в почву и оставляла свой груз в виде ила, песка и гальки, наглядно показывая, как создавался этот пьедестал пустынных гор.

Следующие две недели экспедиция употребила на пересечение цепей Монгольского Алтая, в этой части называемого также Гобийским, так как по обе стороны его находятся бесплодные пространства Гоби. Горных кряжей в этой системе, на пути экспедиции, было четыре. Они были отделены друг от друга широкими долинами. В горах встречались ключи и колодцы, а вокруг них подножный корм. Промежутки между кряжами представляли более или менее бесплодную Гоби; их нужно было пересекать в один переход.

Особенно широк был промежуток между вторым и третьим кряжами, но его северная половина представляла холмы и гряды горок, среди которых были ключи и колодцы. В последнем промежутке текла даже речка Легин-гол, а по ее берегам были расположены монгольские пашни; здесь путешественники видели десяток юрт монголов, которые прикочевали сюда ради жатвы. До этого на пути по Алтаю встретили людей только в самом южном кряже в виде небольшого караула. На реке Легин-гол простояли два дня и видели издали большой караван из 60 верблюдов, прошедший на восток; по этой долине проходила караванная дорога из Хами в Куку-хото.

Четвертый кряж был самый высокий; на его гребне, к западу от пути экспедиции, виднелась очень плоская вершина Ихэ-богдо с небольшим слоем снега; это была единственная вечноснеговая гора в этой части Монгольского Алтая.

Спустились к озеру Орок-нор, одному из многих озер, расположенных в широком промежутке между Алтаем и Хангаем и питаемых речками, текущими с высокого нагорья Хангай. Промежуток этот носил название «долины озер».

Прощаясь с Монгольским Алтаем, который Потанин пересекал в четвертый раз, он дал общую характеристику этой горной системы и ее скудной растительности. Обогнув озеро Орок-нор с запада, экспедиция пошла через долину озер вдоль реки Туин-гол, впадающей в озеро, и через четыре перехода достигла предгорий Хангая.

Это нагорье не спускается к долине озер так круто, как северный кряж Алтая, а выдвигает широкий пояс отрогов между долинами рек, стекающих с нагорья.

Караван продолжал итти вверх по реке Туин-гол несколько дней до станции Шор-гольджут, где река делилась на несколько истоков.

У станции Шор-гольджут путь экспедиции пересек большую караванную дорогу из Куку-хото в Улясутай, как раз в пункте, где находилась одна из станций этой дороги. На стоянку путешественников приходило много любопытных, и Потанин из предосторожности велел привязать лошадей на ночь вблизи палаток. Но это не помогло. В полночь все были разбужены криком караульного. Два вора под покровом ночи пробрались к лошадям, обрезали ремни у четырех и угнали их. Погоня в темноте не удалась. Станционные монголы посоветовали обратиться с жалобой на покражу лошадей к гэгэну большого монастыря, который в это время находился недалеко от станции на курорте.

Экспедиция передвинулась по долине к стоянке гэгэна, состоявшей из палаток и юрт. Едва успели поставить свои палатки, как гэгэн сам подъехал к ним. Это был молодой человек, но такой тучный, что по обеим сторонам его ехали всадники, которые поддерживали его под руки, чтобы он не свалился. В палатку он отказался войти, заявив, что там душно; пришлось устроить для него у входа седалище из ящиков. Он был очень любопытен, заглядывал в палатку и просил показать ему ту или другую вещь, расспрашивал об ее назначении, и то, что узнавал, он потом объяснял сопровождавшим его ламам, обнаруживая большую понятливость.

На следующий день Потанин и Скасси посетили гэгэна в его юрте, которая была полна народа; рядом с гэгэном сидела молодая красивая женщина, которую он выдавал за свою мать. Потанин и Скасси пожаловались гэгэну на покражу лошадей, а также попросили его помочь нанять новых верблюдов для оставшихся переходов по Хангаю до Кяхты, так как верблюды, нанятые у торгоутского князя, должны были отсюда вернуться на Эдзин-гол.

Относительно лошадей гэгэн ответил, что территория

почтовой станции ему не подвластна, а о найме верблюдов предложил договориться в монастыре, куда он собирался вернуться.

Через день экспедиция перебралась к монастырю Ламан-гэгэна, расположенному в долине одного из истоков реки Туин-гол среди довольно высоких гор. Монастырь, один из самых больших в Хангае, занимал обширную площадь.

Возле монастыря экспедиция простояла три дня, так как верблюдов, нанятых у гэгэна, нужно было еще пригнать с пастбищ в предгорьях Хангая. Затем, с половины сентября до 22 октября, экспедиция шла по нагорью Хан- гай, уже знакомому читателю по описанию первого путешествия. На этот раз путь пролегал по более восточной части нагорья, орошенной рекой Орхон, большим притоком Селенги. В связи с движением на север осень быстро надвигалась; по ночам температура падала ниже нуля, иногда выпадал снег.

В Кяхте Потанин отпустил всех рабочих, пришедших с экспедицией из Сан-чуани и Амдо. Каждый получил лошадь для обратного пути. Одного верблюда дали для багажа всей компании и другого отдельно Сэнтан-джимбе, который возвращался в Боро-балгасун. Эти люди, пришедшие из глубины Азии, за исключением Сантан-джимбы, уже бывавшего в Кяхте, никогда не видали русского города и русской жизни и с большим интересом знакомились с Кяхтой и соседним маленьким Троицкосавском.

Так в ноябре 1886 г. закончилось третье путешествие Г. Н. Потанина по Внутренней Азии, из которого он вывез очень большой материал наблюдений и записей, составивший два толстых тома. Первый содержит изложение всего хода экспедиции, а также большой список определенных абсолютных высот, перечни растений, характеризующие флору каждой из посещенных стран, сведения о населении, его жизни, нравах и обычаях, о фауне и археологических памятниках, путевых встречах и приключениях. К этому тому приложена маршрутная карта всего пути, составленная Скасси, и список определенных им астрономических пунктов, служивших основой для вычерчивания карты. Обширный гербарий, собранный Потаниным и его женой, и коллекции беспозвоночных и позвоночных животных поступили в обработку к разным ученым; особенно богаты были коллекции птиц, составленные Березовским, который остался еще на год на окраине Амдо и сам описал птиц.

Второй том отчета Потанина содержит большое количество сказок, легенд, исторических преданий о лицах и местностях, поверий разных племен — бурятских, монгольских, тангутских, которые он записывал со слов рассказчиков этих народностей, а

также списки местных названий зверей, птиц, растений и собрание слов нескольких монгольских наречий.

Глава XIII. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ И НА ОКРАИНУ ТИБЕТА (1892—1893)

Потанины в Иркутске, их жизнь и работа в Отделе Географического общества. Вторая экспедиция и ее состав. Переезд из Кяхты в Ургу и Калган на почтовых через Монголию. Снаряжение в Пекине. Путь на китайских телегах в Си-ань-фу. На носилках через горы в Сы-чуань. Окраина Тибета. Священная гора О-мей-шань и ночное богослужение. Пограничный город Да-цзян-лу. Природа окраины Тибета и селения тибетцев. Болезнь и смерть А. В. Потаниной.Обратный путь и результаты путешествия

По возвращении из экспедиции в Китай Григорий Николаевич с женой поселился в 1886 г. в Иркутске, приняв на себя обязанности правителя дел Восточно-Сибирского Отдела Географического общества. Он надеялся, что небольшого жалованья по этой должности — 50 рублей в месяц — будет ему достаточно для жизни и что при этом служба оставит ему досуг для того, чтобы он мог заняться обработкой материалов, собранных во время путешествия, и составлением его описания. Кроме того, он надеялся принять активное участие в чрезвычайно оживившейся в 80-х годах в Сибири культурной и просветительной работе. Сибирский патриотизм, за который Потанин так пострадал и потерял девять лет жизни, теперь уже не возбуждал подозрений.

Потанин уговорил своего друга Ядринцева, который издавал в Петербурге имевшую мало подписчиков и находившуюся накануне прекращения еженедельную газету «Восточное обозрение», посвященную сибирским вопросам, перенести издание ее в Иркутск; здесь она могла заменить газету «Сибирь», закрытую в это время, по распоряжению Главного управления по делам печати, за оппозиционное направление.

Потанин надеялся, что вокруг редакции газеты соберется кружок его единомышленников, сибирских патриотов, который сумеет организовать широкое обсуждение занимавших их всех вопросов просвещения и развития Сибири. Это сделало бы интереснее его жизнь на далекой окраине.

Иркутск был центром Восточно-Сибирского края, генерал-губернатором которого в это время был назначен либерально настроенный граф А. И. Игнатьев. В противоположность своему предшественнику, генералу Анучину, Игнатьев искренно хотел искоренить взяточничество и произвол местных властей, способствовать просвещению угнетенных национальностей Сибири и изучению экономики края. Он затеял подробное обследование сельского хозяйства Восточной Сибири для выяснения перспектив развития этого богатого края, для чего организовал подворную перепись в Енисейской и Иркутской губерниях, пригласив для этого московских земских статистиков. Потанин рассчитывал на живое участие последних как в газете, так и в Отделе Географического общества.

Игнатьев приблизил к себе бывшего редактора закрытой газеты «Сибирь» Загоскина, который жил постоянно в деревне в 20 километрах от Иркутска, имел мельницу, учил бесплатно деревенских ребят грамоте и хорошо знал быт сибирского крестьянина. При выработке мероприятий, касавшихся крестьян, Игнатьев призывал Загоскина к себе в качестве эксперта и часто задерживал его в своем доме до позднего вечера.

Во время приезда Потанина из экспедиции Игнатьев находился в Петербурге. Григорий Николаевич, приехавший в Петербург с докладом об итогах экспедиции, получив приглашение занять место правителя дел Восточно- Сибирского Отдела Географического общества, явился к нему. Игнатьев утвердил его назначение и вместе с тем предложил ему организовать в Иркутске газету вместо закрытой «Сибири». Проект перевести в Иркутск «Восточное обозрение» вместе с его редактором Ядринцевым он одобрил.

Таким образом, Григорий Николаевич возвращался из Петербурга в Иркутск в очень бодром настроении и в надежде, что покровительство генерал-губернатора избавит газету от трений с цензурой.

Отдел Географического общества, открытый в Иркутске в начале 50-х годов, помимо своей научной деятельности имел для Сибири и большое моральное значение. Он являлся центром для всех, кто интересовался в крае наукой и общественной жизнью; все они находили в Отделе одобрение и поддержку. До приезда Потанина в нем работали политические ссыльные поляки Чекановский и Черский, заслужившие большую известность своими геологическими исследованиями. Политические ссыльные Годлевский и Дыбовский организовали изучение глубин воды и фауны озера Байкала. Другие политические ссыльные, проживавшие в глухих местах обширного края, сообщали свои

наблюдения над природой и жизнью населения. В связи с возвращением, по амнистии, ссыльных поляков деятельность отдела несколько ослабела, и Потанин намеревался оживить ее.

Потанины поселились в двух низких комнатах мезонина небольшого дома, соединенного с нижним этажом узкой лестницей. Полка с книгами, простой стол, покрытый газетной бумагой в качестве письменного, еще стол и несколько стульев составляли обстановку комнаты, в которой Григорий Николаевич принимал визиты даже самых почетных в городе лиц. Редкий вечер в этой комнате, освещенной одной, много — двумя свечами, не собиралось по нескольку человек. Потанин встречал гостей в блузе, подпоясанной ремешком, а его жена — в темном ситцевом платье. Подавался самовар, и заводились бесконечные разговоры. Приходили учителя, доктора, семинаристы, гимназисты, даже попы, интересовавшиеся наукой, словом — все, кто чувствовал тяготение к той живой струе, которую вносили Потанины в жизнь города. Приходили и буряты, слышавшие о Потанине как об исследователе Монголии. Он пользовался этим, чтобы собирать у них сведения о легендах, сказках и поверьях бурятского народа.

Григорий Николаевич был очень занят делами Отдела и его музея, хлопотами и разговорами с лекторами, докладчиками и т. д. Он организовал в музее большую выставку принадлежностей буддийского культа, с которыми был хорошо знаком по своим путешествиям. В дополнение к уже существовавшим экспонатам музея пришлось добывать костюмы, статуэтки божеств и разные аксессуары культа у местных коллекционеров и в дацанах (монастырях) Иркутской губернии и Забайкалья. Выставка получилась очень полная и пользовалась большим успехом.

Газету «Восточное обозрение» действительно перевели из столицы в Иркутск вместе с ее редактором Ядринцевым. Потанин принимал живое участие в ее редакционной работе, а жена его одно время вела в газете иностранное и журнальное обозрение и помещала отдельные очерки своих наблюдений во время путешествий.

Потанин явился также инициатором и организатором проводившегося местными силами исследования быта и собирания народного эпоса бурят Иркутской губернии и Забайкалья, как шаманистов, так и буддистов. Под редакцией Григория Николаевича вышли первые томы трудов этнографической секции Восточно-Сибирского отдела Географического общества.

Эта деятельная жизнь в Иркутске продолжалась три года и прекратилась потому, что Потанин убедился, что у него нехватает

времени для составления отчета о путешествии в Китай. За три года он успел написать только четвертую часть отчета. Он мечтал уже о новом путешествии в глубь Азии, но сознавал, что поднять вопрос о нем в Географическом обществе можно, только представив полный отчет о предшествующем путешествии. Стремление к новым исследованиям взяло верх над всеми связями и запросами жизни в Иркутске, и осенью 1890 г. Потанины переехали в Петербург, где Григорий Николаевич в один год закончил двухтомный отчет. Вслед за этим он провел в Географическом обществе организацию второй экспедиции в Китай.

Нужно отметить, что благодаря энергии Потанина деятельность Географического отдела и музея в Иркутске очень оживилась; в нем открылись секции физической географии, этнографии и статистики, на которых часто делались доклады, привлекавшие много посетителей. По временам устраивались публичные лекции, а в музее, открытом по воскресеньям, давались объяснения, что значительно увеличило его посещаемость и привлекало жертвователей. Новые экспонаты буддийской выставки, поступившие в музей, усилили его этнографический отдел. Печатный орган «Известия Отдела» вместо одного-двух раз стал выходить под редакцией Потанина пять раз в год, причем содержание его сделалось более интересным и разнообразным. Хорошо налаженная работа продолжалась и после отъезда Потанина.

***

Вторая экспедиция в Китай выехала из Кяхты осенью 1892 г. В состав ее входили Григорий Николаевич и Александра Викторовна Потанины, зоолог М. М. Березовский, бурят Б. П. Рабданов в качестве переводчика монгольского языка и коллектор В. А. Кашкаров. Кроме того, Географическое общество, учитывая тот факт, что в экспедициях Пржевальского и Потанина ни разу не принимали участие геологи и поэтому геологическое строение Внутренней Азии оставалось не освещенным наблюдениями специалиста, присоединило к этой экспедиции молодого геолога В. А. Обручева.

Задачей Потанина являлось продолжение изучения восточной окраины Тибета и соседней китайской провинции Сы-чуань, а геолог должен был, кроме того, познакомиться с Центральной Азией, Северным Китаем и Нань-шанем в широких пределах и потому путешествовал отдельно.

Григорий Николаевич со своими спутниками, кроме

Березовского, уехавшего годом раньше, проехал из Кяхты в Калган, на границе Китая, по почтовому тракту через Монголию очень быстро, почти без наблюдений, пользуясь повозками и переменными лошадьми на станциях. Этот переезд был мучительным. Повозка, в которой сидели супруги Потанины, представляла большой закрытый ящик почти кубической формы с маленькой дверцей с одной стороны и окошечком с другой; этот ящик был прикреплен к оси с двумя тяжелыми прочными колесами, без всяких рессор, смягчающих толчки. Сидеть в ящике нужно было на подушке, вытянув ноги. Лошадей в повозку впрягали оригинальным способом: к передним концам оглобель была прикреплена поперечина, которую два всадника клали себе на седла и таким образом мчали этот первобытный экипаж, не считаясь ни с ухабами, ни с камнями на дороге. К каждой оглобле был прикреплен повод, посредством которого два других всадника, скакавших впереди, направляли повозку, чтобы колеса не наскочили на крупные неровности и повозка не опрокинулась. Так приходилось мчаться рысью или вскачь от станции до станции; пассажирам порой казалось, что их посадили в бочку и спустили по косогору. На станциях можно было немного отдохнуть от тряски, пока менялись всадники.

Местность от Кяхты до Урги (теперь Улан-батора) очень гористая. Дорога шла то по долинам речек, то пересекала довольно высокие горные кряжи; их северные склоны были покрыты лесом, южные — степью. С перевалов открывался вид на такие же кряжи, волнистые гребни которых один за другим уходили вдаль до горизонта. Кое- где вдали, среди кряжей, высилась более высокая вершина.

В долинах были разбросаны юрты монголов и паслись стада. Часто встречались караваны верблюдов и двухколесных телег, нагруженных тюками товаров, главным образом чая, который в то время шел еще преимущественно через Монголию в Кяхту, где перегружался на телеги, везшие его через всю Сибирь. На перевалы поднимались шагом, если подъем был крутой, и это давало отдых от тряски, которая возобновлялась на спуске.

От Урги до Калгана почтовый тракт пересекал Гоби. На первых станциях местность была еще довольно гористая, но безлесная. Затем она становилась более ровной; широкие котловины чередовались с плоскими увалами или низкими грядами скалистых гор и холмов. Растительность степи мало-помалу становилась скудной, траву сменяли мелкие кустарники, и между ними везде была видна голая почва, песчаная или усыпанная щебнем. Это была уже Гоби, которая здесь не представляла таких совершенно бесплодных и безводных

пространств, как на западе. Колодцы были довольно часты, и при них были расположены юрты монголов. Ближе к южной окраине появилась трава и более густое население, даже поселки китайских земледельцев; собственно Гоби кончилась.

В этой однообразной местности осенняя пожелтевшая степь не представляла ничего привлекательного. Поэтому внимание путешественников было почти полностью занято наблюдениями за их подводчиками. Кроме четырех всадников, тащивших вскачь повозку, были еще запасные, которые сменяли их на ходу; скакали еще монголы, приставленные для надзора. В общем всадников было всего 12— 15 человек. Кроме мужчин, проводниками бывали женщины и девицы. Все это шумело, кричало и визжало. Молодежь отпускала шутки, заливалась громким смехом. Весело было смотреть на раскрасневшиеся лица, рассеченные улыбками до ушей. Движения всадников были полны экспрессии. Потанин жалел, что не владел карандашом и не мог зарисовать какую-нибудь позу скачущего монгола. Развлекаемые подводчиками, путешественники мирились с тряской и прощали подводчикам, когда из-за их резких движений им случалось удариться друг о друга лбами или прикусить язык, стукнувшись головой о потолок повозки.

Поздно вечером останавливались на ночлег в юрте, где находили огонь, чтобы обогреться, горячий чай с молоком, маслом и солью, баранину на ужин. Тут же спали на разостланных войлоках, укрывшись шубами, а рано утром, наскоро позавтракав, опять пускались в путь по тряской дороге. Каждый день проезжали четыре-пять станций, и в общем проезд из Кяхты в Калган занял две недели.

В Кяхте к экспедиции присоединился еще хара-егур Лобсын, который участвовал в прошлом путешествии Потанина от Нань-шаня через Центральную Монголию до Кяхты и не вернулся на родину, а проживал в Урге и Кяхте. Его взяли как надежного рабочего, знакомого с условиями путешествия.

Из Калгана в Пекин экспедиция проехала быстро, не делая наблюдений, а в Пекине провела в русском посольстве целый месяц, снаряжаясь в дальнейший путь, обзаводясь китайской одеждой, паспортами и провизией. Здесь Александра Викторовна почувствовала приступы сердечной болезни, развившейся благодаря тряске в монгольской повозке. Врач посольства очень советовал ей остаться в Пекине, но она не захотела оставить мужа, привыкшего к ее обществу и попечениям.

16 декабря путешественники выехали на двух грузовых крытых телегах, в которых ехали Кашкаров, Лобсын и Рабданов, а также помещался багаж, и одной легковой для Григория

Николаевича с женой. Эти повозки были наняты до г. Си-ань-фу, столицы провинции Шаньси; на этом пути не предполагались ни длинные остановки, ни наблюдения, так как он был уже описан другими лицами. Поэтому вставали очень рано, часто еще ночью, и выезжали с фонарями, подвешиваемыми под телегами, чтобы освещать только дорогу. В полдень останавливались для отдыха и обеда на постоялом дворе и опять ехали до 9 часов вечера. Китайского конвоя не брали, и это избавляло от стечения любопытных на улицах, как бывало в прежнем путешествии, — китайские солдаты всегда бежали впереди и оповещали население: «едут заморские черти, выходите на улицу смотреть их». Теперь же ехали незаметно, скрываясь в повозках, а китайская одежда не привлекала внимания при остановках на постоялых дворах в обед и вечером.

Дорога на всем протяжении до перевоза через Желтую реку пролегала по Великой Китайской равнине вдоль окраины высокого плато провинций Чжили и Шаньси, которое оставалось справа на большом или меньшем расстоянии и часто скрывалось в пыльной мгле. Пыль, вздымаемая колесами и копытами, каждый день покрывала густым слоем лица и одежду путешественников; только позже, когда выпал снег, воздух сделался чище, но дорога стала грязной. Равнина была густо населена и вся распахана и усажена деревьями в виде рощ на семейных кладбищах, а также по межам полей и в деревнях.

Дорогу оживляли повозки, всадники и пешеходы, особенно вблизи городов. В последних узкие улицы всегда были заполнены толпой, и телеги пробирались с трудом, при постоянных криках кучера, примостившегося на оглобле у крупа лошади или мула или бежавшего рядом. Крыши телег иногда задевали за вывески лавок, а ступицы колес — за спины китайцев, сидевших за обедом у столиков уличных переносных кухонь. В деревнях можно было наблюдать работу крестьян на улице, сучивших нитки или мявших хлопок на больших решетах, чтобы отделить семена. На дороге постоянно встречались старики, старухи и дети, собиравшие свежий помет. Дорога была в первобытном состоянии, никто не заравнивал глубоких колей, грязные выбоины; местами она когда-то была вымощена большими плитами, в которых колесами были выбиты колеи; но плиты разъехались, перекосились, и их объезжали стороной.

Обогнув плато, дорога пошла по долине Желтой реки на запад; здесь лёсс сделался толще, и местами дорога, пересекая холмы, была врезана на несколько метров в лёсс в виде узкого дефиле, в котором две телеги не могли разъехаться; поэтому возчики, подъезжая к такому месту, извещали встречных криком,

чтобы разминуться до или после. У перевоза через реку пришлось стоять четыре дня; по реке шел лед; из двух лодок одну унесло вниз, а другая сидела на мели, — зима в этом году была очень холодная, и река обмелела. Пришлось ждать, пока обе лодки не были освобождены. Переправившись на противоположный берег, ехали еще четыре дня до Си-ань-фу; весь этот переезд занял больше месяца.

Древняя столица Китая Си-ань-фу показалась путешественникам оживленнее Пекина. Улицы были переполнены толпой; пешеходы, всадники, повозки и ручные тележки двигались в обоих направлениях, а движение сильно стесняли еще всякие торговцы с лотков, уличные парикмахеры и переносные кухни, которые занимали не только все тротуары, но и часть улицы. Поэтому экспедиция употребила два часа, чтобы проехать через город при беспрерывных криках возниц с просьбой посторониться.

На перекрестках приходилось подолгу ждать, чтобы получить возможность пересечь поперечное движение. Большие грузовые телеги задевали за низкие вывески лавок, за выставленные на улицу старую мебель и лотки с товарами, сталкивали прохожих и покупателей и вызывали брань. Поражало обилие нищих, почти совсем голых, с испитыми лицами, с длинными космами волос; одни бродили, другие сидели среди толпы у стены или в воротах, иные даже лежали, укрывшись цыновкой; много было и собирателей всяких отбросов с корзинами.

Путешественники остановились на западной окраине, на довольно приличном постоялом дворе, где прожили четыре дня, так как предстояла перемена способа передвижения; дальнейший путь шел на юг через широкий горный пояс Цзин-линь-шаня, где колесных дорог не было. Пекинские возчики были отпущены, и до г. Чен-ду-фу, столицы Сы-чуани, для Григория Николаевича и его жены были наняты носилки, а для Кошкарова, Лобсына и Рабданова, а также багажа, — семь мулов.

Потанины проделали в носилках путь длиной в 1100 километров через горы. В каждые носилки садился один человек. Они представляли ящик из тонких бамбуковых палок; пол состоял из досок, бока и крыша — из цыновки, сидение — из проволочной сетки. К ящику были прикреплены две толстые бамбуковые жерди, метра по четыре длиной, соединенные по концам лямкой, которую носильщики, один спереди, другой сзади, клали на плечи. Если пассажир был тяжелый или очень торопился, брали четырех носильщиков, и тогда лямку клали на короткую бамбуковую палку, а последнюю — на плечи двух носильщиков спереди и двух сзади. Передняя цыновка являлась дверью и

доходила до высоты сиденья, в боковых имелись окошечки, которые, как и отверстие двери, можно было задернуть занавеской и сидеть в духоте закрытого со всех сторон ящика.

Езда на носилках была очень покойна, но сначала немного укачивала. Носильщики шли скоро, беглым шагом, километров шесть в час, никогда не сбиваясь с ноги и не останавливаясь. Почти каждую минуту они перекидывали лямку или палку с одного плеча на другое, делая это по команде протяжным возгласом «пан-гоо» и затем коротким «цу-ба» или «чэ» («неси» или «иди»). После часа такой ходьбы носильщики останавливались, спускали носилки на землю и садились отдыхать, чаще всего у ворот постоялого двора, где можно было поесть или выпить чаю.

Носильщики в Китае в бытовом отношении резко отличались от извозчиков и погонщиков; последние одевались чисто, а носильщики часто ходили в отрепьях; когда они явились наниматься к Потанину в Си-ань-фу, он ужаснулся и подумал, что это общественные подонки.

Но позже, в пути, встречая носилки с китайскими мандаринами, он видел, что даже их носильщики всегда оборваны. Это, очевидно, обусловливалось тем, что на такой тяжелый труд шли только наиболее разоренные крестьяне. Хотя носильщики зарабатывали несколько больше, чем извозчики, они все же крайне бедствовали из-за повышенной потребности в питании, а также потому, что часть своего заработка теряли за игрой в карты, на что их толкало главным образом отсутствие семейного очага. В дорогу носильщики шли налегке, даже зимой в летнем платье, так как работа их согревала. На постоялых дворах им давали отдельную комнату и на ночь теплые одеяла и теплую воду, чтобы мыть лицо, руки и ноги. В пути все уступали им дорогу.

Путь из Си-ань-фу сначала шел несколько дней по широкой долине реки Вей-хэ, сплошь возделанной и густо населенной; вид полей, еще голых в конце января, скрашивался рощами темных туй на семейных кладбищах, тополями и ивами по межам. Деревни встречались часто. В одних случаях это были группы фанз; неподалеку лежали кучи удобрений и стояли скирды соломы; дети играли на улице. В других случаях это были вытянутые вдоль дороги торговые селения с постоялыми дворами, лавками и мастерскими во всех домах на узкой и грязной улице.

В таких селениях носилки останавливались для передышки, и носильщики съедали у постоялого двора чашку горячей лапши или риса с приправой соленой редьки, вареные земляные груши

или гороховый кисель. Иногда и Потанины на таких остановках соблазнялись рисом или грушами. Пока носильщики завтракали, они вылезали из носилок и уходили по дороге вперед, чтобы размять отекшие от сидения ноги.

Через пять дней дорога повернула в горы и пошла по склону большой долины, где она иногда была высечена карнизом в скале, а на подъемах и спусках была выложена плитами в виде лестницы. Мулы хорошо карабкались по ним, но всадникам было страшно с непривычки; они слезали с лошадей и делали часть горной дороги пешком. Первые дни в горах погода была хорошая, и путешественники досадовали на эти каменные лестницы; но, когда пошли дожди и началась грязь, они поняли, что без этой мостовой дорога по глинистым косогорам сделалась бы скользкой и опасной для мулов и носильщиков. Иногда, когда дорога шла высоко по крутому склону, в носилках становилось жутко, особенно если попадались встречные завьюченные мулы, — казалось, что вот-вот мул заденет своим грузом носилки и столкнет их вниз, где в глубине бурлила речка. В таких местах Александра Викторовна иногда просила носильщиков остановиться и дать ей сойти, но они не обращали внимания на ее просьбы и бодро бежали вперед.

Местность была живописная, склоны гор покрыты мелким лесом, еще не потерявшим пожелтевшую листву, что придавало ему золотистый оттенок. Местами высились скалы, а дно долины было завалено крупными валунами, среди которых струилась речка, то изумрудно-зеленая, то снежно-белая от пены на быстринах. За первыми цепями хребта стало заметно теплее, на склонах появились вечнозеленые кустарники, хвойные деревья новых пород, а в долинах — тонкий бамбук и веерные пальмы.

Последний перевал в бассейн реки Хань, представляющей уже приток реки Янцзы, был самый трудный. Весь подъем на него состоял из лестниц, выложенных крупными плитами и шедших зигзагами. Потаниным стало неловко заставлять носильщиков нести себя по сравнительно удобной, но утомительной для них лестнице, и они весь подъем сделали пешком.

На каждом перевале были маленькие кумирни. Стоявший возле кумирни у столика монах ударами в гонг приглашал проезжих и прохожих к пожертвованию в благодарность богам за благополучный подъем и спуск; в его тарелку бросали мелкие монеты.

В долинах, несмотря на их тесноту, везде были рассеяны селения, отдельные усадьбы и пашни; каждое удобное местечко, хотя бы в несколько квадратных метров, было распахано или занято под огород. На полях уже поднималась свежая зелень, на

грядах пробивались стебли лука, листья редиски и капусты. Селения были скученные, часто без дворов при домах.

На этом пути через горы экспедицию застал новый год китайского календаря. Он очень торжественно праздновался две недели в конце января или в начале февраля, причем прерывалось всякое движение по дорогам на целую неделю, в крайнем случае на один день. Накануне его во всех попутных селениях шла уборка и чистка: ввиду тесноты жилищ и отсутствия дворов все происходило на улице, где мыли столы и скамьи, стирали белье, оклеивали окна новой бумагой, резали мясо, стряпали. Первый день праздника путешественники провели на постоялом дворе небольшого селения. С вечера все дома расцветились фонарями, все время слышался треск ракет в честь богов. Всю ночь китайцы не спали, совершали поклонения предкам, стряпали и ужинали, а утром опять жгли ракеты и стреляли. Хозяева дома и носильщики пришли к Потаниным с поздравлением и поднесли в подарок сдобное печенье, а к обеду принесли свои блюда, на этот раз вкусно приготовленные из мяса. Носильщики, впрочем, не изменили своим привычкам: весь вечер накануне и весь день нового года они играли в карты.

На второй день отправились дальше, но население продолжало праздновать: лавки были закрыты, улицы оживлялись гуляющими разодетыми людьми; видны были играющие в карты и в какую-то другую азартную игру, окруженные толпой зрителей. Местами были устроены качели; на них качались молодые люди, молодые женщины и дети, но не взрослые девушки.

Весь этот день в небольшом городке в долине реки Хань и в селениях было очень людно; нарядно одетые люди делали визиты родным и знакомым и несли корзиночки с праздничными подарками. По дорогам сновали разносчики со сластями. Среди последних главную роль играли толстые стебли сахарного тростника; ими лакомились преимущественно мальчишки. Много было плодов хурмы, ее продавали по паре за семь чох, т. е. за нашу копейку. Продавали также детские игрушки.

На следующий день опять пошли горы, которые становились более плоскими, без скал. Дно долин было залито водой рисовых полей, которые готовили к посеву. В верховьях долин рис сменялся пшеницей, а на склонах — кукурузой. Дорога перевалила в долину довольно большой судоходной реки Цзя-лин-цзянь. Носильщики ради отдыха наняли лодки, поставили в них носилки с Потаниными и уселись сами. К ним присоединились носильщики грузов, так что в лодках люди сидели и на скамьях и на дне. С лодки было очень удобно любоваться берегами, в которых ясно видны были складки горных

пород. Местами видны были следы старой дороги в виде дыр, выдолбленных в утесах над рекой: в эти дыры прежде были вставлены бревна балконов. В одном месте береговая скала сверху донизу была изрыта нишами с раскрашенными статуями богов; статуи были большие, в несколько метров, а также маленькие; одни сидели со скрещенными ногами, другие стояли. Высоко на горе виднелся монастырь «Тысячи будд», в нем, по рассказам, жили 500 монахов.

Плаванье кончилось у старинного города Гуань-юань, окруженного толстыми стенами с башнями; набережная реки была вымощена плитами, и к воде вели лестницы. Весь город, даже дворы, комнаты и конюшни, был вымощен плитами, но везде было грязно. Здесь было уже совсем тепло, цвели бобы, развернулись капуста и редька, на четверть поднялась пшеница, но на деревьях почти не было свежих листьев, и Потанин отметил, что весна на юге развивается гораздо медленнее, чем на севере.

От этого города дорога ушла от реки опять в горы и в первый день почти вся состояла из лестниц, поднимаясь на вершины или спускаясь с них; с высоты был обширный вид на ряды залитых водой рисовых полей, на пашни, обсаженные деревьями туйи. Мрачная темная зелень туй резко выделялась на яркокрасной почве склонов.

22 февраля 1893 г. экспедиция вышла из гор на обширную равнину провинции Сы-чуань, окружающую ее главный город Чен-ду-фу и сплошь занятую под рисовые поля, залитые водой в это время. Только местами, в виде оазисов среди мелких озер, видны были деревушки, окруженные рощами бамбука, похожими издалека на гигантские страусовые перья, а также здания кумирен на холмах, среди густых рощ туйи. Водная поверхность разрывалась прямолинейными плотинами на прямоугольные участки; по этим плотинам жители деревушек сообщались друг с другом и с большой дорогой. Местами зеленели поля, засеянные бобами, рапсом и пшеницей, но господствовали рисовые, залитые водой. Рано утром местность принимала совершенно сказочный вид, пока солнечные лучи не успевали рассеять туман от испарений. В этом тумане резко выступали только передние рощи; стоявшие дальше были затянуты более или менее густой дымкой, а самые дальние были еле видны.

По этой равнине ехали три дня, беспрерывно встречая прохожих, носильщиков с товарами и с носилками. В Чен-ду-фу прожили две недели; сюда навстречу экспедиции выехал Березовский из г. Сун-пан, где он провел почти год. Затем продолжали путь по равнине еще пять дней до г. Ячжоу, но здесь

видели уже другие посевы; поля были заняты чечевицей, бобами, рапсом и пшеницей в качестве весенних культур, которые в начале лета сменялись рисом. Желтыми цветами рапса были покрыты поля, и соломенные крыши предместий г. Ячжоу тонули в этом желтом море.

Потанин съездил из г. Ячжоу на юг к священной горе О-мей-шань. По дороге туда часто попадались «о-ми-то-фо» — каменные столбы с изваяниями человеческой головы, расставленные по дорогам. Это, повидимому, духи — покровители дорог. На шею одного из них был подвешен кошелек с каким-то вложением, у другого на глаза были нацеплены очки, вырезанные из бумаги, а у третьего губы почернели от масла, которым их мазали поклонники или просители. Часть этого пути Потанин вместе с Рабдановым совершил на плоте из бамбука, на котором сплавляли 20 гробов из белого дерева и нескольких пассажиров вниз по реке Я.

На левом берегу он отметил не менее 60 квадратных ниш в скале с изображениями буддийских божеств. С реки Я он прошел в город О-мей-сянь, где оставил носилки и вместе с Рабдановым и носильщиками отправился пешком на гору О-мей-шань.

Эта гора, достигающая 3300 метров высоты, славилась своими многочисленными кумирнями и монастырями, расположенными от подножия до вершины. Богомольцы поднимались на нее пешком, переходя из монастыря в монастырь. Начиная с двадцатой кумирни, гора еще 20 марта была покрыта снегом. Часть дороги представляла крутую лестницу. Каждая из кумирен отличалась какими-нибудь особенностями в отношении архитектуры и украшавших ее изображений тех или других божеств. Путешественники посетили более половины всех кумирен, в одной ночевали и видели ночное богослужение.

Храм был слабо освещен двумя высокими фонарями и наполнен монахами, которые стояли в несколько рядов двумя группами, одна у правой, другая у левой стены. Перед каждым монахом лежал круглый соломенный мат, на который он ставил колени при земных поклонах. Пение состояло в повторении одной и той же фразы «о-ми-то-фо». Затем монахи вытянулись вереницей в один ряд и стали ходить по храму, делая зигзаги и продолжая петь «о-ми-то-фо». Пение то замирало, то усиливалось; когда оно в одном конце храма начинало затихать, в другом его конце оно становилось все громче и громче. После хождения монахи снова разделились на две колонны у обеих стен; в промежутке между ними стал настоятель, и началось пение по очереди; монахи левой колонны пели, а монахи правой колонны, упав на колени, преклоняли головы до земли и оставались в

таком положении до тех пор, пока пели левые. Затем они вставали и начинали петь, а левые падали на колени и преклоняли головы. Это была ночная молитва «за человеческий род». Она так подействовала на Рабданова, правоверного буддиста, что он присоединился к монахам во время хождения по храму, ходил, как они, сложив ладони над своей головой, и пел «о-ми-то-фо».

Каменные столбы о-ми-то-фо

На рассвете настоятель пришел к путешественникам и принес книгу с красными страницами, на которых богомольцы вписывали свои пожертвования. Он просил Потанина подписать по-русски свое имя и жертвуемую сумму.

Гору О-мей-шань считали священной потому, что здесь солнце, восходя из-за облаков, иногда сопровождается ложными солнцами, которые буддисты принимали за явление Будды в ореоле славы.

Потанин полагал, что эта гора, прежде чем сделаться священной для буддистов, уже была местом поклонения у местных жителей с первобытными верованиями. «Явления Будды» путешественники не видели, но утром после ночлега наблюдали оригинальную картину. Над вершиной горы небо было чистое, а ниже вся местность была скрыта в сплошном море облаков, так что вершина казалась островом среди молочного моря. Потанин отметил, что ни одна буддийская святыня не оставила в его памяти такого впечатления, как гора О-мей-шань с ее кумирнями, посвященными главным образом культу женского божества, богини Гуань-инь.

По возвращении Потанина и Рабданова в Ячжоу экспедиция продолжала путь по прямой сухопутной дороге на запад в г. Да-цзян-лу на окраине Тибета. На этом пути были пройдены два высоких перевала, на которых еще лежал снег (в конце марта); их северные склоны были лесисты, и землю под деревьями покрывали огромные папоротники, вайи которых имели больше метра в длину. Южные склоны были безлесны. На горах уже цвели примулы, фиалки, в долинах — персики. За вторым перевалом дорога пошла вверх по долине реки Тун-хэ и потом по долине ее притока. Дно долин было занято кустами. Некоторые из них цвели; но по мере подъема вверх число цветущих убывало, и у г. Да-цзян-лу даже почки у деревьев и кустов не распустились; здесь весна едва начиналась.

Экспедиция остановилась на постоялом дворе в верхнем предместье города, населенном преимущественно тибетцами. Постоялый двор также содержал тибетец; в нем было несколько комнат, и, к удивлению путешественников, оконные рамы не были заклеены бумагой, как повсюду в Китае, а в них были вставлены стекла. На одном стекле было вырезано русскими буквами: «княжна Юсупова».

В Да-цзян-лу экспедиция прожила три месяца. Потанин собирался совершить из этого пограничного города поездку налегке в глубь Тибета, в города Литан и Батан. Но этому помешала болезнь его жены; у нее начались сердечные припадки, через некоторое время с нею случился первый удар, после которого она на некоторый период лишилась речи. Поэтому Потанин отправил в глубь Тибета своего сотрудника Кошкарова, а сам, оставшись с женой, собирал в окрестностях растения, посетил соседний монастырь и усадьбу тибетского князя,

находившуюся в той же долине выше города.

Тибетский князь, повелитель княжества Чжала, был хорошим сельским хозяином; его усадьба была окружена скирдами удобрений; он был также охотником, имел тридцать собак, много китайских болонок и двух европейских лягавых. Около его усадьбы вытекали горячие минеральные ключи, отлагавшие известковый туф; температура воды была недалека от точки кипения, колеблясь между 82 и 87° Ц. Одна группа ключей находилась так близко к усадьбе, что вода из них была проведена по канаве во внутренние комнаты для их обогревания.

Жена Потанина медленно поправлялась; оставаясь дома, она рисовала масляными красками цветы, которые приносил Григорий Николаевич, или выходила с палитрой на берег бурной речки и рисовала виды местности.

Из-за болезни жены Потанин решил закончить экспедицию и итти назад, в Пекин. Он разделил караван; жену, Кошкарова и багаж отправил прямой дорогой через Ячжоу в Цзагутин, а сам с Рабдановым, двумя монголами и носильщиками для вещей пошел туда же пешком по горам окраины Тибета.

Путешественники шли по глубоким долинам горных рек бассейна реки Тун-хэ. Склоны долин местами представляли хвойные леса, местами — густые заросли кустарников, а в верховьях долин — альпийские луга. На дне долин встречались китайские деревни, а на склонах видны были тибетские, которые располагались уступами, одни дома выше других, и казалось, что плоские крыши нижних домов служили террасами для вышележащих. У каждой тибетской деревни возвышалась башня, которая была в два- три раза выше домов, также многоэтажных, и, очевидно, являлась сторожевой. В больших деревнях было несколько башен.

У тибетских домов нижние этажи были каменные, а самый верхний — деревянный, в виде надстроек по трем сторонам плоской крыши.

В одной из деревень Потанину отвели такой верхний этаж, который хозяином дома был превращен в пчельник, — на плоской крыше стояли колоды с пчелами. Не зная этого, путешественники уселись на колоды и подверглись нападению пчел, которые забирались в рукава под белье и жалили. В комнаты мезонина принесли можжевельник и устроили дымокур, чтобы выгнать пчел хотя бы из комнат. Но их налетело очень много на растения, принесенные путешественниками, а от дыма они очумели и, перестав летать, ползали всюду, кружились и заползали на людей. Пришлось переселиться в другой этаж.

Через реки местами приходилось переходить по висячим

мостам на канатах. На этих мостах поперечные доски были положены далеко одна от другой, и носильщики не рисковали итти по ним друг за другом, так как при этом мост начинал раскачиваться; они переходили мост по одному.

В разных местах над гребнями гор высились снеговые вершины, а на перевалах из одной долины в другую дорога поднималась выше границы леса. Характерным растением этой местности была облепиха, которая в некоторых долинах представляла деревья по десяти метров высотой со стволом в пять метров в окружности при основании. Верхушки этих деревьев были плоские и напоминали итальянские пинии. Со скал, стеснявших дно долин, часто свешивались цветущие ветви кустов роз и сирени, и каскады белых цветов чередовались с сиреневыми. У верхнего предела леса рододендр образовывал сплошные заросли. Внизу встречались персики и грецкие орехи, посевы кукурузы и риса, а в их верховьях —только посевы ячменя и гречихи.

В верховьях реки Сяо-цзинь-хэ, которая вместе с рекой Да-цзинь-хэ образует реку Тун-хэ, стало холоднее.

Тибетское население этой местности известно под названием чжарун. Наряд женщин был оригинален и состоял из белой юбки, курмы из домашнего черного сукна и из плаща чуври того же сукна. Чуври, сложенный, как плед, вдвое, был наброшен на плечи сгибом кверху и спереди, под горлом углы его были схвачены булавкой или серебряной скобкой с коралловой вставкой. Чуври и курма по краям были обшиты красной каймой. Ноги были обуты в сапоги, обшитые красной и желтой материей. Волосы были заплетены в одну косу, намотанную вокруг темени; на косу были надеты три серебряных кольца, — так, что одно приходилось над лбом, а два над висками. В уши были продеты большие серебряные кольца, на руках они носили медные и серебряные браслеты.

Плоские крыши домов, которые наблюдались южнее, у чжарунов уже не встречались; здесь крыши были двускатные, и это доказывало, что зимой выпадает и долго лежит снег. В верховьях некоторых боковых долин видны были снеговые вершины; склоны гор были покрыты еловым лесом вверху, лиственным и кустами внизу; береза, ива, облепиха и дуб с колючими листьями составляли эти леса нижней части склонов.

Из верховья реки Сяо-цзинь-хэ путешественники поднялись на перевал Хун-цяо выше границы кустов и ночевали под навесом скалы среди альпийских лугов, а на следующий день прошли этот перевал по лугам с цветущими альпийцами среди гольцов с многочисленными пятнами снега (в конце июля). Конец подъема

был выложен плитами сланца в виде лестницы.

За перевалом Потанин и Рабданов спустились до густого елового леса, где ночевали вместе с своими носильщиками в шалаше, похожем на самоедский чум из жердей, покрытом еловой хвоей и землей. По соседству был большой сарай для сушки корней лекарственного ревеня, сбором которых в этой местности занимались китайцы. Весь потолок сарая был увешан корнями ревеня, а на полу были разведены костры; в сарае было тесно от мужчин и женщин, сушивших собранный ими ревень, и душно от густого дыма. Поэтому путешественники предпочли ночевать в чуме на голой земле.

Далее дорога шла вниз по долине большой реки, впадающей справа в реку Сун-фан-хэ того же бассейна реки Ян-цзе; здесь опять стали попадаться селения тибетцев-чжарунов с башнями и пашни с бобами, ячменем и коноплей.

Склоны были покрыты лесом, в верховьях боковых долин виднелись острые снеговые вершины, через притоки были перекинуты висячие мосты. Дорога местами поднималась высоко на склон, огибая теснины на дне долин. Миновали монастырь Шат-дуб-лин и г. Цзатоло и 6 августа прибыли в г. Цза-гу-тин, где уже застали часть каравана с багажом и больной Александрой Викторовной, которую Кошкаров привез по прямой дороге через Ячжоу.

Состояние больной не улучшилось, и экспедиция продолжала итти на северо-восток, чтобы перевалить через горы Цзин-линь-шаня и выйти на колесную дорогу в Пекин. Больную несли в носилках; через несколько дней повторился удар, и у нее отнялись руки, ноги и язык. Это случилось около г. Джар-хуа на реке Хей-шуй цзянь, еще в бассейне Голубой реки, к югу от гор, и пришлось изменить маршрут, чтобы доставить больную по более удобному и скорому пути в один из городов, где были европейские врачи в миссиях. Наняли лодку и поплыли вниз по реке. В ближайшем г. Бао-нин-фу оказалась английская миссия, из которой две миссионерки собирались ехать в Шанхай: одна — чтобы выйти замуж за миссионера, а другая — чтобы вернуться по болезни в Европу. Они согласились присоединиться к экспедиции и ухаживать за больной. На лодке рассчитывали спуститься до г. Чун-цын-фу, где были врачи и госпиталь, но через несколько дней, 19 сентября 1893 г., Александра Викторовна тихо скончалась.

По рекам экспедиция с телом умершей спустилась в г. Ханькоу, где русская колония предлагала устроить на своей счет похороны и поставить памятник. Но Потанин боялся огорчить старую мать Александры Викторовны, похоронив ее дочь далеко

от родной земли. Тогда русская колония взялась доставить гроб с покойной через Пекин и Калган в Кяхту, где и состоялись похороны 23 января 1894 г. на кладбище собора, у самой границы с Монголией.

Потанин из Ханькоу проехал через Тянь-цзин в Пекин. Потеря жены, сопровождавшей его во всех экспедициях в Центральную Азию и бывшей его верным другом и помощницей, подействовала на Потанина настолько тяжело, что он не был в состоянии вести какие-нибудь наблюдения и поэтому распустил членов экспедиции (кроме Березовского, продолжавшего свои сборы на окраине Тибета) и уехал из Китая, а после похорон жены вернулся в Петербург.

Об этом незаконченном путешествии он составил только небольшой отчет, напечатанный через шесть лет, а занимался в последующие годы главным образом обработкой материалов восточных легенд о сыне неба и сопоставлением их со славянским эпосом.

Глава XIV. ПУТЕШЕСТВИЕ К БОЛЬШОМУ ХИНГАНУ И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1899—1920)

От Кулусутая к р. Керулен. Большие озера. Подножие Большого Хингана. Монастырь Хан-табын-сумэ. Обратный путь. Монгольские суеверия. Обилие песков у Большого Хингана. Страна Барга. Занятия забайкальских казаков. Последние 20 лет жизни Г. Н. Потанина. Организационная и просветительная работа в Томске. Общество изучения Сибири. Вторая женитьба. Составление воспоминаний. Работы по фольклору. Потанин, как человек не от мира сего. Болезнь и смерть.

Только через шесть лет после смерти Александры Викторовны Григорий Николаевич настолько успокоился, что мог подумать о новом путешествии в глубь Центральной Азии. Местом исследования он выбрал область хребта Большого Хингана, который в общем отделяет Монголию от Маньчжурии. Этот выбор был обусловлен тем, что область Большого Хингана оставалась очень мало известной, тогда как западнее ее, на путях из Кяхты через Ургу в Калган, Восточная Монголия была уже пройдена многими путешественниками, а восточнее, через Маньчжурию с берегов Амура в Китай или обратно, также уже прошло несколько экспедиций.

На это небольшое путешествие, выполненное в течение лета 1899 г., средства были отпущены Географическим обществом и Ботаническим садом. Экспедиция состояла из Потанина, студента В. К. Солдатова, переводчика бурята Ш. Б. Базарова и хара-егура Лобсына; последний был участником двух предшествующих экспедиций; он прошел с Потаниным из Нань-шаня в Кяхту в 1886 г., а в 1892 г. ездил с ним из Кяхты через Пекин до восточной окраины Тибета и оттуда вернулся с Рабдановым в Забайкалье. Он был полезен тем, что знал монгольский, китайский и тибетский языки, понимал русский и имел большой навык к степным путешествиям.

В половине мая 1899 г. Потанин и Солдатов приехали в Агинскую степь в Восточном Забайкалье, где организовали

караван — наняли телеги и 11 лошадей на все лето у местных бурят; тут же к ним присоединились студент Звягин, Базаров и Лобсын. Экспедиция прошла в Кулусу- таевский караул на южной границе, откуда и началось путешествие. Это маленькое казачье селение поражало полным отсутствием деревьев и пашни; скот свободно бродил повсюду, и от Монголии вся обстановка отличалась только наличием деревянных невзрачных домов вместо юрт.

Из этого караула, миновав границу, экспедиция в течение почти двух недель ехала на юго-восток, до реки Керулена, по однообразной степной местности. Очень плоские возвышенности чередовались с широкими впадинами, среди которых попадались небольшие горько-соленые озера или солончаки, оставшиеся на месте озер. Почва степи на возвышенностях была песчаная, поросшая ковылем и другими травами и мелкими кустарниками, тогда как во впадинах почва была солончаковая или черная болотная, с другой растительностью. Возвышенности иногда представляли собой более резко выраженные холмы или плоские хребтики. Вода, в виде колодцев, встречалась довольно часто. В одном месте миновали небольшую речку, впадавшую в озеро. Монгольские юрты и пасшийся скот оживляли местность, как и сурки, чьи норы местами попадались часто. В нескольких переходах от границы миновали земляной вал, шириной около двух метров и вышиной менее метра. Он тянулся очень далеко с запада на восток. Монголы называли его Чингис-эхрим, т. е. валом Чингис-хана. Другие путешественники также встречали этот вал на своем пути в других местах; его протяжение составляет несколько сот километров. Местами к нему примыкают четырехугольные городки, т. е. остатки небольших укреплений. Хотя монголы приписывают Чингисхану постройку этого вала, по китайским летописям он гораздо древнее и насчитывает не менее 2000 лет.

Берега речки Хатын-хобо были очень оживлены аулами монголов земли Барга. Здесь нашелся и шаман, который по просьбе Потанина выполнил весь обряд камланья. Потанин описал его в своем отчете с изложением перевода записанных Базаровым песен и заклинаний шамана во время обряда.

Ближе к реке Керулену, на востоке, вдали видны были красноватые скалистые горы Могойту, т. е. Змеиные. К реке степь спускалась постепенно; на западе показались горы Гурба-богдо-ула с тремя вершинами, а за ними еще выше по реке Керулену видны были горы Алтын-эмель, т. е. «золотое седло»; река разрезала эти горы на две массы, похожие на луки седла, откуда и название их.

На реке Керулене экспедиция простояла два дня и посетила соседний монастырь Шира-ногоин-сумэ.

Переезд через реку доставил некоторые хлопоты; перевоза не было, а река, хотя и не глубокая на броду, имела топкое дно. Пришлось разгрузить телеги, перевезти багаж на брезентовой лодке, которую имела экспедиция, а телеги пустить вброд порожняком.

За рекой Керуленом путешественники направились на юго-восток и на юг по песчаной степи, к озерам Улан-нор и Буир-нор, сначала по равнине, которая некогда составляла дно большого озера, теперь сократившегося в озеро Делай-нор, в которое впадает река Керулен. В почве этой равнины в изобилии встречались крупные раковины пресноводных моллюсков, живших когда-то в озере. На юге, вдали, видна была высокая гора Дуланхара с тремя вершинами на высоком пьедестале. Сурков в этой местности уже не видели. На берегах озера Буир-нор простояли три дня, чтобы собрать фауну; ловили рыбу сетью и убедились, что в озере живет пять видов рыбы. На воде было много гусей, но они держались вдали от берега.

От озера Буир-нор шли несколько дней по степи с высокой травой, сначала ровной и безводной, а затем расчлененной логами и долинами, в одной из которых текла небольшая река Абдэр; в логах были рощи ильма. По степи бродили стада дзеренов, голов по пяти, и попадались дрофы. В урочище Борольджи начались песчаные бугры, вообще характерные для местности у западного подножия Хингана. Эти бугры поросли кустами, преимущественно тальника, но также ильма и шиповника. Местами видны были ямы и выдувы, созданные ветром, в которых песок был обнажен и развевался; монголы называли их «манха». Между буграми попадались лужайки с влажной или топкой почвой, иногда с озерками. В этой местности началось обилие комаров, которые мучили экспедицию все время в районе Большого Хингана.

Экспедиция прошла здесь мимо монастыря Лух-сумэ, ламы которого отнеслись к путешественникам с большим недоверием; монастырское начальство спряталось, и путешественники в поисках его напрасно ходили по пустым улицам; встречавшиеся ламы отзывались незнанием или говорили, что главные ламы разъехались по улусам. Между тем экспедиция нуждалась в помощи. В некотором расстоянии от Лух-сумэ у нее околела лошадь, и поэтому необходимо было оставить одну телегу и лишний багаж в монастыре до обратного пути. Вместо этого пришлось нанять ламу с двумя быками, чтобы увезти этот груз до следующего монастыря.

Дорога туда шла уже на юг, вдоль подножия Хингана; местность представляла степь, частью сухую, частью затопленную в низинах водой после дождливых дней. Слева на горизонте видны были плоские горы. В степи попадались дрофы. Миновали речку Ульгэн- гол, еле текущую с востока; на ее берегах стояли аулы монголов, у которых удалось купить двух лошадей.

За речкой опять появились норы сурков. Миновали площадь развеваемых песков манха, по долине речки Эргенты углубились в горы Большого Хингана и поднялись на перевал Малагай-дабан. Горы здесь были плоские, склоны покрыты густой и высокой травой и отдельными рощами берез, дуба, вяза, черемухи, рябины, ивы и кустами шиповника. Спуск с перевала, как и подъем, были пологие. В долинах везде встречались юрты монголов. По долинам рек Суджиин и Хахир пришли к монастырю Хан-табын-сумэ — крайнему южному пункту экспедиции.

В этом монастыре имелось пять храмов и около тысячи лам; он считался резиденцией целых трех гэгэнов, но один из них несколько лет назад умер, а два других находились в это время в Лхассе. Все здания монастыря были каменные и высились в тени больших деревьев ильма. Как только путешественники поставили свои палатки возле монастыря, к ним сбежались ламы, и стало тесно от гостей. Потом явился старый лама со свитой в качестве посла от монастырского начальства и заявил, что последнее просит экспедицию итти дальше на юг, к ставке князя, который может проверить паспорта путешественников, тогда как в монастыре светских властей нет. Потанин отказался исполнить эту просьбу по недостатку времени и сказал, что экспедиция отсюда идет обратно и пробудет только день ради починки телеги.

Ламы, набившиеся в палатку, выпрашивали у путешественников белую бумагу, стальные перья и стеариновые свечи. Одни уходили, другие приходили, и; наконец; снова явились пожилые ламы с жалобой настоятеля на то, что палатка слишком привлекает лам и отвлекает их от богослужения, так что храмы пустуют; он просил перенести палатку подальше. Это экспедиция исполнила, и посетителей, лам, стало несколько меньше.

При осмотре монастыря на следующий день путешественники не могли добиться, чтобы им указали, где живет настоятель, и посетили только одного ламу Пунсуха, который ранее бывал у бурят в Забайкалье и не боялся русских. Он принял их приветливо и угостил чаем с китайским печеньем. Его келья имела не более пяти шагов в длину; слева от входа было большое

окно во всю длину стены и под ним лежанка с красными и желтыми матрасиками для сидения гостей. Справа от входа — менее высокая лежанка с постелью самого ламы; узкий проход между лежанками имел только ширину входной двери. Задняя стена была занята полками, на которых в несколько ярусов были расставлены статуэтки божеств, а также фотоснимки гэгэнов и фарфоровая русская чайница; тут же лежали далматский порошок и другие вещи, напоминавшие о Забайкалье. С этим ламой экспедиция обменялась подарками.

18 июля экспедиция направилась в обратный путь вверх по широкой долине реки Талыр. Дорога была песчаная, сильно разбитая, и телеги на подъеме не раз застревали в песке. Дно долины представляло сухую степь, местами же — яркозеленые луга. Население в долине было густое, часто видны были юрты, и не войлочные, а камышовые; около них были загородки из плетня для мелкого скота и площадки на четырех столбах для разного скарба. По этой долине ехали четыре дня и на пятый поднялись в ее верховьях на перевал Мэлэхей-дабан; здесь появился и лес из березы, дуба, клена. Горы Хингана вблизи перевала имели мягкие формы.

С перевала спустились в долину реки Холын-гол. Это были земли монголов-джарутов, которые отнеслись к путешественникам очень дружелюбно; палатка была полна гостей, принесших плитки сыру и колобки масла. Джаруты, по-видимому, жили хорошо, в долине видны были большие табуны лошадей. Юрты у них были войлочные, и при них плетеные хлевы для мелкого скота, обмазанные для тепла навозом.

По долине реки Холын-гол экспедиция вернулась на западное подножие Хингана и шла далее вдоль него на север. Потанин отметил, что степи, прилегающие с запада к Хингану, покрыты толстым песчаным наносом, но нагромождений сыпучих песков там нет; это можно объяснить обилием дождей и рос в этой местности, вызывающим густую и высокую растительность, защищающую песчаную почву от развевания ветрами. Только местами, где растительный покров нарушен, появляются ямы — раздувы и сыпучие бугры, называемые манха. Песчаный нанос простирается не только до подошвы Хингана, но входит во все долины и поднимается на склоны не только западный, но и восточный, до вершин перевалов. Этот нанос смягчил очертания гор, придал им мягкие формы, волнообразные и куполообразные линии. На перевалах колеса телег иногда вязли в разбитом песчаном наносе, а на подошве гор он был обнажен от растительности и выступал белой чертой; здесь ветер выдувал ямы до двадцати метров в поперечнике и до шести метров

глубиной.

Потанин не мог объяснить себе это обилие песков, хотя и заросших, вдоль подножия Хингана, а геологу оно вполне понятно. Этот песок нанесен ветрами из Гоби, мало-помалу накопился вдоль подножия гор, покрыл их склоны и перевалы, мешавшие ему проникнуть дальше. Благодаря влажному климату этой местности, обусловленному соседством Тихого океана, песок, накопляясь, все время зарастал растениями и не образовал тех огромных скоплений сыпучего песка с барханами, которые так характерны для южной окраины Гоби и которые читатель уже знает из описания путешествия Потанина по Ордосу. На южную окраину пустыни песок также выносится из Гоби, но климат этой окраины очень сухой, и растительность развивается не достаточно для закрепления песка.

Долина Холын-гола в низовьях у уединенного холма с крутыми боками, называемого Гыр-чолун (юрта-камень), расширилась в равнину. Здесь на стоянке путешественники познакомились еще с одним монгольским суеверием. Едва их люди выкопали яму для очага и развели огонь, как от соседних юрт пришел человек и потребовал объяснения, кто позволил рыть яму. Местный монгольский князь по всему своему хошуну издал приказание не рыть землю, так как от этого насилия человека над землей происходят-де какие-то болезни.

Этот князь хотел, чтобы экспедиция не проходила поблизости его ставки, находившейся недалеко от монастыря Хошун-сумэ, к северу от Гыр-чолуна, из боязни, что иноземцы принесут ему несчастие. Его посланный уговаривал Потанина итти к монастырю Лух-сумэ, близ которого экспедиция уже прошла на переднем пути, и говорил, что у подножия Хингана дорога топкая, болотистая. Потанин отметил еще местный суеверный обычай монголов называть почитаемые горы, реки, озера не настоящими их именами, а псевдонимами. Из-за этого обычая трудно было узнавать настоящие названия разных урочищ для нанесения их на карту.

Дорога вдоль Хингана дальше на север, по долине реки Сыэльчжи, действительно местами была грязна из-за недавних дождей и сильных рос, но вполне проходима. Несмотря на конец июля, не только луга на дне долины, но и степи на склонах были покрыты яркозеленой травой; это объяснялась климатом всей местности. В других частях Монголии трава в степи уже в половине лета желтела и увядала.

На дальнейшем пути вдоль Хингана развеянные пески манха стали встречаться чаще, а за рекой Халха, где начались земли Барга, входившие в состав Маньчжурии, попадались не только

манха, но и более или менее обнаженные песчаные валы с острым гребнем. Население было встревожено нападениями солонов, монгольского племени, живущего за Хинганом, но делавшего вылазки в Баргу для угона лошадей и скота. Миновали еще несколько монастырей; один из них, Ганджур, славился своей ярмаркой, хотя по числу лам был небольшой. Окружающая местность представляла мокрые солончаки без проточной воды и заросли чия; тучи комаров налетали по вечерам.

Постройки монастырей здесь были деревянные. На ярмарку у Ганджура в конце августа съезжалось до 15 000 человек монголов, китайцев и русских. Потанин собрал сведения, кто торгует на ярмарке и чем.

Уже от брода через реку Халху путь экспедиции отклонился от подножия Хингана и шел по песчаной степи, местами с площадями сыпучих песков, местами с озерками и лужами, местами по мокрым лугам. Попадались стожки сена, заготовленные сеноставками на зиму. Потанин заметил, что каждый отдельный стожок состоял преимущественно из травы одного сорта.

Миновав Мутную протоку, по которой во время половодья течет вода из реки Аргуни в озеро Далай-нор, экспедиция прибыла в Абагайтуевский караул на реке Аргуни.

Этот караул представлял большое селение забайкальских казаков, которые, подобно казакам Горькой и Иртышской линий, знакомым читателю, земледелием почти не занимались. Главным их промыслом было скотоводство, а также рыболовство в Мутной протоке, по которой во время половодья масса рыбы устремлялась из озера в Аргунь. В озере казаки ловили рыбу, но украдкой, по ночам. Так как монголам буддизм запрещает убивать что-нибудь живое (кроме баранов и сурков, употребляемых в пищу), то в озере Далай-нор монголы рыбы не ловили и поэтому ее было много. Но они запрещали и русским ловить ее, так как озеро расположено в Монголии; тайная ловля иногда кончалась драками.

Близость монголов отразилась и на одежде и на пище казаков. На кухне у них в ходу была китайская вермишель гуамянь; к обеду подавалась молочная водка в графине. Казачки занимались сбиванием войлока из шерсти.

В Абагайтуе закончилось последнее путешествие Потанина, которое он описал в довольно подробном отчете, но без всяких иллюстраций. В конце отчета он дал общую характеристику местности у западного подножия Большого Хингана и маршрутную карту всего пути. Результатами путешествия явились: большой гербарий, коллекции как рыб из озер и речек,

так и насекомых на всем пути, а также записи о быте монгольских племен этой страны, их верованиях и преданиях.

***

Закончив это последнее путешествие в глубь Азии, Потанин уже не предпринимал больших экспедиций за пределы России, но в летние месяцы совершал еще поездки в Киргизскую степь, на Алтай, в Забайкалье. В этих местностях, географически достаточно известных, он собирал только этнографические материалы, интересуясь главным образом легендами, сказками и поверьями для своего труда о восточном эпосе.

Последние 20 лет жизни Григорий Николаевич провел главным образом в Томске, принимая деятельное участие в научной и общественной жизни, часто являясь инициатором учреждения ученых обществ, школ и музеев. Он хлопотал об открытии в Красноярске и Томске отделов Географического общества как учреждений, в которых можно было бы организовать географические, этнографические и статистические работы и издавать периодическую научную литературу. Он составлял докладные записки и ездил в Петербург, чтобы продвигать их в Географическом обществе и министерствах. Ему удалось добиться открытия отдела в Красноярске, но ходатайство об открытии его в Томске не встретило сочувствия.

В 1908 г. Потанин был инициатором учреждения в Томске самостоятельного ученого Общества изучения Сибири, которое могло бы объединить профессоров университета и Технологического института — единственных высших школ, имевшихся в то время в пределах Сибири. Естественно, председателем этого общества должен был быть Григорий Николаевич. Но он уклонился от этого, чтобы сразу не вызвать подозрения властей в отношении молодой организации, так как они считали его политически неблагонадежным. Так, незадолго до того, в 1905 г., по случаю семидесятилетия Потанина, Совет Томского технологического института избрал его почетным членом, но Министерство народного просвещения отказалось утвердить его в этом звании.

Потанин сделался товарищем председателя Общества, но фактически был его душой и инициатором экспедиции, посланной Обществом в 1910 г. в составе двух профессоров Томского университета для изучения русской торговли в Монголии. Он же выхлопотал средства на эту экспедицию у нескольких купцов г. Бийска.

Потанин был также одним из инициаторов открытия в Томске

первых в Сибири высших женских курсов и одним из учредителей Общества изыскания средств для этих курсов. Он пропагандировал идею создания в Томске Сибирского областного музея, устраивал музей наглядных пособий для городских школ, организовал литературно- художественный кружок и др. Все свое время он отдавал, кроме разработки своих материалов по народному эпосу, общественным, просветительным и научным предприятиям, так что приходилось удивляться энергии этого глубокого старика, имевшего за плечами ряд больших путешествий и восемь лет тюрьмы и ссылки.

В эти годы Потанин пережил личную драму. Он познакомился с сибирской поэтессой М. Г. Васильевой и полюбил ее, по-видимому надеясь, что она сделается для него таким же другом и поддержкой, так же войдет в его жизнь и осветит ее, как Александра Викторовна. Их переписка началась в 1902 г., но только в 1911 г. они съехались на курорте Чемал в Горном Алтае и поженились. Однако совместная жизнь не принесла им счастья, и в 1917 г. супруги разошлись.

В годы второй, неудачной, семейной жизни Потанин, продолжая разработку материалов по народному эпосу, писал свои воспоминания, которые в виде фельетонов в течение пяти лет, с 1913 по 1917 г., печатались в томской газете «Сибирская жизнь». Эти воспоминания охватывают большой и интересный период русской истории — вторую половину XIX века. Кроме рассказа о жизни самого автора, быте и нравах казачьего войска и кадетского корпуса, о военных походах к Тянь-шаню, поездке в Кульжу и жизни на Алтае, они содержат яркие характеристики многих лиц, с которыми Потанин встречался как в тюрьме, на каторге и в ссылке, так и в последующие периоды своей общественной деятельности, до путешествий и в промежутках между ними. Эти воспоминания, ввиду ценности содержащихся в них описаний исторических фактов, живости и объективности обрисовки событий и лиц, можно считать большим вкладом в мемуарную литературу. Они дали нам богатый материал для описания жизни Григория Николаевича Потанина в периоды, когда он не путешествовал, а также для характеристики некоторых его сотрудников. О самих путешествиях во Внутреннюю Азию в воспоминаниях говорится мало; но они описаны в подробных отчетах Потанина.

В последние десять лет жизни Потанина его зрение сильно ослабело, и он почти не мог писать. Среди его близких друзей нашлись люди, которые взяли на себя роль секретарей. Они приходили к нему ежедневно на два-три часа; он диктовал им то, что продумал вечером и ночью, сидя один в темноте, вспоминая,

соображая, сопоставляя, делая выводы и догадки, используя свой богатый материал по сказкам. Так создалась его последняя книга о «сыне неба Северной Азии». Среди этих добровольных секретарей Потанина нужно упомянуть Наталью Петровну Карпову, бывшую учительницу географии; с 1902 по 1920 г. она помогала ему в работе, наблюдала события его личной жизни и часто записывала в свой дневник беседы с Потаниным. После его смерти она обработала его воспоминания для составления его биографии и свои воспоминания о нем и отправила рукопись в фольклорную секцию Академии Наук. Она же любезно сообщила нам сведения о последних годах жизни Потанина, его второй женитьбе и работах по народному эпосу. Ей принадлежит также характеристика Григория Николаевича как человека, к которой мы, знавшие его в Иркутске в 1889—1890 гг., в Пекине в 1892 г. и в Томске в 1903—1912 г., можем присоединиться:

«Многие из современников Потанина считали его не таким, как все люди; одни называли его «святым», другие — «не от мира сего», третьи — «божьим человеком», хотя он в бога не верил и в церковь не ходил. От этих многих он действительно сильно отличался в разных отношениях.

Во-первых, он всю жизнь интересовался источниками знания и беспрерывно черпал из них знания, которые нужны были для его работы, давали ответы на его вопросы. В то же время он не уставал привлекать и других, особенно молодежь, к источникам знания, воспитывал в них стремление учиться, расширять свой кругозор. Во-вторых, ему совершенно чужды были мелкие обывательские интересы; в каждом поступке он отводил решающую роль общественному значению его, но не личной выгоде.

Будучи правдивым и бесхитростным, он часто не замечал хитрости и лжи людей, видел в них лучшее и не видел худшего, наделял их несоответствующими качествами и возможностями. Он хорошо отличал по мелким признакам один вид растения от другого, одного жука от другого, несмотря на внешнее сходство их. Прекрасно помнил легенды и сказания народов. Но в оценке людей он ошибался. Люди пугали его сложностью своих взаимоотношений, многое в них казалось ему непонятным, даже страшным, гораздо страшнее далеких пустынь Монголии, которые манили его своей неизвестностью...»

К этой характеристике можно добавить, что, в частности, организация и проведение Потаниным путешествий подтверждают, что он был человеком «не от мира сего», т. е. очень непрактичным. При внимательном изучении отчетов Потанина опытный путешественник обнаружит немало ошибок в

организации и проведении им экспедиций по Монголии и Китаю. Часть этих ошибок признавал откровенно он сам. Перечислим некоторые из них:

покупка в Гумбуме негодных верблюдов для большого пути;

выбор маршрута на таких верблюдах через высокие горы в начале лета, когда верблюды линяют и слабеют;

наем вьючных мулов для проезда из Пекина в Куку-хото, который удобнее и дешевле можно было сделать в телегах;

проезд в тряских телегах на переменных лошадях через Монголию в начале второй экспедиции в Китай; Потанину было тогда уже 57 лет, его жене 49, и двухнедельная тряска губительно отразилась на здоровье последней; тот же путь обычным спокойным караванным способом занял бы только лишние две недели, стоил бы не дороже и дал бы возможность подробнее осмотреть и описать местность, чем это было возможно при быстрой езде;

непрактично было набирать в караван лишних людей, что Потанин делал нередко; каждый лишний человек требует вознаграждения, средств передвижения для себя и для своих вещей, а также запаса провианта, т. е. удорожает экспедицию без всякой пользы;

плохая организация перехода через безводную Гоби в Джунгарии (из-за этого погибли четыре лошади); Потанин сам признал, что благополучным переходом через Гоби во время другого путешествия он был обязан опытности и практичности Скасси;

не раз члены экспедиций голодали или питались очень скудно, что было обусловлено плохим расчетом необходимых запасов, или неправильной организацией их расходования, или наличием лишних людей в караване, а иногда и тем, и другим, и третьим.

Различных более или менее заметных недостатков в организации и проведении Потаниным путешествий можно было бы привести еще несколько, но мы ограничимся сказанным и отметим, что, несмотря на это, путешествия дали богатые и разнообразные результаты благодаря самоотверженной работе самого Потанина и его сотрудников в очень трудных условиях.

Возвращаясь к вопросу о личных качествах Г. Н. Потанина, быть может, не лишне отметить, что, хотя он застал еще в 1859—1862 гг. в Петербурге и в Томске уже вполне оформившимся движение «сибирского патриотизма», в «признании», написанном им в 1867 г. в тюрьме, он заявил, что сам лично вовлек в борьбу за эти идеи и в так называемое тайное общество «Сибирский кружок» всех арестованных по его делу. Это «признание»,

явившееся главным основанием для осуждения Потанина царским судом в каторгу и ссылку, ярко характеризует его нравственный облик. Он хотел взять на себя главную вину, чтобы облегчить участь остальных арестованных. Это ему удалось. Он один был осужден на каторгу, все остальные были приговорены только к различным срокам ссылки.

Из крупных политических ошибок, сделанных Г. Н. Потаниным после 1917 г., упомянем о следующем. Летом 1918 г. противники Октябрьской революции внушили ему, что диктатура пролетариата — это смерть культуре, живописи, нашим классикам — Пушкину, Гоголю, Тургеневу, это гибель талантов, нивелировка способностей и дарований. Будучи с ранней молодости поклонником художественного слова, Потанин ужаснулся и написал в местной газете статью, в которой упрекал Советскую власть в преследовании талантов, которые своими произведениями создают человечеству радость, помогают хорошему в человеке одолевать его плохое. А весной 1919 г. Г. Н. Потанин, уже почти совсем слепой, не вдумавшись в содержание, подписал воззвание против Советской власти, написанное другим лицом. Содержания воззвания он хорошо и не расслышал и потом, когда его напечатали в местной газете, был смущен и подавлен. «Очень нехорошо получилось! Все читают, одни меня ругают, другие хвалят, а я не знаю, за что. Потом, когда мне прочитали газету, стало стыдно, получилось скверно. Г. все это устроил, он написал».

В 1920 г., в год своей смерти, Г. Н. Потанин, 85-летним стариком, искренне осознал свои ошибки и горячо приветствовал установление в России диктатуры пролетариата. Если бы Потанин дожил до наших дней, он убедился бы, что диктатура пролетариата в неслыханно короткий срок привела к завершению в СССР строительства социализма, обеспечила постепенный переход от социализма к коммунизму и при этом послужила основой для достижения невиданного нигде расширения народного образования, привела к расцвету литературы и искусства, к поощрению талантов и дарований, к выдвижению их из среды всех народов Союза.

Вторая мировая война явилась суровым испытанием для Советского Союза. Блестящая победа над сильным врагом доказала жизненность Советского строя, который поднял благосостояние и культуру; всех народностей и объединил их в одну семью, вставшую несокрушимой стеной на защиту общей родины.

В июне 1919 г. Потанин поступил в госпитальную клинику Томского университета с небольшим воспалением легких, но

вскоре поправился, выписался и до половины осени был сравнительно здоров. Но в ноябре у него произошло кровоизлияние в мозгу, и он опять попал в клинику. Мысль и речь у него совсем ослабели. В клинику он взял с собой два свои сочинения: «Сага о царе Соломоне» и «Ерке, сын неба Северной Азии», и иногда просил прочесть ему ту или другую главу. Очевидно, и слабая мысль его продолжала работу о параллелях в легендах Азии, о нахождении в них общего персонажа — сына неба.

30 июня 1920 г. Григорий Николаевич Потанин скончался. Его похоронили на кладбище женского монастыря, рядом с могилами профессоров Томского университета Салищева и Климентова, пользовавшихся большой известностью.

Книги, рукописи и переписка Г. Н. Потанина хранятся в библиотеке Томского университета.

Глава XV. СОТРУДНИКИ Г. Н. ПОТАНИНА В ПУТЕШЕСТВИЯХ

Роль и значение сотрудников в больших экспедициях. Александра Викторовна, жена и помощница Г. Н. Потанина. Ее молодость, образование, выход замуж за ссыльного, участие в экспедициях, занятия и литературные труды. М. М. Березовский, охотник и орнитолог, его занятия, наклонности и научные труды. Геодезист А. И. Скасси. Правоверный буддист Б. Р. Рабданов. Монгол Сантан-джимба. Хара-егур Лобсын

Путешественники, изучающие далекие страны,, редко являются совершенно одинокими, сопровождаемыми только слугами и рабочими, набираемыми из местного населения. В большинстве случаев в состав экспедиций, кроме ее начальника и главы, входят еще сотрудники той или другой специальности, благодаря работе которых результаты путешествия дополняются и увеличиваются.

В мало изученных странах для путешественника работы так много, что он один справиться с нею не может. Для составления хорошей карты необходимо вести все время маршрутную съемку местности, периодически определять географические координаты, т. е. широту и долготу некоторых пунктов (городов, селений, скрещений дорог, переправ через реки и пр.), чтобы составляемая карта могла быть присоединена к существующим соседних стран и правильно нанесена на сетку меридианов и параллелей. Затем необходимо изучать фауну и флору страны, т. е. ее животных и растения, а для этого составлять коллекции, охотиться за животными, снимать шкурки, препарировать скелеты, искать насекомых, моллюсков, собирать и сушить растения. Эти зоологические и ботанические сборы и наблюдения требуют столько времени и внимания, что один человек выполнить те и другие полностью не может. Столько же времени и сил нужно уделить на геологические наблюдения — составление коллекции горных пород, слагающих местность, изучение условий их залегания и отношения друг к другу, чтобы составить геологическую карту и выяснить строение исследованной страны. Население последней также требует внимания и изучения; его быт, жилище, одежда, язык, верования,

обряды, предания, народный эпос, весь строй его жизни и экономические сношения и условия должны быть обследованы и записаны. Если в стране имеются могилы, памятники, вообще какие-нибудь признаки более древнего населения, они, в свою очередь, требуют специального изучения, часто связанного с раскопками. Такого же специального изучения требуют пути сообщения, гидрографическая сеть, т. е. реки и озера, климат данной страны и т. д.

Вот почему в состав экспедиций в большинстве случаев входит несколько человек, между которыми и распределяется работа; от их подготовленности и усердия зависит общий итог научных достижений путешествия.

Г. Н. Потанин никогда не путешествовал в одиночестве. Во всех экспедициях во Внутреннюю Азию, кроме последней, его сопровождала жена — Александра Викторовна, которая помогала ему в метеорологических наблюдениях, в сборе и сушке растений, в сборе мелких животных и в наблюдениях над бытом народностей. Почти во всех экспедициях принимал участие геодезист-топограф, который вел маршрутную съемку и определение широт и долгот. В нескольких экспедициях большую роль играл охотник М. М. Березовский, на долю которого выпадала часть наблюдений и коллектированья по зоологии. Археолог Адрианов во второй монгольской экспедиции, два студента в последней Хинганской принимали участие в работах. Присоединение геолога, имевшего самостоятельные задачи и маршруты, к последнему китайскому путешествию, которое из-за смерти жены Потанин преждевременно закончил, дало в результате особые исследования, не связанные с работами Потанина.

Наконец, переводчики, проводники и спутники из местных жителей, как Сантан-джимба, санчуанцы, тангуты, хара-егуры, тоже так или иначе вносили свою долю в результаты экспедиции.

Настоящая глава и посвящена характеристике главнейших сотрудников Г. Н. Потанина. Среди них на первое место нужно поставить его жену Александру Викторовну. Она была одной из тех русских женщин, которые во второй половине XIX века сопровождали своих мужей в далеких путешествиях, делили с ними все труды и опасности и помогали в работе[41].

Александра Викторовна родилась 25 января 1843 г. в семье священника Виктора Николаевича Лаврского, который окончил Московскую духовную семинарию, затем преподавал в Астраханской семинарии, был протоиереем в г. Горбатове и долгое время в Нижнем-Новгороде, где умер в 1861 г. Мать Александры Викторовны также происходила из духовного звания.

В детстве Шура была болезненным, нервным ребенком. Семейная обстановка была невеселая; отец, молчаливый и мрачный, был поглощен делами и мало занимался семьей; мать, озабоченная то семьей, то родными, отдавалась молитве и хозяйству. Александра росла одинокой, так как брат Валериан был много старше ее, а ее другие два брата — Константин и Леон — моложе. Она рано начала помогать матери в хозяйстве, а образование получила домашнее,— женских гимназий и даже епархиальных училищ в те годы еще не было. Старший брат возбудил в ней интерес к естествознанию, которым сам увлекался; они вместе занимались физическими опытами, собиранием коллекций и гербария. Знакомая отца, помещица Юрьева, не имея детей, полюбила Александру и часто увозила ее к себе погостить, занималась с ней французским языком и снабжала книгами для чтения. Младший брат Константин был товарищем детских игр, а позже, поступив в университет, делился в письмах к Александре впечатлениями новой среды и новых интересов, которыми жило студенчество.

В 1861 г., по смерти отца, Александра, в возрасте 18 лет, сделалась по обычаю в среде духовенства «невестой с местом», т. е. место священника в приходе города, которое занимал ее отец, могло быть занято только лицом, которое женится на дочери. Такое грубое насилие и принудительное соединение судьбы двух лиц из-за места возмутили Александру, и она упросила своего брата Валериана, уже бывшего священником, занять место отца, а сама осталась жить у него и открыла домашнюю школу. В 1866 г. в Нижнем открылось женское епархиальное училище, и Александра Викторовна поступила туда воспитательницей; жизнь ее пошла однообразно и тихо за рукоделием и чтением книг. Она была застенчивая и замкнутая, но в ней жила беспокойная мысль и горячая жажда знаний. Она была общей любимицей учениц, а у сослуживцев пользовалась уважением как чрезвычайно прямой, честный и отзывчивый на все хорошее человек.

В этом училище Александра Викторовна прослужила восемь лет и уже начала терять надежду на перемену своей жизни, когда судьба свела ее с Потаниным; последний жил в ссылке в г. Никольске Вологодской губ., и туда же был сослан ее брат Константин Лаврский из Казани, инициатор устройства студенческой столовой и редактор либеральной «Камско-Волжской газеты». Александра Викторовна приехала со своей матерью из Нижнего, чтобы повидаться с братом, который сдружился с Потаниным. Гости прожили в Никольске неделю у Лаврского, и Потанин почти каждый день бывал у них.

Иногда все уходили за город в лес, и горожанка Александра Викторовна восхищалась близостью к природе и завидовала

ссыльным; она считала себя узницей в худших условиях в стенах епархиального училища.

После отъезда гостей началась, как мы уже упоминали, деловая переписка между Лаврской и Потаниным по поводу организации последним метеорологических наблюдений в Никольске; постепенно она перешла в интимную и закончилась тем, что Александра Викторовна с матерью и сестрой приехала опять в Никольск и вышла замуж за Григория Николаевича. Она осталась у него до конца срока его ссылки, а затем переехала с ним в Петербург и готовилась принять участие в первом путешествии в Монголию в 1876 г.

По отзыву писателя Ядринцева, друга Потанина, Александра Викторовна в то время была высокой сухощавой блондинкой с подстриженными волосами и тонким, певучим голосом. Она была скромная, застенчивая, одевалась очень просто; в обществе была молчалива, мнения и суждения ее были сдержанны, но метки и остроумны. Она отличалась тонкой наблюдательностью, давала весьма удачные характеристики и определяла людей сразу. Эти качества оказались очень ценными для путешественницы; ее знание жизни и проницательность имели большое значение для Потанина, отличавшегося недостатком практичности и чрезвычайной доверчивостью.

В путешествиях Александра Викторовна обнаружила замечательную выносливость и неутомимость, хотя перед первой экспедицией казалась слабой и малокровной. В ее слабом теле оказался большой запас нервной энергии, воли и способности преодолевать трудности. Она ездила на равных условиях с членами экспедиции мужчинами, качаясь целый день на верблюде или сидела в седле на лошади, которая шла шагом под палящим солнцем, под дождем или в морозные дни под холодным ветром. Вечером ночевала в общей палатке или юрте, согреваясь у огонька, довольствуясь скудной и грубой походной пищей, и спала на земле на тонком войлоке. При ночевках в юртах кочевников ей приходилось мириться с их нечистоплотностью, с насекомыми, с немытым котлом для супа и чая, с чашкой, которую не моют, а вылизывают. На китайских постоялых дворах она ночевала на жестком и горячем кане рядом с мужчинами, иногда вместе с погонщиками и носильщиками, в тесноте, тяжелом воздухе и шуме, довольствовалась пищей китайца. А в этих условиях после дневного перехода, откладывая отдых, нужно было помогать мужу в ведении дневника, в записи наблюдений, в приведение в порядок собранных за день коллекций, аккуратном раскладывании растений в листы гербария или перекладывании их в сухую бумагу.

Присутствие женщины среди членов экспедиции всегда привлекало большое внимание местного населения, особенно в Китае, где женщина, не говоря уже об обычаях, стеснена в значительной степени и в свободе передвижения своими изуродованными ногами. Это особенное внимание часто было тягостно. Чтобы уменьшить его, пришлось отказаться от женского костюма, вообще не удобного для верховой езды, и носить полумужской.

Во время трудных переходов в горах Александра Викторовна получила жестокий ревматизм, особенно мучивший ее в последнее путешествие.

Случались и ночевки под открытым небом, например при больших безводных переходах через Гоби, когда останавливались на несколько часов, не разбивая палаток, а также зимой на снегу во время путешествия по Урянхайской земле. Бывали дни, когда в экспедициях кончались запасы хлеба и сухарей и приходилось прибегать к корням, выкапываемым из нор полевых мышей. Износившиеся европейские костюмы приходилось заменять туземными.

Особенно мучителен был описанный в XIII главе переезд через Монголию из Кяхты в Калган в начале последнего путешествия в тряском экипаже на переменных лошадях. После этой поездки у Александры Викторовны в Пекине начались приступы сердечной болезни, которая и свела ее в могилу в возрасте всего 50 лет. А длинный переезд в телеге из Пекина в Си-ань-фу по скверным дорогам зимой, с ночевками в холодных комнатах постоялых дворов, когда приходилось мерзнуть днем в телеге и вечером в комнате, согреваясь и отравляясь у жаровни с углем, не досыпая из-за того, что приходилось вставать в 3—4 часа утра в ожидании выезда, способствовал развитию этой болезни.

Помимо того, что Александра Викторовна постоянно помогала Григорию Николаевичу в работе и поддерживала в нем бодрое настроение, ее присутствие в составе нескольких экспедиций увеличивало их значение еще и потому, что она как женщина имела доступ в семейный быт местного населения, часто строго замкнутый для постороннего мужчины. Она бывала в гостях у жен монгольских князей и китайских чиновников, у китайских мусульман; наблюдала их быт и нравы, беседовала с ними и записывала свои наблюдения. Это дало ей материал для самостоятельных литературных работ, которые она писала во время перерывов между путешествиями и печатала в сибирских и центральных журналах и газетах. Ее отдельные очерки, содержавшие путевые впечатления, характеристики жизни и быта

различных народностей Азии, описания празднеств в монастырях Монголии и городах Китая являются хорошим дополнением к отчетам Потанина, в которых этой стороне путешествия часто уделено мало внимания.

Александра Викторовна была первой русской женщиной, проникшей в глубь Центральной Азии и Китая; ее присутствие в составе экспедиций Потанина особенно оттеняло их мирный характер, в отличие от военного облика экспедиций Пржевальского и Певцова. Она не только помогала Григорию Николаевичу в его трудах и разделяла его лишения, но и служила ему огромной и ничем не заменимой поддержкой, удваивая, таким образом, его силы и энергию. Вот почему, несмотря на ослабевшее здоровье, несмотря на советы врача в начале последнего путешествия в Пекине, она не осталась там, а поехала дальше, чтобы не лишить своего мужа этой поддержки.

Географическое отделение Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, высоко ценившее заслуги Александры Викторовны как путешественницы, собрало и издало ее статьи, как бывшие в печати, так и рукописные, в виде отдельного сборника, дополненного ее подробной биографией и портретом. Этот сборник был напечатан в 1895 г., и мы пользовались им не раз при составлении нашего описания жизни и путешествий Г. Н. Потанина. В сборнике имеются очерки, касающиеся бурят, монголов, широнголов, китайцев, описание религиозных плясок в монастыре, театральных представлений и религиозных празднеств, быта монастырей Утая и Гумбума, странствования по Урянхаю и камланья шаманки, встречи с монгольскими князьями и их семьями, общая характеристика Тибета и подробная история бурятского мальчика, отданного в русскую школу в половине XIX века.

Михаил Михайлович Березовский, сотрудник всех экспедиций Потанина во Внутреннюю Азию, кроме последней, был уроженцем Сибири, но учился в гимназии в Петербурге. По окончании ее поступил в Медицинскую академию и в Технологический институт, но в обоих оставался недолго и курса не кончил. Он был затем преподавателем в войсковом казачьем училище в Уральске, после чего одно время пытался организовать в Смоленской губернии завод растительного масла, но потерпел в этом неудачу. В начале 1876 г., узнав о том, что организуется экспедиция в Монголию, он явился к Потанину и предложил свои услуги, заявив, что умеет ковать железо, кроить и шить одежду, варить обед и стрелять, так что может снабжать экспедицию дичью. Такие разносторонние качества человека побудили Потанина принять его с целью приспособить к

коллекционированию по зоологии. Сам Потанин стрелять не умел, так что его личные зоологические сборы были бы ограничены пресмыкающимися, земноводными, рыбами, моллюсками и насекомыми.

Березовский быстро научился у чучельщика Коломийцева, участника первой монгольской экспедиции Потанина, снимать и препарировать шкурки млекопитающих и птиц для коллекций, а кроме того был полезен и в других отношениях; он был мастер на все руки, умел варить, жарить и печь, чинить одежду и обувь, седла и сбрую. Постепенно он сделался не только прекрасным чучельщиком, но и орнитологом и вел наблюдения над жизнью птиц в местностях, изучавшихся экспедицией. Он определил под руководством зоолога Богданова всю коллекцию птиц, собранную им во время монгольских экспедиций. Во время следующего путешествия Потанина на окраину Тибета Березовский часто отделялся от экспедиции на целые месяцы, чтобы изучить птиц и коллекционировать в определенном районе долгое время, а не мимоходом, и провел еще целый год в Китае после выезда Потанина, изучая фауну птиц в горной системе Цзин-линь-шаня и нагорья Амдо. Птиц, вывезенных из этого путешествия, он описал совместно с орнитологом Бианки в особом труде.

В следующую экспедицию Потанина в Китай Березовский выехал годом раньше, в 1891 г., и коллекционировал в системе Цзин-линь-шаня, в провинции Сычуань и на окраине Тибета, продолжая работу и после ликвидации экспедиции (в связи со смертью Александры Викторовны) до конца 1894 г. В г. Хойсяне он организовал метеорологическую станцию, а во время разъездов вел маршрутную съемку и определения широт и долгот.

Березовский обладал прекрасной памятью и большой наблюдательностью. Проводя время большей частью в одиночестве, среди туземцев, он прекрасно выучил китайский язык, а живя подолгу в бельгийских миссиях, хорошо усвоил и французский. Свой костюм он сменил на китайский и вполне довольствовался китайской пищей; он говорил, что китайцы единственный народ на земле, который сумел создать истинно народную демократическую кухню — здоровую, сытную и дешевую.

В 1887 г., возвращаясь из экспедиции после годичного пребывания в Хой-сяне, он решил совершить проезд из провинции Гань-су в Пекин на лодке по Желтой реке. Этот путь был к тому же дешевле сухопутного. Группа китайцев, сплавлявшая по реке какой-то товар из Ланьчжоу в Куку-хото, приняла Березовского в свою компанию на лодку; он спал и ел вместе со своими

спутниками. По окончании этого путешествия он говорил, что оно обошлось ему баснословно дешево.

Березовский не был женат; во время промежутков между экспедициями он жил одиноко в меблированных комнатах в Петербурге и большею частью сам готовил себе пищу. По возвращении из последней экспедиции в Китай он также жил в Петербурге, обрабатывая материалы по орнитологии Восточной Азии в Зоологическом музее Академии наук. В 1910 г. Потанин застал его в Петербурге, в доме литераторов на Карповке, где жили на иждивении литературного фонда престарелые и хронически больные писатели. Березовский поправлялся после кровоизлияния в мозг, но вскоре после этого умер, по всей вероятности, при повторении этой болезни.

Путешествуя больше отдельно от экспедиции и оставаясь целые месяцы в одном и том же районе или даже селении, в одиночестве среди местного населения, Березовский имел возможность делать много наблюдений относительно образа жизни, быта, нравов и обычаев разных племен Западного Китая и восточной окраины Тибета, т. е. собрать богатый географический и, особенно этнографический, материал. К сожалению, он этого не сделал, свои наблюдения не использовал и кроме определения птиц во время монгольских путешествий и описания (совместно с Бианки) птиц первого китайского путешествия никаких научных трудов не оставил. Он не любил писать, всякое писание было для него мукой. Потанин однажды застал его в Петербурге за письменной работой — составлением небольшого отчета о своей коллекции птиц. Весь пол его комнаты был покрыт листами исписанной бумаги. Написав лист, Березовский перечитывал его, находил, что что-нибудь передано не точно, не ясно, не наглядно, бросал этот лист на пол и начинал новый, в котором оказывался такой же дефект в другом месте. Так он исписал десятки листов, пока не добился вполне удовлетворившего его результата, к которому не только в письменной работе, но и во всякой другой он всегда стремился.

Сотрудничество Березовского в двух китайских экспедициях Потанина .принесло им мало непосредственной пользы, так как он большею частью путешествовал отдельно от остальных. Гораздо полезнее для первой монгольской экспедиции был топограф П. А. Рафаилов и для первой китайской — геодезист А. И. Скасси. Они ехали все время вместе с Потаниным, вели маршрутную съемку, определяли широты и долготы, давали в результате карты всей пройденной местности и делили с остальными членами экспедиции все трудности и невзгоды.

Потанин в своих воспоминаниях ничего не говорит о

Рафаилове и не много слов посвящает Августу Ивановичу Скасси. Этот хорошо образованный геодезист до китайской экспедиции уже с 1870 г. выполнил большие съемочные работы в ,Туркестане и на Памире и был опытным Путешественником. Он, несомненно, много помогал Потанину в организации каравана и руководстве его движением: во всяком случае, Потанин, как мы видели, отметил, что успешным переходом через Гоби от реки Эдзин-гол на север без всяких потерь экспедиция была обязана Скасси, его распорядительности и опытности в заготовке сена и воды и в распределении времени между движением и- отдыхом в пустыне.

В противоположность Березовскому, Скасси и в Китае упорно хотел сохранить свой облик культурного европейца. Он долго путешествовал в своем костюме и ставил заплатку на заплатку на свои изношенные сапоги, не желая сменить их на китайские башмаки. Так как ему пришлось делать визиты китайским мандаринам, он, чтобы скрыть эти заплаты, оставался во время этих визитов в новеньких калошах, т. е. совершал большое неприличие с европейской точки зрения. В конце концов и ему пришлось надеть плисовые китайские сапоги, затем сшить себе брюки из тибетского красного сукна и, наконец, даже надеть китайскую шубу.

В последней китайской экспедиции Потанина участвовал Будда Рабданович Рабданов, бурят из Агинской степи в Восточном Забайкалье. Он окончил три класса гимназии в Чите и говорил хорошо по-русски, особенно охотно декламировал стихи русских поэтов. Он служил переводчиком бурятского языка при областном правлении. С буддизмом он познакомился из бесед с ламами и сделался убежденным буддистом. До своего участия в экспедиции Потанина он побывал в Монголии, совершив поездку в монастырь Табын богдо-сумэ в средней части Большого Хингана. В экспедиции Потанина он согласился принять участие в качестве переводчика без всякого вознаграждения, только ради того, чтобы познакомится со страной, в которой господствующей религией является буддизм.

В Пекине он имел возможность увидеть богдыхана во время проезда последнего в какой-то храм в центре города. Хотя при этом Рабданову, смешавшемуся с тысячной толпой, выдерживавшей напор полицейских, намяли бока и он получил три удара бичом по спине, он все же испытал полное удовлетворение, увидев эту живую святыню буддистов, почитавшуюся четырьмястами миллионов душ.

Путь из Си-ань-фу в Сы-чуань Потанин и его жена совершили на носилках, а молодые члены экспедиции должны были ехать поверх вьюков на мулах. Рабданов был довольно тучен, и этот

способ передвижения ему не улыбался; он предпочел весь этот путь сделать пешком, что оказалось полезным для его здоровья.

В Сы-чуани, как упомянуто в главе XIII, Потанин вместе с Рабдановым посетили священную гору О-мей-шань. Рабданов так увлекся буддийским богослужением, что потихоньку встал ночью, ушел в храм, где происходило ночное «моление за человечество», и принял в нем живое участие, расхаживая по храму с руками, поднятыми к небу, и с заунывным пением «о-ми-то-фо».

После экспедиции Рабданов посетил Петербург в качестве делегата по земельному вопросу от забайкальских бурят; пользуясь досугом, он составил там собрание бурятских пословиц. Позже он вместе с бурятом Доржиевым, прожившим в Лхассе около 20 лет, побывал в Париже, где в музее Гинэ они организовали буддийское богослужение, о котором писали газеты. Рабданов был удовлетворен тем, что пропаганда буддийского учения достигла французской столицы. Ко всем, владевшим пером, он обращался с просьбой пропагандировать это учение.

Сантан-джимба, монгол-широнгол из местности Сан-чуань в провинции Гань-су, играл большую роль в первом путешествии Потанина на окраину Тибета. Как было отмечено в главе X, он был опытный путешественник, разъезжавший с миссионерами по юго-восточной Монголии, сопровождавший Гюка и Габэ в их экспедиции из Пекина в Лхассу и потом еще двух иностранцев — через Монголию в Кяхту. В караване Потанина Сантан-джимба ввиду его возраста уже не нес определенной работы, а скорее являлся советчиком, руководителем рабочих при вьючке, уходе за животными, устройстве лагеря. Особенно большую пользу он приносил как человек, получивший во время предшествующих экспедиций большой опыт по сношениям с китайскими властями. Он способствовал престижу русской экспедиции тем, что держал себя при сношениях с китайскими чиновниками с достоинством, без всякого подобострастия и низкопоклонства.

Присутствие этого почтенного старика в составе экспедиции обусловливало еще то, что местные жители — монголы в Ордосе, широнголы в Сан-чуани, тангуты в Амдо не боялись наниматься рабочими в караван иностранца, заморского чорта, и уезжать с ним на целые месяцы далеко от своей родины.

Хара-егур Лобсын, участник трех экспедиций Потанина, являлся одним из тех бездомных людей, которые привыкли бродить из монастыря в монастырь на поклонение святым. До экспедиции он побывал уже в какой-то священной местности в бассейне реки Ян-цзе, к югу от городов Да-цзянь-лу и Литана, название которой, как он говорил, в переводе значит «Куриная

нога». Потанин нанял его в рабочие в районе поселений мирных тангутов, шира- и хара-егуров в северной цепи Нань-шаня, и он прошел с караваном по Эдзин-голу, через Гоби и Хангай в Кяхту. Отсюда он должен был вернуться на родину, вместе с другими рабочими каравана, нанятыми в Нань- шане, но в Урге заболел, отстал от товарищей, вернулся в Кяхту и жил там. Когда Потанин прибыл в этот город, в начале второй экспедиции в Китай, Лобсын явился к нему и просил взять его опять на службу. Он проделал всю эту экспедицию до Да-цзянь-лу на окраине Тибета, вернулся вместе с Рабдановым в Кяхту и поселился в Агинской степи Восточного Забайкалья в доме отца Рабданова. Когда Потанин организовал в этой степи свой караван для экспедиции в Хинган, Лобсын опять предложил свои услуги и был взят как верный и услужливый человек. Кроме родного тюркского языка он знал монгольский, китайский и тибетский и понимал русскую речь. Он отличался также необыкновенно острым зрением единственного глаза (другой был покрыт бельмом) и с большого расстояния определял точно юрту, скот, камень, дерево. По цвету степи и окраске трав он издали определял свойства воды в озере, которое виднелось впереди, пресное оно или соленое, а также определял по цвету трав проходимость болота. В степи он умел очень быстро находить потерянную вещь и был особенно полезен в последнем путешествии.

Глава XVI. Г. Н. ПОТАНИН КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЗИИ

Сравнение Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова как пионеров в изучении Внутренней Азии. Особенности Г. Н. Потанина как путешественника, его путевые отчеты, этнографические наблюдения и ботанические сборы. Материалы по народному эпосу и труды Г. Н. Потанина по их обработке

Наиболее полное и правильное представление о заслугах Потанина как исследователя Азии дает нам сопоставление его наблюдений с трудами других путешественников, работавших в глубине Азии одновременно с ним.

Когда будет написана история географических открытий и исследований во Внутренней Азии во второй поло вине XIX века, на ее страницах займут почетное место и будут поставлены рядом имена трех русских путешественников — Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и М. В Певцова.

Ранее этих трех путешественников в глубь материка Азии, конечно, уже проникали многие европейцы, начиная с христианских миссионеров VII века. Многочисленные исследователи побывали там и после них, так что научных данных о внутренних странах величайшего материка мы имеем теперь гораздо больше, чем имели 50 лет назад, когда Потанин, Пржевальский и Певцов закончили свои путешествия и обнародовали их результаты.

Но эти три имени стоят как-раз на рубеже исследований: старых, случайных, несистематичных — и новейших. Эти три путешественника являются пионерами современной научной работы во Внутренней Азии. До них мы знали о громадных пространствах Монголии, Джунгарии. Восточного Туркестана и Тибета очень мало, а из того, что мы знали, много было неверно или прямо фантастично, как, например, сведения о действующих вулканах Восточного Тянь-шаня, рассказы о таинственной пещере Уйбэ в Джунгарии, из которой вылетают ветры невероятной силы, сметающие проезжающие караваны в соседнее озеро, или, наконец, сказания об огненных горах возле Турфана, из которых

торчат огромные кости святых, и т. п.

Сколько кропотливого труда должны были употребить Ремюза, Клапрот, Риттер, Гумбольдт и другие ученые первой половины прошлого века, чтобы извлечь скудные географические данные из писаний старинных китайских путешественников на запад вроде Чан-чуня, Ши-фа-хян, Чан-де и других, чтобы истолковать и приурочить к географической карте сказания Марко Поло, Плано Карпини, Рубруквиса и других средневековых странников, проникавших в глубь Азии!

Но несмотря на многолетние труды этих ученых, карты Внутренней Азии, которые они составили, содержали не только много белых пространств, но и много ошибок, часто очень грубых, что легко обнаружить, если сравнить даже лучшие из них, например карту Гумбольдта, приложенную к его классическому труду «Asie Centrale», с современными картами.

Действительное научное исследование Внутренней Азии началось именно с путешествий Потанина, Пржевальского и Певцова. Все трое посетили и Джунгарию, и Монголию, и Китай, и Тибет. Маршруты их то сближаются и даже скрещиваются, то далеко расходятся; есть местности, где побывали все трое, но гораздо больше местностей, где прошли только двое или один из них.

Если нанести маршруты всех троих на одну и ту же карту, мы увидим, что Внутренняя Азия будет искрещена ими е разных частях и в разных направлениях, и не останется ни одной страны, кроме южной половины Тибета, где бы не пролегал маршрут хотя бы одного из них. Их путевые отчеты то являются единственными для данной местности, то дополняют друг друга.

Все трое в совокупности создали ту основную канву географического лика Внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей начали уже вышивать узоры, т. е. наносить детали общей картины. До путешествий Потанина, Пржевальского и Певцова этой основной канвы, необходимой для более детальной современной работы, еще не было, а были только обрывки ее, клочки, часто не вязавшиеся друг с другом, вопреки усилиям таких мастеров, как Риттер, Гумбольдт, Рихтгофен.

Из этой троицы пионеров географической работы невозможно вырвать ни одного — в канве сейчас же образуются большие дыры. Трудно даже решить вопрос, кто из них сделал больше другого, кому отвести первое место, кому второе, кому третье как исследователям Внутренней Азии. Правильный ответ будет такой: для одних стран сделал больше Потанин (например для Северной Монголии, Ордоса, восточной окраины Тибета), для других —

Пржевальский (для Алашаня, Цайдама, Сев. Тибета), для третьих — Певцов (для Джунгарии, Зап. Куэн-луня). Но и Потанин и Пржевальский собрали много данных о Джунгарии, Пржевальский — об Ордосе, Певцов — о Северном Тибете и т. п.

Пржевальский сделал больше крупных географических открытий, потому что проник первым в Ордос, Алашань, Нань-шань, на Лоб-нор и в Тибет. Но и оба другие сделали немало открытий, а в отношении этнографии Потанин сделал больше, чем Пржевальский и Певцов, взятые вместе.

Путевые отчеты всех трех пионеров являются настольными книгами современного натуралиста, занимающегося, изучением природы и жителей Внутренней Азии, не только географа и этнографа, но и геолога, зоолога, ботаника, даже климатолога и археолога.

Но эти путевые отчеты при всем своем богатом содержании не одинаковы: у Пржевальского мы найдем более красочные описания природы, более интересное изложение хода путешествия, путевых встреч, охотничьих приключений; у Потанина и Певцова зато имеются белее точные характеристики местности, более детальные данные о виденном и слышанном. Пржевальский и Певцов были офицеры, путешествовавшие с более или менее многочисленным военным конвоем, который делал их более смелыми, более независимыми от местного населения и туземных властей, но зато мешал их тесному общению с туземцами, часто внушая последним недоверие или страх.

Пржевальский имел целые сражения с тангутами и тибетцами. Потанин военного конвоя не имел, путешествовал в гражданском платье и со своей женой, провел много дней в селениях туземцев, в китайских городах, в буддийских монастырях и потому изучил быт и нравы народов гораздо лучше, чем Пржевальский и Певцов. Он доказал своим примером, что по Внутренней Азии (кроме Тибета) можно спокойно путешествовать без конвоя, с наемными рабочими, и все-таки проникать туда, куда нужно.

Потанин относился с особенным вниманием и любовью к различным народностям Внутренней Азии, и естественно, что в его отчетах мы находим гораздо более полные и подробные описания их быта, фольклора и т. д., чем в отчетах других двух путешественников.

Для Потанина страны Центральной Азии являлись своеобразным музеем, в котором хранились памятники материальной и духовной культуры народов, частью уже исчезнувших, и в котором можно собрать богатые материалы по

народному эпосу и этнографии вообще. Умение расположить к себе население страны и заслужить его доверие очень способствовало успеху работы Потанина в такой деликатной области человеческой жизни, как религия, обряды и обычаи. Его палатка, юрта или фанза часто была полна посетителями, от которых он умел получать интересовавшие его сведения.

Пржевальский жаждал географических открытий и особенно стремился в ту страну, где можно было сделать наиболее крупные открытия, именно в таинственный Тибет с его столицей Лхассой и северной оградой — хребтом Куэн-лунь, которые и были конечной целью всех его путешествий. Тем странам Азии, через которые он шел к Тибету, внимание уделялось только попутно и, к сожалению, часто недостаточное. Пржевальского манили огромные нагорья, поднятые на высоту Монблана, исполинские горные цепи, вытянувшиеся на сотни верст и увенчанные вечными снегами. Мелкосопочники и пустынные равнины, занимавшие огромные пространства Внутренней Азии, были для него мало интересны, и это сильно отражается на их описании. Певцов и особенно Потанин этого упрека не заслуживают.

Потанин имел необходимые для путешественника по Внутренней Азии личные качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, чрезвычайную неприхотливость и выносливость, знакомство с местными языками, уменье обращаться с туземцами, хорошие познания в области географии и естественных наук, отличное знакомство с литературой по географии Сибири и Внутренней Азии и, конечно, любовь к делу и полную самоотверженную преданность науке.

Итак, Г. Н. Потанин, наряду с Пржевальским и Певцовым, положил основу современного земледелия Внутренней Азии. Благодаря его путешествиям наука получила первые достаточно подробные сведения о многих частях

Монголии — Северной, Восточной и Центральной, с громадными хребтами Монгольского Алтая, Хангая, Танну-ола и Хингана и с многочисленными озерами и пустынями, далее — о частях Северного Китая с Ордосом и У-тай-шанем, о восточной окраине Тибета и прилежащей части Южного Китая и Восточного Нань-шаня. Потанин познакомил нас также с различными народностями, населяющими эти страны, с их бытом, нравами, верованиями и словесностью. В его отчетах о путешествиях мы встретим сведения о племенах тюркских (тюрках Русского Алтая, урянхайцах, киргизах, узбеках, котонах), монгольских (халхасцах, дюрбютах, дархатах, бурятах, торгоутах, ордосских монголах, кукунорских и наньшанских саларах, широнголах, хара- и шира-егурах), о тангутах, дунганах и китайцах. В этих отчетах

помещено больше трехсот легенд, сказок, исторических преданий и других произведений народной словесности, а также наречия монгольских племен, затерявшихся на окраине Тибета среди китайского и тангутского населения. Эти обширные записи дали Потанину материал для его работы о восточном народном эпосе вообще и для сравнения его с славянским и западноевропейским.

Но и народам монгольского и тюркского племен, живущим в пределах Российской империи, Григорий Николаевич посвятил много работ,— он изучал быт, поверья, эпос бурят Иркутской губернии и Забайкальской области, калмыков Русского Алтая, киргизов Западной Сибири, вотяков и чувашей Казанской и Вятской губерний.

Особенные заслуги экспедиций Потанина заключаются в богатстве и новизне собранных им материалов по этнографии, и в этом отношении они занимают первое место среди всех других экспедиций во Внутреннюю Азию, не только современных с ним, но и позднейших. Это обусловлено тем, что этнографические сведения, особенно народный эпос, были предметом большого внимания Потанина. С увлечением и любовью он собирал легенды, сказки и верования различных народов Азии, сопоставлял варианты однородных сюжетов у разных народов, доискиваясь их внутренней связи и единства идеи, и приходил к интересным заключениям о духовном родстве европейских и азиатских народов, в частности о единстве средневекового эпоса Европы с восточноордынским и о влиянии последнего на первый.

В его отчетах мы находим также сведения о торговле и промыслах населения исследованных стран, например о русской торговле в Монголии, о рыбном промысле на озере Зайсане и т. д. Нельзя не упомянуть также о ботанических сборах Потанина. По отзыву ботаников, наиболее полные и тщательно собранные гербарии из всех русских путешественников по Внутренней Азии доставил Григорий Николаевич; дополнением к ним служат его заметки в путевых дневниках об общем характере флоры данной местности и распространении того или другого растения. Гербарии Григорий Николаевич составлял сам при помощи жены, тогда как зоологические сборы часто велись другими членами его экспедиций. Ботанику Григорий Николаевич знал и любил больше других естественных наук и относился к собиранию растений так же ревниво и тщательно, как и к собиранию образцов народной словесности. Э. Бретшнейдер в своей известной книге «История европейских ботанических открытий в Китае» (английской) перечислил 160 новых явнобрачных растений, среди которых — три новых рода, открытых Потаниным, причем часть новинок его сборов в то время (в 1898

г.) еще не была рассмотрена, так что в настоящее время количество его открытий должно быть еще больше; многие новые виды и один род получили его имя.

Зоологические коллекции экспедиции Потанина, собранные частью им самим, частью его сотрудниками, которые не отставали от него в своем усердии, также отличаются большой полнотой, содержат много новых родов и видов и дают сведения о распространении животных.

Уже в 1886 г. Г. Н. Потанин получил от Географического общества его высшую награду — Константиновскую медаль — за экспедицию на восточную окраину Тибета и за всю его деятельность на пользу географической науки. Он состоял почетным членом, как Географического общества, так и ряда других ученых обществ, имеющих отношение к географии и этнографии.

Огромный материал по народному эпосу, собранный Потаниным у разных азиатских племен, составил два тома, его «Очерков северо-западной Монголии» и второй том путешествия на окраину Тибета. В последние годы жизни, когда он уже не мог собирать новый материал посредством путешествий, он начал обрабатывать собранное и из собирателя фольклора сделался фольклористом. Сюжеты некоторых сказок и преданий были близки друг другу, хотя записаны у разных народов, говорящих на разных языках и живущих далеко друг от друга. Потанин стал искать, причины этого и пришел к выводу, что культ Иисуса Христа, сына неба, создался не на западе, а на востоке — у народов Центральной Азии, и гораздо раньше. Он считал, что борьба с верой в Христа, верой в сказочную личность, разоблачение ее устно и письменно сделалось теперь задачей его жизни, с которой нужно торопиться, так как он уже очень стар.

Так, при обработке азиатского народного эпоса постепенно возникли сочинения Потанина: «Восточные мотивы в средневековом эпосе», вышедшее в 1899 г., затем «Восточные параллели некоторым русским сказкам», «Русская девица Дарига в киргизской сказке», «Греческий эпос и ордынский фольклор», «Былина о Добрыне и монгольское сказание о Гэсэре», «Ордынские параллели к поэмам лонгобардского цикла», «Ставр Годинович и Гэсэр», «Сага о царе Соломоне», напечатанная в 1912 г. Эти изыскания о происхождении легенды об Иисусе Христе из глубины Центральной Азии окончательно завершились в последней книге Потанина «Ерке, сын неба Северной Азии», вышедшей в Томске в 1916 г.

Закончив текст этой книги, Потанин сделал в конце 1915 г. доклад в Томском обществе изучения Сибири о культе сына неба

в Северной Азии. Он обрисовал в образах легенды Монголии, описывающие Ерлика, участника сотворения мира, сына творца, но свергнутого в преисподнюю и ведущего вечную борьбу с царем неба, изложил поэмы о сыне неба, фигурирующем в образах Пороса. Ирин-саина, Гэсэра и Чингис-хана, и картины обрядов, связанных с его почитанием. В легендах восстает образ низвергнутого в преисподнюю сотрудника и сына творца в виде одетого шерстью сурка, а в виде летучей мыши — образ духа, провинившегося отказом помощи страдающему сыну неба, прикованному к скале. Затем Потанин рассмотрел перенесение культа сына неба из Азии на запад. привел сказания Кавказа, легенды киргизских степей и сказки, распространенные в русских губерниях, и высказал уверенность, что этнологи и фольклористы со временем осветят историческую связь между легендарным эпосом Востока и Запада о культе сына неба.

Потанин ждал, что эта книга привлечет внимание и вызовет критику и возражения со стороны защитников западнического направления в фольклоре. Но отзывов не было, западники молчали, и Потанин огорчался этим. Нужно заметить, что время выхода книги почти совпадало с революцией, гражданской войной, разрухой, которые отвлекли всеобщее внимание.

Кроме этих крупных произведений по народному эпосу Потанину принадлежат многочисленные статьи и заметки по разным вопросам, главным образом касающимся Сибири, которые печатались на протяжений 50 лет в различных газетах и журналах, преимущественно сибирских.

Подробное жизнеописание Г. Н. Потанина, оценка его научной и общественной деятельности и полный список его печатных трудов являются еще задачей будущего.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ, В КОТОРЫХ ОПИСАНЫ ПУТЕШЕСТВИЯ Г. Н. ПОТАНИНА

1. «Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша до озера Марка-куль и горы Сары-тау летом 1863 г.» «Зап. Русск. геогр. общ. по общ. географии», т. I, 1867 г., стр. 363—428.

2. «Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863—1864 г.)». Там же, стр. 429—462.

3. «Поездка по восточному Тарбагатаю летом 1864 г.» Там же, стр. 463—534.

4. «Очерки Северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг.» 2 выпуска с картой и таблицами. Изд. Русск. геогр. общ., 1881 г.

5. «Очерки Северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879—1880 гг.» 2 выпуска с картой и таблицами. Изд. Русск. геогр. общ., 1883 г.

6. «Тунгутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия 1884—1886 гг.» 2 тома с картами и таблицами. Изд. Русск. геогр. общ., 1893 г.

7. «Очерк путешествия в Сы-чуань и на восточную окраину Тибета в 1892—1893 гг.» «Изв. Русск. геогр. общ.», т. 35, вып. 4, 1899 г., стр. 363—436 (с картами и таблицами).

8. «Поездка в среднюю часть Большого Хингана летом 1899 г.» «Изв. Русск. географ, общ.», т. 37, вып. 5, 1901 г., стр. 355—483 (с картой).

Очерки из путешествий Г. Н. Потанина, написанные его женой, изданные Геогр. отдел. Общ. люб. естеств., антроп. и этногр. в Москве:

9. «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей А. В. Потаниной», М., 1895, 296 стр. с портретом и 5 таблицами.

Популярный очерк части путешествий был издан Девриеном под заглавием:

10. «Путешествия Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии. Обработаны по подлинным сочинениям М. А. Лялиной», СПб.. 1898, 224 стр. (с 48 рис., портретом и картой).

Эта книга содержит краткий биографический очерк и очерки из двух путешествий по Монголии и первого путешествия на окраину Тибета.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Озеро Джасылькуль в долине Иссык (Б. Алмаатинка) на северном склоне Заилийского Алатау

Кой-тас (бараний камень) — выходы массивного гранита на гребне хребта

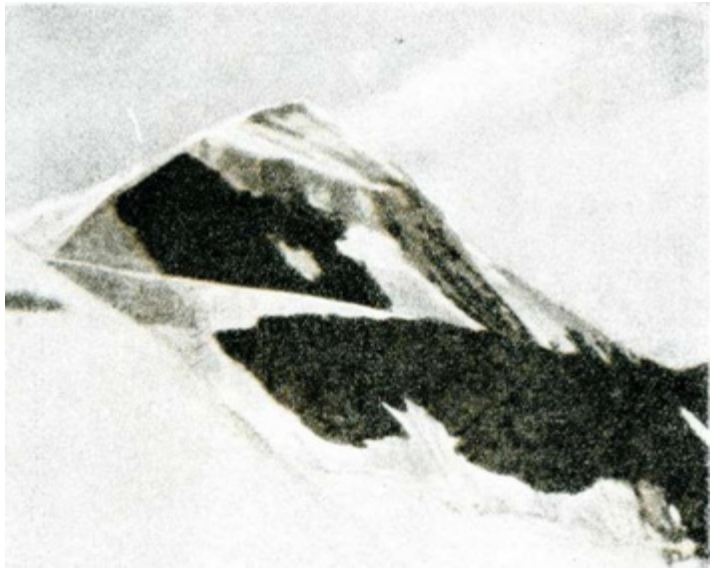
Киргиз с охотничьим орлом

Горные бараны (архары) в Монгольском Алтае

Сарлыки в Монгольском Алтае

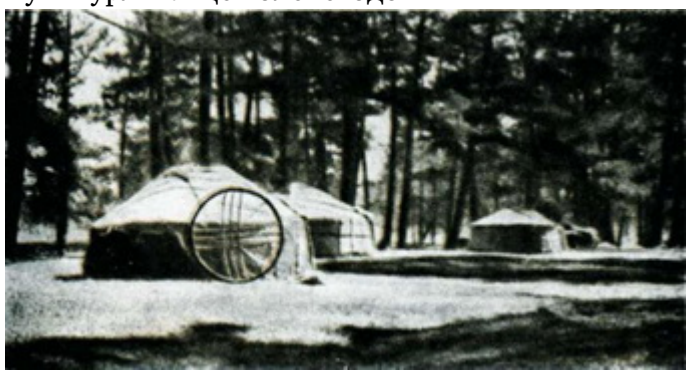
Монгольский караул у южного подножия хр. Танну-ола

Монгол-дюрбют



Тюргюнский белок, пик Куиделюн

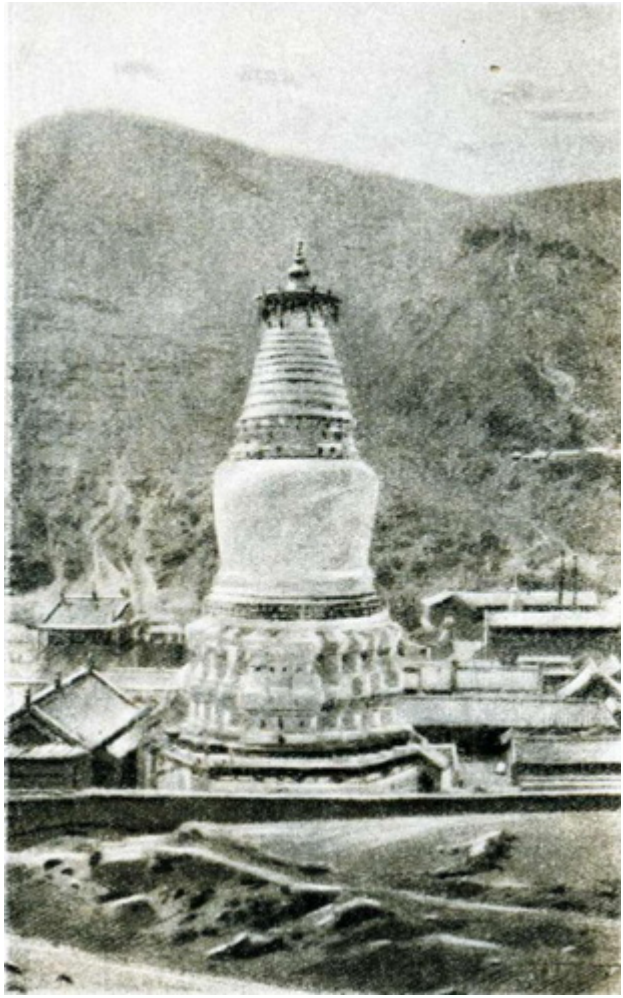
Чумы урянхайцев-оленеводов



Юрты урянхайцев на окраине леса

Урянхайская шаманка с бубном

Китайская гостиница



Белая башня Пай-тха в У-тай-шане

Одна из кумирен в г. Гуй-хуа-чен с большим субурганом

Кумирня У-та-сы с пятью башнями

Монгол Сантан-джимба

Широнголка из Сан-чуани

Пещерная гостиница в толще лесса

Монастырь Кадан-сюмэ

Сининский амбань Линь

Долина р. Ксернцо с водопадами

Полустатуя бога Жянба в 20 м вышины

Монастырь Гумбум

Верблюд летом и зимой

Нарядные монголки на улице в Улан-Баторе

Нарядные монголки возле юрты

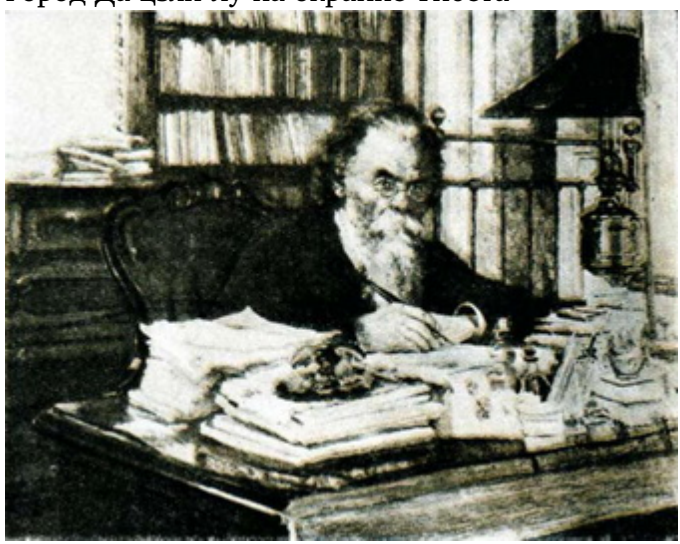
Улица Хата-мын в Пекине

Легковая китайская телега

Носилки для пассажиров в Китае

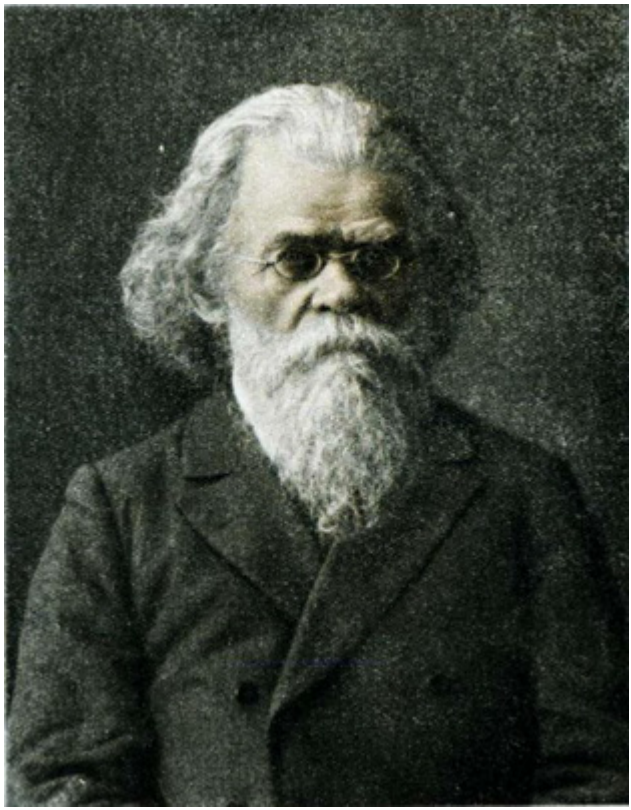
Тибетцы в Да-цзян-лу

Город Да-цзян-лу на окраине Тибета



Г. Н. Потанин (1910 г.)

Александра Викторовна Потанина (1883 г.)



Г. Н. Потанин (1916 г.)

notes

Примечания

1

Киргизская степь — прежнее название северной степной мелкогористой и равнинной части Казахстана.

2

Дощаник — простое судно без парусов, вроде баржи, грубо сколоченное из досок. Такие же суда были в употреблении в Восточной Сибири еще в начале XX века и назывались паузками; в них сплавляли товары вниз по р. Лене.

З

Драгуны — кавалерия, обученная действиям в пешем строю; первый драгунский полк был сформирован царем Михаилом Федоровичем в 1631 г.

4

Киргизами прежде называли целый ряд родственных кочевых народов, говорящих на одном из наречий тюркского языка, известном под названием киргизского. Кочевников, живущих к востоку от Урала по верховьям сибирских рек Ишима, Тобола, Иртыша и в Семиречьи, называли киргиз-казаками. Теперь эта часть народов называется казахами, а занимаемая ими территория составляет Казахстан, одну из Союзных республик СССР. Калмыками называли кочевников монгольского племени, живших между Волгой и Уралом, а также рядом с киргизами в Джунгарии.

5

Кандык, или волчий зуб, — полукустарниковое растение. Его корни, имеющие форму зуба, казахи едят сырыми; урянхайцы варят из них кашу.

6

Шаньга — сибирское название круглой булки, помазанной сметаной перед посадкой в печь.

7

Кивер — высокий головной убор из твердой кожи с развалистой или прямой тульей и плоским верхом; употреблялся в русской армии с 1803 по 1846 г. Помпон — шерстяной или волосяной шарик.

8

Кордонная служба — пребывание казака на службе в отдельных мелких сторожевых отрядах на границе — на кордоне.

9

Джигда, также жужуба — дерево с красными ветвями, узкими жесткими серозелеными листьями и небольшими плодами формы финика с мучнистым сладким содержимым и длинной косточкой.

10

Большая орда — так называлась часть киргиз-казахов, занимавшая местность на юге от р. Кара-тал в хр. Джунгарском Алатау до р. Сыр-Дарьи. Ее составляли 4 поколения, состоявшие в общем из 70 000 семейств.

11

«Современник» — прогрессивный литературный и политический журнал, основанный Пушкиным и издававшийся с 1836 по 1866 г. В нем участвовали многие из лучших писателей России.

12

Теперь это Алма-ата, столица Казахской ССР.

13

Кавелин К. Д. (1818—1885) — ученый-юрист и писатель, профессор Московского и Петербургского университетов.

14

Кош пастухов — плетеный шалаш, балаган, загон, овчарня, вообще табор, лагерь, стоянка.

15

Кулан ростом с небольшую лошадь; масть светлобурая, брюхо и низ шеи белые, вдоль спины черная полоса, как у осла, на которого кулан похож также жидкой гривой и жидким хвостом, но уши гораздо короче. Кулан больше всего похож на домашнего мула.

16

Петрашевцы — кружок молодежи, руководимый Буташевич-Петрашевским (вторая половина 40-х годов XIX в.), пропагандировавший освобождение крестьян, свободу печати, гласный и независимый суд, представительный образ правления, республику. Проекта тайного общества петрашевцы выработать не успели, свои идеи распространяли устно и в литературе. 21 петрашевец был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, а остальные понесли административные кары.

17

Свои тяжелые старинные гладкоствольные ружья сибирские охотники для верности выстрела ставили на «сошки» — подпорку из двух тонких и прочных деревянных ножек, заостренных внизу и прикрепленных к дулу ружья на шарнире. При ношении ружья на спине сошки пригибались вплотную к нему.

18

Солонец — участок почвы с густыми выцветами соли, которую некоторые дикие животные любят лизать, а птицы — клевать. Охотники часто делают солонцы искусственно, густо посыпая солью плешины среди травы, чтобы приманить животных.

19

М. Н. Катков — публицист, один из самых махровых реакционеров в царствование Александра II и Александра III.

20

В то время, когда еще не было фотографии, обмен именами среди арестованных, находившихся под следствием в общей камере, устраивался за деньги или по дружбе. Например, обвиняемый в убийстве мог поменяться именами с другим, который обвинялся в более легком преступлении и подходил к первому по приметам и возрасту.

21

Время от времени по случаю военной победы, рождения наследника, своего бракосочетания и других подобных событий цари издавали манифесты, в которых сокращались сроки тюремного заключения и ссылки, прощались некоторые преступления, слагались недоимки и т. п.

22

Наручни, или наручники,— кандалы, надетые на кисти рук; для затруднения побега наручники двух арестантов соединялись проволокой, а трех пар, шедших друг за другом, еще продольной проволокой.

23

В Китае чиновные лица отличались по своему рангу шариками разного цвета и качества, прикрепленными к верху шапки. Из шариков одного цвета один был прозрачным, другой — непрозрачным; белые шарики обозначали низшие ранги, синие — средние, красные — самые высокие.

24

Гэгэн — в буддийском культе воплощение Будды или других божеств; по представлению верующих, он не умирает, а перевоплощается, т. е. душа его переселяется в новорожденного младенца. Каждый большой монастырь в Монголии и Тибете старается иметь своего гэгэна для привлечения богомольцев. Гэгэн большей частью является ставленником и марионеткой в руках воспитавших его высших лам. Далай-лама, духовный правитель Тибета, — наиболее почитаемый из гэгэнов, называемых также хутухта и хубилган.

25

Дунгане — китайские мусульмане, отличающиеся от китайцев не только религией, но также обликом и образом жизни, хотя язык и одежда у них китайские. В середине XIX в. они не раз поднимали восстания против китайской власти в западных провинциях Китая, Туркестана и Джунгарии. Восстания эти носили характер феодальных войн, причем длились целые годы.

26

Пустынный загар, или лак пустыни, — тонкая черная и блестящая корочка, покрывающая в пустынях скалы, а также рассеянные по земле гальку и щебень, и скрывающая цвет горной породы.

27

В Китайском Туркестане в 1875 г. тюркские племена подняли восстание против китайской власти. Его возглавлял Якуббек, выходец из Андижана, объявивший себя владетелем Кашгарии и управлявший ею два года. После его смерти китайцы в 1878 г. восстановили свою власть.

28

Собственно Китаем называли 18 внутренних провинций Китая, отделенных Великой стеной от Внутренней Азии; Маньчжурия, Монголия, Тибет и Китайский Туркестан составляли «внестенный Китай», подчиненный китайскому богдыхану.

29

Дресва — очень грубый песок с мелким щебнем, образующийся при распадении гранита от выветривания.

30

Тарбаган, или сурок, — животное из отряда грызунов, живущее в норах и распространенное в гористых местностях Внутренней Азии.

31

«Ом-мани-пад-ме-хум» — буддийская мистическая формула, которую ламы и богомольцы повторяют беспрерывно, перебирая четки. В переводе означает: «О, драгоценность на лотосе!»

32

В Монголии речки, почти сходящиеся вершинами на водоразделе, но текущие в разные стороны, часто имеют одинаковые названия, но с приставками «ар» или «убур». Так, на Танну-ола экспедиция поднялась по р. Амрык, а спускалась по северному склону по р. Ар-амрык

33

Дархаты— урянхайское (тюркское) племя, населяющее берега оз. Косогол, оз. Тери-нор и окружающие горы. В XVII в. дархаты выдали китайскому правительству монгольского князя Ши-дыр-вана, поднявшего восстание, но разбитого и пытавшегося пробраться в Россию. За это дархаты были освобождены от государственных повинностей и приписаны к владениям Ургинского гэгэна (хугухты), которому обязались доставлять масло. Дархат — значит мастер, искусник, а в переносном смысле — привилегированный.

34

Великая китайская стена была воздвигнута для защиты провинций Китая от набегов монгольских кочевников по повелению императора Цинь-ши-туана в 211 г. до н. э. Ее длина по китайским данным — 10 000 ли (1 ли — около 0,5 км). Она начинается у крепости Цзя-юй-гуань на западной окраине провинции Гань-су.

35

Субурган (ступа) — буддийское сооружение, отмечающее место какого-либо замечательного события или служащее гробницей; состоит из трех частей; пьедестала (часто ступенчатого), главной части (в виде плоского шара или митры) и высокого шпица, оканчивающегося изображениями луны, солнца и пламенеющего огня премудрости — «нада». У лучших субурганов шпиц украшен 13 металлическими кольцами, Субурганы большей частью сооружаются возле храмов, иногда — над храмами, некоторые же стоят порознь и группами в степи.

36

Курма в китайском костюме представляет кофту с широкими рукавами, которая надевается поверх халата. Для повседневной носки она из черного и простого материала, а парадная — из шелка; у чиновников курму украшали нашитыми изображениями драконов или узорами.

37

Хадак — длинный и узкий кусок реденькой шелковой ткани, похожий на шарфик; богомольцы подносят его гэгэнам и старшим ламам в виде приветствия.

38

Статуи бога Майдари всегда делают огромной величины (до 12 м); их высекают в отвесном обрыве скал или отливают по частям из бронзы.

39

Тамариск (гребенщик) — высокий куст или даже дерево с мелкими чешуевидными листьями и розовыми цветами в виде кистей; растет кустами на песках, в особенности же на солонцевых почвах и солончаках, где достигает величины дерева.

40

Саксаул — дерево, особенно распространенное в песчаных пустынях Азии с более теплым климатом; имеет корявый ствол с очень твердой и тяжелой древесиной и тонкие членистые зеленые ветви, без листьев.

41

О. А. Федченко сопровождала своего мужа, зоолога А. П. Федченко, в качестве ботаника и художницы в 1868— 1871 гг. в его путешествиях по Тянь-шаню, а позже — и его сына. Б. А. Федченко, ботаника, и написала «Флору Памира». О. К. Позднеева ездила со своим мужем монголистом в 1892— 1893 гг. по Монголии и Китаю.